

ISSN 1563-0366
Индекс 75882; 25882

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫ

Заң сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия юридическая

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

JOURNAL

of Actual Problems of Jurisprudence

№4 (84)

Алматы
«Қазақ университеті»
2017

ХАБАРШЫ

ЗАҢ СЕРИЯСЫ № 4 (84)

ISSN 1563-0366
Индекс 75882; 25882

25.11.1999 ж. Қазақстан Республикасының Мәдениет, ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде тіркелген

Күәлік №956-Ж.

Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ

Сманова А.Б.,

(Қазақстан)

Телефон: +7727-377-33-36 (ішкі н. 12-57)

E-mail: Akmaral.Smanova@kaznu.kz

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Байдельдинов Д.Л., з.ғ.д., профессор

(бас редактор) (Қазақстан)

Кенжалиев З.Ж., з.ғ.д., профессор

(бас ред. орынбасары) (Қазақстан)

Сартаев С.С., з.ғ.д., академик *(Қазақстан)*

Тыныбеков С.Т., з.ғ.д., профессор *(Қазақстан)*

Ибраева А.С., з.ғ.д., профессор *(Қазақстан)*

Джансараева Р.Р., з.ғ.д., профессор *(Қазақстан)*

Усеинова Г.Р., з.ғ.д., профессор *(Қазақстан)*

Еркинбаева Л.К., з.ғ.д., профессор *(Қазақстан)*

Жатқанбаева А.Е., з.ғ.д. *(Қазақстан)*

Трунк А., профессор *(Германия)*

Монтекило С., профессор *(БАӘ)*

Бурхард Б., профессор *(Германия)*

Лисица В., профессор *(Ресей)*

**ҚАЗАҚ
УНИВЕРСИТЕТІ**
Б А С П А У Й І

Ғылыми басылымдар бөлімінің басшысы

Гульмира Шаққозова

Телефон: +77017242911

E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

Редакторлары:

Гульмира Бекбердиева, Агила Хасанқызы

Компьютерде беттеген

Айгүл Алдашева

Жазылу мен таратуды үйлестіруші

Керімқұл Айдана

Телефон: +7(727)377-34-11

E-mail: Aidana.Kerimkul@kaznu.kz

ИБ № 11783

Басуға 20.12.2017 жылы қол қойылды.

Пішімі 60x84 1/8. Көлемі 13,6 б.т. Офсетті қағаз. Сандық басылыс. Тапсырыс №1063. Таралымы 500 дана. Бағасы келісімді.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің «Қазақ университеті» баспа үйі.

050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.

«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2017

1-бөлім
**МЕМЛЕКЕТ ПЕН ҚҰҚЫҚ
ТЕОРИЯСЫ ЖӘНЕ ТАРИХЫ**

Раздел 1
**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Section 1
**THEORY AND HISTORY
OF CHAIR OF STATE AND LAW**

Сартаев С.А.¹, Қалшабаева М.Ж.², Умбетбаева Ж.Б.³

¹Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: s.sartai@mail.ru

²Казахский национальный аграрный университет, Казахстан, г. Алматы, e-mail: manshuk.1981@mail.ru

³преподаватель, магистр юридических наук, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: umbetbaeva@mail.ru

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И АНТИКОРРУПЦИОННОГО СОЗНАНИЯ

В статье проведен теоретико-правовой анализ роли гражданского общества в формировании антикоррупционной культуры и антикоррупционного сознания в Республике Казахстан.

Гражданское общество как высшая форма самоорганизации отдельных лиц может предоставить человеку все условия для развития высокого уровня правосознания, что, одновременно, является необходимым фактором функционирования такого общества. Полагаем, что общественная активность и личная инициатива являются важными обстоятельствами в создании гражданского общества и правового государства, основанного на правосознании личности. Именно они дают основной импульс демократическим реформам в стране и в обществе.

Стремление работать в определенном направлении и, в конце концов, сама такая работа зависит от процессов, происходящих в индивидуальном сознании. Поэтому мы должны обратить внимание на то, что всякие индивидуальные действия, которые нужны для развития гражданского общества, выявляются в правовой идеологии и психологии. Вот почему гражданское правосознание как главная движущая сила социальных преобразований имеет первостепенное значение для формирования гражданского общества, наряду с генеральными демократическими, экономическими и политическими реформами.

Ключевые слова: гражданское общество, институты гражданского общества, правовое воспитание, правовая культура, правосознание, коррупция, борьба с коррупцией, меры по предупреждению коррупции, причины коррупции.

Sartaev S.A.¹, Kalshabaeva M.Z.², Umbetbayeva Zh.B.³

¹Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: s.sartai@mail.ru

²Kazakh National Agrarian University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: manshuk.1981@mail.ru

³teacher of international law department at the al-Farabi Kazakh National University, magister of juridical science, Kazakhstan, Almaty, e-mail: umbetbaeva@mail.ru

The role of civil society in the formation of anti-corruption culture and anti-corruption consciousness

The article depicts the role of civil society in the formation of anti-corruption culture and anti-corruption consciousness in the Republic of Kazakhstan. Civil society as the highest form of self-organization of individuals can provide a person all the conditions for the development of a high level of legal awareness, which, simultaneously, is an indispensable factor in the functioning of such a society. We believe that public activity and personal initiative are important circumstances in the creation of a civil society and a rule of law state based on the legal consciousness of the individual. It is they who give the main impetus to democratic reforms in the country and in society.

The desire to work in a certain direction and, in the end, the very work itself depends on the processes taking place in the individual consciousness. Therefore, we must pay attention to the fact that all individual actions that are necessary for the development of civil society are revealed in legal ideology and psychology. That is why civilian legal consciousness, as the main driving force of social transfor-

mations, is of paramount importance for the formation of civil society along with general democratic, economic and political reforms.

Key words: civil society, civil society institutions, legal education, legal culture, legal awareness, corruption, fighting corruption, measures to prevent corruption, causes of corruption.

Сартаев С.А.¹, Қалшабаева М.Ж.², Умбетбаева Ж.Б.³

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: s.sartai@mail.ru

²Қазақ ұлттық аграрлық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: manshuk.1981@mail.ru

³Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті халықаралық құқық кафедрасының оқытушысы, заң ғылымдарының магистрі, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: umbetbaeva@mail.ru

Азаматтық қоғамның жемқорлыққа қарсы мәдениет пен жемқорлыққа қарсы сананың қалыптасуындағы ролі

Мақалада Қазақстан Республикасында жемқорлыққа қарсы мәдениет пен сананы қалыптастыруда азаматтық қоғамның рөліне теориялық-құқықтық талдау жасалған.

Азаматтық қоғам жекелеген тұлғалардың өзін-өзі ұйымдастыруының жоғары нысаны ретінде адамның құқықтық санасының жоғары деңгейде дамуына барлық жағдайды жасауына мүмкіндік береді, бұл өз кезегінде осындай қоғамның қызмет етуінің қажетті факторы болып табылады. Қоғамдық белсенділік пен жеке бастама жеке тұлғаның құқықтық санасына негізделген азаматтық қоғам мен құқықтық мемлекет құрудағы маңызды жағдай болып табылады деп пайымдаймыз. Осы мәселелер елдегі және қоғамдағы демократиялық реформаларға негізгі дем береді.

Бір бағытта жұмыс істеуге ұмтылу, сол жұмыстың өзі жеке санадағы болып жатқан үдерістерге тәуелді. Сондықтан да біз азаматтық қоғамның дамуына қажетті қандай-да жеке іс-әрекеттер құқықтық идеология мен психологиядан шығатынына назар аударуымыз керек. Дәл осы себепті азаматтық құқықтық сана, әлеуметтік көріністердің қозғаушы күші ретінде бас демократиялық, экономикалық және саяси реформалармен қатар азаматтық қоғамның қалыптасуы үшін де бастапқы маңызға ие болып табылады.

Түйін сөздер: азаматтық қоғам, азаматтық қоғам институттары, құқықтық тәрбие, құқықтық мәдениет, құқықтық сана, сыбайлас жемқорлық, сыбайлас жемқорлықпен күрес, сыбайлас жемқорлықпен күрестің алдын алу бойынша шаралар, сыбайлас жемқорлық себептері.

Интерес исследователей к проблематике формирования и функционирования гражданского общества не уменьшается с момента появления этого явления. Аналогично верховенству закона, по мнению большинства ученых-юристов, гражданское общество и его институты являются наиболее подходящей сферой для реализации прав и свобод человека и гражданина, идеалов свободы и равенства и других демократических и гуманистических принципов. Развитие гражданского общества является непростым и многосторонним процессом, но его важнейшим и незаменимым субъектом всегда был и должен быть индивидуум, который при любых обстоятельствах обладает (или должен обладать) чувством и мерой справедливости и способностью толковать и определять все аспекты окружающей его правовой действительности, решает и осуществляет действия, имеющие юридические последствия. Дорога к гражданскому обществу и верховенству права пролегает только через демократизацию и правовое воспитание граждан и какие-либо усилия избежать прохождения этих этапов определенно сведут на нет все попытки достичь результата. Сегодня в Казахстане зада-

чи повышения уровня правосознания, правовой культуры и становления институтов гражданского общества претворяются в жизнь в рамках проводимых государственных реформ.

Проект Ассамблеи народа Казахстана «Большая страна – большая семья», осуществляемый в рамках программы «План нации – 100 конкретных шагов», направлен на укрепление идентичности общественности Казахстана на основе складывания целостного гражданского сообщества. Создание институтов гражданского общества является одной из самых насущных проблем для Казахстана, без решения которой невозможно достичь стратегических целей, определенных Главой государства страны в стратегической Программе «Казахстан-2050».

Политические и правовые концепции «гражданского общества» имеют глубокие исторические корни. Оно стало объектом изучения ученых и мыслителей еще в XVIII и XIX веках и получило первичную разработку в философии права Гегеля. Знаменитый немецкий философ определял гражданское общество как связь людей посредством системы требований и разделения труда, справедливого правосудия (ин-

ституты (правопорядка) и органов власти. В «Философии права» Гегель писал, что правовым ядром гражданского общества является равенство людей как субъектов права, осуществление их правовой свободы, незыблемость частной собственности, неприкосновенность договоров, защита нарушений прав, существование упорядоченного законодательства и пользующегося авторитетом суда [1, с. 247]. Ученый отмечает, что гражданское общество является комплексом разнообразных отношений и взаимосвязей граждан, ассоциаций, союзов, групп на основе их равенства и личных инициатив.

Цели граждан и ассоциаций граждан отличаются и варьируются в зависимости от их интересов. Гражданское общество – это объединение свободных и равных людей и их союзов, которым государство предоставляет политический и правовой потенциал для участия в управлении страной. Представляет интерес вопрос о взаимосвязи между гражданским обществом и справедливостью, которое оказывает большое влияние на выработку правового сознания. Одним из аспектов их взаимодействия является способность этих категорий поддерживать существование друг друга. Необходимо учитывать, что в гражданском обществе основной инструментальной доли регулирования общественной жизни представлен нравственными и юридическими идеалами, а также обладанием такими гражданскими качествами, как гуманизм, порядочность, честность, доверие, ответственность и т.д. В целом, правосознание индивидуумов регулирует взаимоотношения в гражданском обществе на самом высоком уровне, что соответствует постижению человеком значимости всех его действий, корреляции их с интересами других членов этого общества, его неписаными правилами и требованиями верховенства права. Это правовое сознание очень важно для функционирования всего механизма гражданского общества и его институтов. Необходимо при этом учитывать, что позитивное правовое сознание формируется на гражданском чувстве справедливости. Важнейшей чертой этого типа справедливости является то, что оно базируется не столько на ожидании, что другие (в особенности власть) могут сделать для использования индивидуумом своих субъективных прав и свобод, сколько на способности и желании этого индивидуума проявить свою собственную инициативу в целях общественного блага. Смысл справедливости в рамках развитого гражданского общества, на наш взгляд, целиком соотно-

ется с аксиомами правосознания, которые, по словам Ильина, содержатся в законе духовного достоинства, законе автономии и законе взаимного признания [2, с. 20]. Мы считаем, что такое правосознание является результатом существования гражданского общества и верховенства закона. Оно возникает под действием социальных и правовых институтов и поддерживается всеми возможными средствами юридического образования и профессиональной подготовки. Несмотря на это, в отдельных случаях также возникает деформация чувства справедливости и, следовательно, правосознания. Поэтому чувство справедливости можно назвать «здоровым», если оно ориентировано на демократические ценности и идеалы. Следовательно, гражданское общество может являться источником высокой степени демократического сознания, но оно не может быть источником правосознания как такового, поскольку способность индивидуума определять и осознавать окружающую правовую реальность, оценивать и истолковывать ее, свойственно всем людям в независимости от того, является ли конкретно данный индивидуум субъектом гражданского общества. Отсюда закономерно, что процессы демократизации общественного сознания и гражданского общества взаимозависимы и ни один из них не может считаться основным. О. Петришин обращает внимание на то, что гражданское общество является объективным результатом исторического развития и отражает соответствующие качественные параметры общества, обретенные лишь на определенной ступени его эволюции [3, с. 144-145].

Гражданское общество развивается полностью только путем достижения его потенциальными субъектами установленной степени правосознания, в том числе осознания необходимости участия в общественной жизни с целью создания определенных личных и общественных благ. Другими словами, осмысление гражданами значимости общественных, правовых и политических инициатив будет содействовать общественному прогрессу результативных институтов гражданского общества. Следовательно, первостепенной составляющей гражданского общества является человек и его инициатива, которые составляют базис каждого из его социальных институтов. Одновременно, общественное правосознание является ключом ко всем индивидуальным и общественным правовым инициативам. Стремление работать в определенном направлении и, в конце концов, сама такая работа зависят от процессов, происходящих в

индивидуальном сознании. Поэтому мы должны обратить внимание на то, что всякие индивидуальные действия, которые нужны для развития гражданского общества, выявляются в правовой идеологии и психологии. Вот почему гражданское правосознание как главная движущая сила социальных преобразований имеет первостепенное значение для формирования гражданского общества, наряду с генеральными демократическими, экономическими и политическими реформами.

Республика Казахстан значительно приблизилась к разрешению вопроса об организации и развитии институтов гражданского общества. Подтверждением этому может являться утверждение Лидером нации «Концепции развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006-2011 годы». В ней определены следующие понятия, задачи, цели и институты формирующегося в Казахстане гражданского общества:

Задача гражданского общества заключается в посредничестве между человеком и государством.

Цель гражданского общества – защищать интересы каждого субъекта общества, представлять его интересы перед лицом власти и общества, функционирование системы публичного мониторинга и контроля за деятельностью власти и его органов, а также организация внутренней и внешней политики этого общества.

Институтами гражданского общества являются политические партии, местные общины, профсоюзы, религиозные объединения, творческие, социальные и научные союзы и ассоциации, средства массовой информации и неправительственные организации, которые осуществляют широкий спектр услуг для сообщества, выполняя различные виды деятельности в качестве негосударственных фондов, некоммерческих организаций, союзов (объединений) юридических лиц, других организаций и инициативных групп с целью решения социально-значимых проблем.

Политическая партия – добровольное объединение граждан Республики Казахстан, выражающее их политическую волю и волю разнообразных общественных групп. Цель деятельности политической партии – представление интересов граждан республики в представительных и исполнительных органах государственной власти, местного самоуправления и участие в их организации.

Профсоюзы – независимые, с фиксированным индивидуальным членством объединения,

добровольно созданные гражданами на основе общих профессиональных интересов, для представления и защиты трудовых и других социальных и экономических прав и интересов своих членов, улучшения условий труда.

Религиозными объединениями являются местные религиозные объединения (общины), религиозные управления (центры), религиозные учебные заведения и монастыри.

Средства массовой информации – периодические печатные органы и издания, радио- и телевизионные программы, кинодокументалистика, аудиовизуальная запись и другие формы периодических или непрерывных средств массовой информации, включая *WEB*-сайты в сетях общего пользования (Интернет и др.).

Общественные объединения – политические партии, профсоюзы и другие объединения граждан, созданные на добровольной основе для достижения общих целей, которые не противоречат закону. Общественные объединения являются некоммерческими организациями.

Неправительственные организации являются некоммерческими организациями (за исключением политических партий, профсоюзов и религиозных объединений), организованными гражданами и (или) негосударственными юридическими лицами на добровольной основе для достижения своих общих целей в соответствии с законодательством Республики Казахстан.

Национально-культурное объединение является ассоциацией граждан, которые идентифицируют себя с определенными этническими общинами на основе их добровольной самоорганизации, чтобы самостоятельно решать вопросы сохранения их этнической идентичности, развития языка, образования и культуры.

Местное самоуправление является формой самоорганизации граждан по месту жительства в определенных населенных пунктах для самостоятельного решения местных проблем непосредственно или через созданные местные муниципальные органы [4].

Первостепенной категорией гражданского общества являются институты. Институтами гражданского общества является совокупность негосударственных структур и создаваемых ими учреждений, которые в своем единстве характеризуют гражданскую жизнь общества. Другими словами, институтами гражданского общества являются политические партии, общественные организации, неправительственные, некоммерческие объединения и другие типы ассоциаций граждан [5]. Каким образом

данные формы объединения могут влиять на коррупцию в стране?

Политические партии. На данный момент в Республике Казахстан зарегистрировано семь политических партий (партия «Нур Отан», Народно-патриотическая партия «Ауыл», Демократическая партия Казахстана «Ак Жол», политическая партия «Бірлік», Коммунистическая народная партия Казахстана (КНПК), Демократическая партия Казахстана «Азат» и Общенациональная социал-демократическая партия (ОСДП)). «Нур Отан» является самой многочисленной партией Республики Казахстан, ее численность составляет более 600 000 человек.

Согласовывающую роль в консолидации гражданского общества против коррупции принимала партия «Нур Отан», ее антикоррупционная программа на 2015-2025 годы стала алгоритмом действий для гражданского общества, отличительной чертой которого является устранение причин и условий коррупции. Ключевая цель программы партии – привлечение всех слоев общества в антикоррупционное движение, создав атмосферу «нулевой» толерантности к каждому проявлению коррупции.

В Программе противодействия коррупции партии «Нур Отан» на 2015-2025 годы [6] обоснованы следующие ключевые индикаторы (рис. 1) и механизмы общественного контроля (рис. 2):

Таким образом, один из ключевых элементов программного документа связан с взаимодействием между партией и обществом в борьбе с коррупцией. В частности, программа ориентирована на упрочение сотрудничества партии с институтами гражданского общества и формирование системы общественного контроля. Принимая во внимание самостоятельность этих институтов и их несомненный интерес к борьбе с коррупцией, мы можем ожидать расширения участия населения в этой деятельности. В программе подчеркивается целый пласт ключевых областей такого сотрудничества: обеспечение транспарентности в деятельности государственных органов, национальных компаний и их должностных лиц; вскрытие в их деятельности пороков и изъянов, вызывающих коррупцию, а также меры по их устранению. Можно заметить, что такое партнерство и взаимодействие повысят уровень правовой культуры и осведомленности населения о мерах по борьбе с коррупцией, повысят доверие общественности к властям, государственным органам, национальным компаниям, что окажет положительное влияние на

социальное содействие антикоррупционной политики казахстанской власти.

Участие общественности в противодействии коррупции. Президент Республики Казахстан в Стратегии «Казахстан-2050» отметил необходимость консолидации устремлений государства и общества в борьбе с коррупцией.

Вовлечение граждан в этот процесс не только в их активном участии в предотвращении коррупции, но и в содействии предотвращению конкретных коррупционных преступлений.

Основным актом, определяющим правовую основу новой антикоррупционной политики, является Закон «О противодействии коррупции» [7]. В нем впервые были воспроизведены следующие профилактические (превентивные) институты – антикоррупционный мониторинг, анализ коррупционных рисков, выработка антикоррупционной культуры.

В законодательстве особенный интерес уделяется важности субъектов противодействия коррупционным правонарушениям, на характер и содержание их полномочий.

Также в законе были обеспечены полномочия отдельных физических лиц, общественных объединений и других юридических лиц в сфере борьбы с коррупцией, что позволило обеспечить их всеобщее участие (рис. 3).

В 2017 году Агентство по делам государственной службы и противодействию коррупции Республики Казахстан в контексте исполнения статьи 17 Закона «О противодействии коррупции» [7] подготовило национальный доклад [8] – концептуальный правовой акт, включающий мониторинг и оценку состояния и тенденций распространения коррупции как на международном, так и на национальном уровнях, правоприменительные предложения по выработке, исполнению и оптимизации антикоррупционной политики государства.

Принимая во внимание международный опыт наиболее благополучных государств в вопросах объединения институтов гражданского общества в деле борьбы с коррупцией, а также рекомендации третьего раунда мониторинга Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией ОЭСР, впервые в Республике Казахстан было разработано Открытое соглашение о сотрудничестве по вопросам формирования антикоррупционной культуры в обществе.

Несомненная эксклюзивность данного начинания состоит в том, что соглашение открыто для присоединения к нему общественных объединений, политических партий, некоммерческих

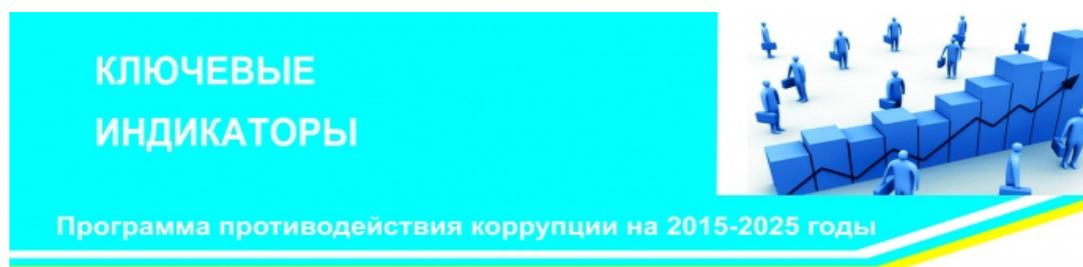
структур, а также других организаций независимо от формы собственности и организационно-правовой формы, а также отдельных граждан Республики Казахстан, признающих ее цели и задачи. Это ярко демонстрирует прозрачность в вопросах устранения и предупреждения причин и условий, которые способствуют реализации коррупционных правонарушений, не допущение избирательного подхода в вопросах сотрудничества в ходе противодействия коррупции.

Содержание соглашения структурировано с учетом специфики противодействия такому от-

рицательному и социально опасному явлению, как коррупция.

В Открытом соглашении могут в равной степени участвовать представители педагогических, научных, творческих объединений и ассоциаций. Особые цели и задачи предназначены для профсоюзных, этнокультурных, правозащитных и религиозных организаций.

Основная особенность Открытого соглашения заключается в том, что граждане, став его участниками, принимают конкретные антикоррупционные обязательства.

Программа содержит **36** индикаторов

✓ Повышение уровня правовой грамотности населения до 60% к 2025 году	✓ Включение антикоррупционной тематики в дисциплину «Основы права» в объеме не менее 15% от содержания
✓ Упрощение процедуры ликвидации субъектов малого и среднего предпринимательства с 2015 года	✓ Отмена всех плановых проверок малого и среднего бизнеса с 2015 года
✓ Сокращение к 2020 году операционных издержек бизнеса на 10%	✓ Полная автоматизация всех разрешений с 2015 года
✓ Полная автоматизация государственных услуг к 2025 году	✓ Полный перевод социально-значимых услуг в электронный формат к 2016 году
✓ Сокращение количества разрешений на 50% с 2016 года	✓ Полное оснащение залов судов системами аудио-, видеofиксации к 2020 году
✓ Рост доверия граждан к правоохранительным органам до 60% к 2020 году	✓ Повышение удовлетворенности населения качеством госуслуг, правоохранительных органов до 70% к 2020 году

Рисунок 1 – Ключевые индикаторы программы

Рисунок 2 – Механизмы общественного контроля программы

В этом соглашении приняли участие более 39 тысяч организаций и 54 тысячи граждан, что явно и недвусмысленно демонстрирует повышение уровня нетерпимости граждан к коррупции и готовности к борьбе с ней (рис. 4).

Ассамблея народа Казахстана. Немаловажным компонентом политической системы Казахстана, который закрепляет и гарантирует интересы всех этнических групп и обеспечивает неуклонное соблюдение прав и свобод граждан независимо от их национальности, является Ассамблея народа Казахстана, образованная 1 марта 1995 года по инициативе Главы государства Н.А. Назарбаева.

При организации Ассамблеи народа Казахстана принималось во внимание, что данный

орган создается в целях реализации государственной политики в области межнационального согласия и единства, воплощения в жизнь общегосударственной патриотической идеи «Мәңгілік Ел», обеспечения социальной и политической стабильности и увеличения эффективности взаимодействия между институтами государства и гражданского общества в сфере межэтнических отношений.

Сейчас Ассамблея народа Казахстана содействует формированию благоприятных факторов для дальнейшего упрочения межэтнического согласия, терпимости в обществе и, как следствие, единства народа. Одновременно, АНК помогает государственным органам противодействовать проявлениям экстремизма, радика-

лизма и коррупции в обществе, формированию политико-правовой культуры граждан на основе демократических принципов и норм. Ассамблея обеспечивает интеграцию усилий этнокультурных ассоциаций, способствует восстановлению, сохранению и развитию национальных культур, языков и традиций проживающих в республике этносов, вместе с казахской нацией составляющих единый народ Казахстана.

25 апреля 2017 года Ассамблея народа Казахстана и Агентство по делам государственной службы и противодействию коррупции Республики Казахстан приняли совместный план мероприятий, предусматривающий организацию специальных концертных программ и театральных представлений, направленных на воспитание антикоррупционной культуры, подготовку информационных буклетов, разъяснительную деятельность с различными слоями казахстанской

общественности. Одновременно предполагается разработка тематических видео- и аудиоклипов, которые на разных языках этносов нашей страны планируется распространять в социальных сетях, на национальном телевидении и радио.

СМИ. Безусловно, сейчас, в эпоху глобализации и формирования общемировой коммуникативной среды, очень важное место в системе антикоррупционной политики занимают средства массовой информации.

Ресурсные возможности СМИ как института гражданского контроля связаны с разнообразными средствами формирования идеи социальной справедливости, неприятия антиобщественных явлений и правил, гражданской идентичности и заключаются в потенциале активного влияния СМИ на общественное мнение и ментальность населения, в общем, и отдельных его представителей – в частности.

Рисунок 3 – Участие общественности в противодействии коррупции

Рисунок 4 – Крупные общественные организации, ставшие участниками Открытого соглашения

Концептуальное значение средств массовой информации в деле противодействия коррупции заключается в возможности раскрыть общественности негласный инструментарий коррупции, в способности лишить ее удобного базиса для развития и распространения посредством осуществления журналистских расследований фактов коррупции и их опубликования, что должно продемонстрировать обществу и коррумпированным должностным лицам неизбежность ответственности за противоправные действия.

Средства массовой информации, вплотную сотрудничая с институтами гражданского контроля, реализуют функцию информационного просвещения превентивной направленности.

Несомненно, чтобы всецело и всесторонне противодействовать гидре коррупции, средства массовой информации должны приобрести полную самостоятельность от всех ветвей власти, став реально независимой и сильной «четвертой ветвью власти».

Отсюда следует исключительность миссии средств массовой информации в обеспечении права каждого гражданина на свободу выражения мнения и права населения на получение полной и достоверной информации.

Религия. В целях обеспечения роста результативности государственной политики в религиозной сфере, ориентированной на улучшение государственно-конфессиональных и межкон-

фессиональных отношений, упрочение светских основ государства и предотвращение использования религии в антиобщественных противоправных целях, Глава государства Н. Назарбаев в 2017 году утвердил Концепцию государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017-2020 годы [10].

Концепция должна объединить усилия центральных и местных исполнительных органов, религиозных объединений и институтов гражданского общества по разработке государственной политики в религиозной сфере, разработать руководящие принципы для формирования казахстанской модели государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений на основе специфики исторического и культурного наследия казахского народа.

В концепции указывается, что Республика Казахстан создала необходимые условия для функционирования официально зарегистрированных на 1 января 2017 года 3658 религиозных объединений и их филиалов, представляющих 18 конфессий. Традиционно наиболее многочисленными среди них являются ислам ханафитского мазхаба и православное христианство. Есть также католические и протестантские деноминации, еврейские, буддийские и другие общины. В стране насчитывается 3464 религиозных сооружения, в том числе 2550 мечетей, 294 православных и 109 католических церквей, 495 протестантских храмов и молитвенных домов, 7

иудейских синагог, 2 буддистских храма, 7 молитвенных домов «Общества сознания Кришны» и общины бахаи.

Действующие 2550 мечетей являются собственностью Республиканского религиозного объединения «Духовное управление мусульман Казахстана» (далее – ДУМК). Сейчас отмечается рост числа филиалов ДУМК, особенно в Алматинской, Жамбылской, Карагандинской и Южно-Казахстанской областях.

Республиканское религиозное объединение «Православная Церковь Казахстана» является вторым после исламской по числу приверженцев. Оно охватывает 325 религиозных субъектов, в том числе 301 приход, 9 епархий и 294 культовых здания, а также Митрополичий округ в Республике Казахстан. В Республике Казахстан функционируют Армянская Апостольская Церковь, Православная Церковь за границей, Поморская Православная Церковь и три старообрядческие церкви.

Римско-католическая церковь в Казахстане представлена 85 религиозными общинами, из которых 5 общин принадлежат греко-католической церкви. Центром РСС является Архиепархия Святой Марии в городе Астана, которая относится к Католической церковной провинции (митрополии). РКЦ функционирует с 1998 года на основе соглашения о взаимоотношениях между Казахстаном и Святым Престолом, утвержденного указом Президента № 141 от 19 мая 1999 года.

Также в республике действуют 667 протестантских религиозных образований. Самые большие протестантские общины включают в себя церкви пятидесятников, евангельских христиан-баптистов, пресвитерианскую церковь, церковь адвентистов седьмого дня и евангелическо-лютеранских.

В республике зарегистрирован 531 миссионер, представляющий 13 конфессий. В числе зарегистрированных миссионеров преобладают представители Римско-католической церкви. Русская Православная церковь представлена 84 миссионерами, большинство из которых являются гражданами Российской Федерации.

В Казахстане существует 15 религиозных образовательных организаций, 400 первичных курсов при мечетях и воскресных школах, 383 помещения для религиозной деятельности вне религиозных сооружений, включая намазхана, молитвенные комнаты и часовни. Было выделено 257 специальных стационарных помещений для распространения религиозной литературы и

других информационных материалов религиозного содержания, культовых предметов.

Казахстан как составная часть мирового сообщества испытывает определенные риски импорта межрелигиозной и межконфессиональной напряженности, увеличения активности радикальных религиозных движений в регионе.

Как указывает концепция, основная часть казахстанцев придерживается умеренности в религиозной деятельности и ориентируются в принципах светскости. В то же время в последние годы наблюдается рост религиозности казахстанского населения. Многие религиозные традиции обращаются в современную тенденцию. Для определенной части населения присущи внешние проявления благочестия, интерес к публичности религиозной жизни. Некоторая часть населения ошибочно интерпретирует светскость как атеизм и секуляризм.

Семья. Традиционно основным воспитательным институтом является семья. Никто лучше чем семья не в состоянии сформировать и закрепить у ребенка те качества, которые ему понадобятся в его взрослой жизни.

Семья как институт гражданского общества является одной из фундаментальных ценностей, созданных человечеством за всю историю своего существования. Благодаря семье духовная связь устанавливается между человеком и обществом, между общественным бытием и личным сознанием. В семье формируется будущая личность: развиваются ее интеллектуальные, духовные и физические склонности; культивируются личностные вкусы, потребности, задатки; закрепляются индивидуальные привычки, традиции, моральные основы, ценностные ориентации, идеи, настроения, планы и мечты [14, с. 19-23].

Проблема воспитания молодежи в духе уважения к институтам семьи, брака, материнства и отцовства может быть разрешена исключительно всеобъемлющим образом, объединенными усилиями всех институтов, имеющих отношение к этой задаче.

Сложность формирования культуры семейных отношений определяет комплексную координацию и применение всего инструментария воспитательного воздействия на формирующееся молодое поколение; взаимодействия семьи и школы, рассмотрение влияния на семью социально-экономических факторов и дифференцированный подход к различным возрастным периодам формирования человека, образовательную функцию средств массовой информации в про-

цессе культивирования идеологии гармоничной, полной, здоровой семьи [15, с. 648-650].

Семья выступает непреложной ценностью для жизни и формирования каждого человека, она играет важнейшую роль в жизни общества и государства, в воспитании новых поколений, обеспечении социальной стабильности и прогресса. Следует особо подчеркнуть ее важность как воспитательного института.

В качестве общественного института воспитание – это исторически сложившиеся устойчивые формы совместной деятельности членов общества, возникшие с целью формирования среды для физического, морально-нравственного и духовного созревания и развития этих членов общества на протяжении всей их жизни. Соответственно используются материальные, духовные, финансовые, человеческие и иные ресурсы [16].

Институт воспитания воплощают общественные организации и структуры, конкретные группы людей, в которых ребенок получает социальный опыт, навыки совместного общежития и которые призваны оказывать воспитательное воздействие на его личность. Самыми известными институтами воспитания являются семья и школа. Именно на них возлагается как моральная, так и юридическая ответственность за развитие личности ребенка. Однако на современном этапе школа и семья не всегда доминируют в воспитательной среде, их влияние часто сбалансировано и даже перевешивается влиянием многих других социальных институтов: СМИ, друзей, ровесников, внешкольным и внесемейным окружением. Несмотря на это, традиционно основным учреждением образования признается семья. Именно в семье ребенок получает основы знаний об окружающем его мире, а при высоком уровне культуры и образованности родителей он обретает не только основы, но и саму культуру на протяжении всей своей жизни. Семья – это место рождения, среда обитания, определенный моральный и психологический климат, а также первая школа отношений с людьми для ребенка. Именно в семье он развивает свои представления о добре и зле, о порядочности, уважительном отношении к материальным и духовным ценностям. С близкими людьми в семье он испытывает чувства любви, дружбы, долга, ответственности, справедливости... [16]. Те навыки и качества, которые ребенок в ранние годы приобретает в семье, он, как правило, сохраняет на всю оставшуюся жизнь. Значимость семьи как института воспитания обусловлена тем, что ре-

бенок находится в ней на протяжении большей части своей жизни, и с точки зрения продолжительности его влияния на человека ни один из институтов воспитания не может быть сравним с семьей. В ней заложены основы личности ребенка и ко времени поступления в школу он более чем наполовину формируется как человек, индивидуальность.

Таким образом, семья – основной институт формирования личности молодого члена общества. Ее влияние особенно важно в начальный период жизни ребенка и оно намного превосходит воспитательное влияние иных институтов (школы, СМИ, уличное окружение, друзей).

Отсюда можно вывести зависимость: успех формирования личности обусловлен прежде всего семьей. Педагогическая практика подтверждает непреложную аксиоматичную истину: какая семья, такой и сформировавшийся в ней человек.

На современном этапе развития Казахстана основной задачей стратегии национального государства является формирование сообщества людей на основе законов, перед которыми все должны быть равны. В конечном итоге мы говорим о формировании в государстве и обществе общего гражданского правосознания.

Глобализация – это основополагающая доктрина, которая определяет эволюцию мировой цивилизации на рубеже нового тысячелетия, создавая новую эру сотрудничества между государствами, экономическими системами и отдельными людьми, вызывая фундаментальные изменения во всех сферах общественной жизни. Глобализация обычно понимается как тесная взаимосвязь отдельных субъектов мирового сообщества, непрерывное движение информации, капитала, товаров и людей сквозь национальные границы с более высокими темпами и масштабами, взаимозависимость культур, образа жизни и подчиненность всех стран мира общемировым проблемам.

Несмотря на это, мы считаем, что само распространение процессов глобализации может привести, в том числе, и к отрицательным последствиям и что, среди прочего, оно может уменьшить внимание к процессам формирования правосознания и гражданского общества в Казахстане. По мнению некоторых исследователей, в процессе глобализации индивидуальное чувство справедливости становится менее актуальным, так как внимание сосредоточено на юридических аспектах целых стран. В дополнение к законам страны существует много между-

народных договоров, которые в значительной степени определяются экономической деятельностью в глобальной окружающей среде. Человеку, чье правосознание недостаточно развито, такой фактор будет мешать ориентироваться в правовом пространстве. Всякое развитие, в том числе развитие правосознания и гражданского общества, должно происходить эволюционно, что может существенно повлиять на их качественные характеристики. По нашему мнению, сама по себе глобализация не препятствует сформированному позитивному правовому сознанию, напротив, она может принести пользу процессу глобальной интеграции, поскольку она может обострить восприятие уникальности и необходимости национальных ценностей и идей. Рассматривая проблему коммуникации правосознания и гражданского общества, мы можем отметить, что эти явления очень чувствительны к любым взаимным изменениям.

Гражданское общество как высшая форма самоорганизации отдельных лиц может предоставить человеку все условия для развития высоко

кого уровня правосознания, что, одновременно, является необходимым фактором функционирования такого общества. Полагаем, что общественная активность и личная инициатива являются важными обстоятельствами в создании гражданского общества и правового государства, основанного на правосознании личности. Именно они дают основной импульс демократическим реформам в стране и в обществе. Дело в том, что источником гражданского общества в стране должны быть люди и так называемые институты гражданского общества, а навязанные сверху властной волей – нет. Однако необходимо признавать, что влияние государства на правовое сознание казахстанского общества велико. Повышение уровня правосознания, правовой культуры и правовой осведомленности населения посредством распространения правовой информации, обеспечения эффективной юридической подготовки персонала и качественного образования может стать немаловажным фактором процесса создания в Казахстане правового государства и гражданского общества.

Литература

- 1 Гегель. Философия права. Академия наук СССР. Институт философии. – М.: Из-во “Мысль”, 1990. – 247.
- 2 Мельничук О. Право и государство в концепции правового правосознания И.А. Ильина: монография – О.: Феникс, 2008. – 178 с.
- 3 Петришин О.А. Гражданское общество – основа формирования правосознания в Украине // Вестник Академии наук Украины. – 2013. – №3 (34). – С. 142-161.
- 4 Указ Президента Республики Казахстан от 25 июля 2006 года № 154 «О Концепции развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006-2011 годы» // http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30014253&doc_i
- 5 Рафиев Р. Б. Роль гражданского общества в противодействии коррупции // Молодой ученый. – 2015. – №22. – С. 467-469. – URL <https://moluch.ru/archive/102/23055>
- 6 Программа противодействия коррупции партии «Нур Отан» на 2015-2025 годы (утверждена постановлением Политического совета партии «Нур Отан» от 11 ноября 2014 года № 1) // <http://old.nurotan.kz/ru/programma-protivodeystviya-korruptsii-partii-nur-otan-na-2015-2025-gody>
- 7 Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V «О противодействии коррупции» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.07.2017 г.) // http://online.zakon.kz/document/?doc_id=33478302
- 8 Национальный доклад о противодействии коррупции (Астана, 2017 г.) // <http://kyzmet.gov.kz/ru/pages/nacionalnyy-doklad-o-protivodeystvii-korruptsii>
- 9 Закон Республики Казахстан от 20 октября 2008 года № 70-IV «Об Ассамблее народа Казахстана» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017 г.) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30352401#pos=0;0
- 10 Указ Президента Республики Казахстан от 20 июня 2017 года № 500 «Об утверждении Концепции государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017 – 2020 годы» // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36541164
- 11 Религия в борьбе против коррупции // <http://kazislam.kz/ru/songy-janalyktar/item/12656-religiya-v-borbe-protiv-korruptsii>
- 12 В борьбу против коррупции вовлекается все больше казахстанцев и общественных организаций // <http://www.zakon.kz/4866582-v-borbu-protiv-korruptsii-vovlekaetsya.html>
- 13 15 хадисов для борьбы с коррупцией // <http://yaumma.ru/religion/2015/02/17/15-hadisov-dlya-borby-s-korruptsией.html>
- 14 Зацепин В. И., Берещенко А. В., Бучинская Л. М. Молодая семья. – Киев Украина, 1991. – 320 с.
- 15 Юлдыбаев Б.Р. О некоторых аспектах формирования культуры семейных отношений в современном российском обществе // Вестник Башкирского университета. – 2008. Т. 13. – №3. – С. 648-650.
- 16 Кураженкова Н.С. Семья как главный институт воспитания // Интернет-журнал «Мир науки». – 2015. – №3 // <http://mir-nauki.com/PDF/22PDMN315.pdf>

References

- 1 Gegel'. *Filosofija prava*. Akademija nauk SSSR. Institut filosofii. – M.: Iz-vo “Mysl’”, 1990. – 247.
- 2 Mel’nichuk O. *Pravo i gosudarstvo v koncepcii pravovogo pravosoznanija I.A. Il’ina: monografija* – O.: Feniks, 2008. – 178 s.
- 3 Petrishin O.A. *Grazhdanskoe obshhestvo – osnova formirovanija pravosoznanija v Ukraine* // *Vestnik Akademii nauk Ukrainy*. – 2013. – №3 (34). – S. 142-161.
- 4 Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 25 ijulja 2006 goda № 154 «O Koncepcii razvitija grazhdanskogo obshhestva v Respublike Kazahstan na 2006-2011 gody» // http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30014253&doc_i
- 5 Rafiev R. B. *Rol’ grazhdanskogo obshhestva v protivodejstvii korruptcii* // *Molodoy uchenyj*. – 2015. – №22. – S. 467-469. – URL <https://moluch.ru/archive/102/23055>
- 6 *Programma protivodejstvija korruptcii partii «Nur Otan» na 2015-2025 gody (utverzhdena postanovleniem Politicheskogo soveta partii «Nur Otan» ot 11 nojabrja 2014 goda № 1)* // <http://old.nurotan.kz/ru/programma-protivodeystviya-korruptcii-partii-nur-otan-na-2015-2025-gody>
- 7 *Zakon Respubliki Kazahstan ot 18 nojabrja 2015 goda № 410-V «O protivodejstvii korruptcii» (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 03.07.2017 g.)* // http://online.zakon.kz/document/?doc_id=33478302
- 8 *Nacional’nyj doklad o protivodejstvii korruptcii (Astana, 2017 g.)* // <http://kyzmet.gov.kz/ru/pages/nacionalnyy-doklad-o-protivodeystvii-korruptcii>
- 9 *Zakon Respubliki Kazahstan ot 20 oktjabrja 2008 goda № 70-IV «Ob Assamblee naroda Kazahstana» (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 11.07.2017 g.)* // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30352401#pos=0;0
- 10 *Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 20 ijunja 2017 goda № 500 «Ob utverzhdenii Koncepcii gosudarstvennoj politiki v religioznoj sfere Respubliki Kazahstan na 2017 – 2020 gody»* // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36541164
- 11 *Religija v bor’be protiv korruptcii* // <http://kazislam.kz/ru/songy-janalyktar/item/12656-religiya-v-borbe-protiv-korruptsii>
- 12 *V bor’bu protiv korruptcii vovlekaetsja vse bol’she kazahstancev i obshhestvennyh organizacij* // <http://www.zakon.kz/4866582-v-borbu-protiv-korruptsii-vovlekaetsya.html>
- 13 *15 hadisov dlja bor’by s korruptciej* // <http://yaumma.ru/religion/2015/02/17/15-hadisov-dlya-borby-s-korruptciej.html>
- 14 Zacepin V. I., Bereshhenko A. V., Buchinskaja L. M. *Molodaja sem’ja*. – Kiev Ukraina, 1991. – 320 s.
- 15 *Juldybaev B.R. O nekotoryh aspektah formirovanija kul’tury semejnyh odnoszenij v sovremennom rossijskom obshhestve* // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. – 2008. T. 13. – №3. – S. 648-650.
- 16 *Kurazhenkova N.S. Sem’ja kak glavnyj institut vospitanija* // *Internet-zhurnal «Mir nauki»*. – 2015. – №3 // <http://mir-nauki.com/PDF/22PDMN315.pdf>

Otarbayeva A.

Master of Law, Senior Teacher of the Department of International Law,
International Law Faculty, Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: aina.89@list.ru

SURROGATE MOTHERHOOD AND HUMAN RIGHTS

Surrogacy is important because it is the only way for many individuals to produce offspring to whom they are genetically related. Many people desire this link. With surrogacy, at least one of the intended parents is able to have a genetic link to the child.

The aim of this article is to establish the nature and value of surrogate mother.

Surrogacy is one of the most significant achievements of medicine, at the same time it has a lot of problem sides. Such as whether it is necessary to resolve all kinds of surrogate motherhood and how does society accept surrogate mothers? What kind of girls offers surrogate motherhood service in the world and in Kazakhstan? Is it worth commercializing this service? According to the law, at what level are surrogate mothers protected and after the childbirth, does the surrogate mother have the right to communicate with child?

On the conclusion of this article we will seeking how to solve issues deriving from surrogate motherhood, one should first question this practice with regard to the serious legal and ethical problems it raises in current time.

Key words: Kazakhstan, surrogate mother, human rights, exploitation.

Отарбаева А.

құқық магистрі, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
халықаралық қатынастар факультеті, халықаралық құқық кафедрасының аға оқытушысы,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: aina.89@list.ru

Суррогат ана және адам құқықтары

Көптеген адамдар үшін генетикалық жолмен балалы болып, ұрпақ қалдырудың жалғыз жолы – суррогат ана қызметін пайдалану. Көпшілігінің өзімен генетикалық байланыста болатын баласын қалайтыны анық. Ал суррогат ана қызметін пайдалану арқылы ата-ана болуға үмітті жұптың бірі баламен генетикалық байланыста болу мүмкіндігіне ие болады.

Мақаланың мақсаты – суррогат ана түсінігінің мәні мен қоғамдағы маңызын анықтау.

Суррогат ана медицинаның озық жетістігінің бірі бола тұра, бұл мәселенің көптеген шешімін таппаған, қоғамда дау туғызатын күрделі тұстары бар. Мәселен, суррогат ананың барлық түріне заңды тұрғыдан рұқсат берген дұрыс па және суррогат ана қызметіне қоғамның көзқарасы қандай? Дүниежүзінде және Қазақстанда суррогат ана қызметін кімдер ұсынады және аталған қызмет түрі үшін ақы алған моральдық тұрғыдан орынды ма? Заң бойынша құрсақ ана қызметінің қорғалу дәрежесі қандай және бала туылғаннан кейін суррогат ана баламен көрісіп тұруына рұқсат берілген бе?

Мақаланың қорытындысында суррогат анаға қатысты өзекті мәселелердің, ең алдымен аталған мәселенің құқықтық реттелуі мен қазіргі таңда көтеріліп жатқан этикалық сұрақтарға жауап табуға тырысады.

Түйін сөздер: Қазақстан, суррогат ана, адам құқығы, қанау.

Отарбаева А.

магистр права, старший преподаватель кафедры международного права,
факультета международных отношений, Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: aina.89@list.ru

Суррогатное материнство и права человека

Суррогатное материнство важно, потому что это единственный способ для многих людей производить потомство, потому что они генетически связаны. Многие люди хотят собственных детей. При суррогатном материнстве, по крайней мере, один из предполагаемых родителей может иметь генетическую связь с ребенком.

Цель этой статьи – установить природу и значимость суррогатной матери.

Суррогатное материнство – одно из самых важных достижений медицины, в то же время оно имеет много проблемных сторон, как: следует ли разрешать все виды суррогатного материнства и как общество принимает суррогатных матерей? Какие девушки предлагают услугу суррогатного материнства в мире и в Казахстане? Стоит ли коммерциализировать данную услугу? Согласно закону, на каком уровне защищены суррогатные матери и после рождения ребенка суррогатная мать имеет права видеть ребенка?

В заключение статьи авторы предлагают способы решения вопросов, связанных с суррогатным материнством, прежде всего, следует задать вопрос о правовом регулировании этого вопроса и этических проблем, возникающих в настоящее время.

Ключевые слова: Казахстан, суррогатное материнство, человеческие права, эксплуатация.

Introduction

Science and technology have had a major impact on society, and their impact is growing. By drastically changing our means of communication, the way we work, our housing, clothes, and food, even the length and quality of life itself, science has generated changes in the moral values and basic philosophies of mankind. Beginning with the plow, science has changed how we live and what we believe. By making life easier, science has given man the chance to pursue societal concerns such as ethics, aesthetics, education, health and justice; to create cultures; and to improve human conditions. But it has also placed us in the unique position of being able to use a surrogate mother to become parents.

Whilst some people come to terms with their childlessness or find adoption or fostering acceptable alternatives, others see surrogacy as a solution. It provides an opportunity for couples to have a child with some genetic contribution from them where the woman is infertile or has, for example, had a hysterectomy for carcinoma, or where she has had recurrent miscarriages or where pregnancy would be a life-threatening condition. Of course, this is respectable reason to use a service of another woman. But some couples doesn't prefer get pregnant and hires someone, which can give a birth to baby.

Certainly, questions arise is it legitimate to allow commercial surrogacy or in general all types of surrogacy. This kind of problem is really affects the

honor and dignity of the surrogate mother, the rights of the child and finally the future commissioning parents.

The aim of the article

Surrogate mother and the child should not consider as a good, like in civil commercial transactions. State should give high priority to ensuring of surrogate mother rights and prevent abuse and exploitation from commissioning parents.

Methods

Surrogacy is a complicated social and psychological phenomenon, which may concern everybody. That is why, to distinguish society attitude to surrogacy, the survey methods were used during the study. We performed a questionnaire survey anonymously on the attitude toward commercial surrogacy in Kazakhstan, October 2017. Women aged 20 to 35 were interviewed. Since, according to the law this age category can be a surrogate mother.

The women were asked questions like:

1. Do you support the service of a surrogate mother?

Out of the 50 women interviewed, 60 % said they were against the surrogate motherhood, but they specified that if a woman cannot have children on medical grounds, this medicine can be used. Also, the respondents said that according to religious belief, this is contrary to the norms of Islam. They clarified a woman is considered as a machine, without any feelings. And childbirth is the most valuable thing in a woman's life.

2. You are willing to become a surrogate mother?

To this question, 100% said that they did not want to be a surrogate mother. In addition, the respondents added that after the childbirth, woman is mentally traumatized.

3. Does a surrogate mother have the right to communicate with a child?

95% of the respondents answered no. Since the surrogate mother after communication with the child may refuse to give the child to the commissioning parents.

In the course of the survey, 20 men at the age of 23-35 were interviewed, all respondents expressed that they did not mind surrogate motherhood services.

4. Surrogate mothers are being exploited (as a new types of rent a woman's womb)?

Almost all respondents (95%) said no. They clarified, that is a conscious act of woman, also for this service surrogate mother gets money.

In the inquiry, a midwife with maternity ward was interviewed, who delivered a baby from a surrogate mother. The child was not shown to the surrogate mother and was immediately taken away, however, according to the midwife, it was evident that the surrogate mother had a maternal feeling and the woman received a psychological postnatal trauma.

Unfortunately in Kazakhstan, clinics that provide surrogate mother services do not give information about surrogate mothers, in order to preserve medical confidentiality. And we were not able to interview with surrogate mothers, children of surrogates and the commissioning parents. But we would like to show the results of the study in UK. ESRC-funded research project in UK is based on in-depth interviews with 34 surrogates, 36 children of surrogates and 11 partners of surrogates. Twenty of the surrogates had been interviewed. The study found that surrogates stayed in touch with the majority of the surrogacy children (77 per cent) and with most of the parents (85 per cent of mothers, 76 per cent of fathers). The surrogates who had chosen to maintain contact with the surrogacy families, most would meet in person once or twice a year. Most of the surrogates' own children (86 per cent) had a positive view of their mothers' involvement in surrogacy. Almost half (47 per cent) were in contact with the surrogacy child all of whom reported a good relationship with him or her. A significant number of surrogates' children referred to the child as a sibling or a half sibling (Family bond). So, the findings paint a largely positive picture of the relationships between the surrogate and her own family, and

between these individuals and the families created through surrogacy.

Main Body

Surrogacy as new types of labor

One of the main desires of the couple – it's to have a baby. In modern time, thousands of couples, in search of surrogate mothers, make them customer. Nowadays, there were all sorts of businesses, also the number of offered products is growing every day, but who knew that the time will come when we turn children into commodities and let us order them? In addition, it is necessary to mention that our country, though not among the first on the "order" of children still indicator is not inferior to the leaders in this field. And of course there are questions: Who is the surrogate mother? How is the attitude of society toward to this service? Whether surrogate mother would be classified as form of labour?

The World has come a long way from America's first surrogate baby in 1980 (The History of Surrogacy). Since then, surrogacy has become a popular alternative to childbirth, using a "host of boldfaced names from Elton John to Sarah Jessica Parker and Alla Pugacheva [all of which have] publicly acknowledged using surrogates to birth babies for them" (Hansen, 2011).

If we clarify the meaning of surrogate mother, 'surrogate' literally means 'substitute' or 'replacement'. A 'surrogate mother' is therefore a 'substitute mother': she is a woman who, for financial and/or compassionate reasons, agrees to bear a child for another woman who is incapable or, less often, unwilling to do so herself. In other words, she is a substitute or 'tentative' mother in that she conceives, gestates and delivers a baby on behalf of another woman who is subsequently to be seen as the 'real' (social and legal) mother of the child (Niekerk, 1995). Here, surrogate mother is not the genetic mother of the child, since there is no genetic link (Hatzis), because we consider full type of surrogacy. Also, surrogate motherhood is variously described in emotive terms such as "rent a womb" or, on the other hand, "gift of love" or "gift of life" depending on a particular viewpoint. Regardless, surrogacy is a source of considerable legal, moral and ethical debate all over the world (Surrogate motherhood).

However International human rights law does not directly support surrogacy because there is no recognized right to a child. But, certain international principles can be extended to support the intended parent/s rights to enter into a surrogacy contract. For example, members at the World Conference on Population held in Cairo said that, "the aim should

be to assist couples and individuals to achieve their reproductive goals and give them the full opportunity to exercise the right to have children by choice.”

Every country has their own legislation and concept about surrogacy. For example in India, people have a general idea about the concept of surrogate motherhood. Legal experts as well as medical experts were asked as how they see surrogacy. Majority of them i.e. 54 per cent (legal experts) and 90 per cent (medical experts) considered surrogacy as a “boon for infertile couples.” Very few of them referred it as “baby selling” or “immoral practice” (surrogate motherhood).

Andrea Dworkin compared surrogacy to prostitution: surrogacy sells what prostitution sells without the stigma of prostitution. Men will inevitably control the surrogacy process and use it to vindicate their own economic interests. (Dworkin, 1983). Various types of view and relevant to surrogate mothers, but anyway all-time pregnancy remains what pregnancy always has been: a risky, unpredictable, deeply personal experience? Embryos can be created in laboratories but human beings take shape – where? In wombs? In mothers? In families? Such distinctions matter but it takes more than scientific progress and legal reform to make them clear (Marsh, 2015). Whatever views and disputes are about surrogate motherhood, the fact is that this is a great moral damage for a surrogate mother which cannot compensate for anything. And in the light our legislation, where all types of surrogacy permitted, including commercial surrogacy, this issue requires particular attention by the Government.

On the Code “On marriage (Matrimony) and family” of the Republic of Kazakhstan is established that a surrogate mother must give the child after giving a birth and on the birth certificate mother of a child recorded customer-woman. And during pregnancy, all the actions of the surrogate mother should be addressed together with the customers. If the surrogate mother has a permanent job, the question of continuing work is decided by mutual agreement of the parties to the surrogate motherhood contract. A surrogate mother is responsible for pregnancy, as stipulated in the surrogate motherhood contract, after the use of assisted reproductive methods and technologies, and must exclude the possibility of the onset of a natural pregnancy. The issue of bearing a multiple pregnancy is decided by mutual agreement of the parties to the surrogate motherhood contract (On marriage (Matrimony) and family). Consequently, the surrogate mother only provided the service for a determined reward. Customer considered as employer, and surrogate

mother as an employee must follow all rules which are established. It is doubtful whether in this condition someone will agree for altruistic type of surrogacy. Reason that the acceptance of condition of surrogate mother may be necessity to earn money. Moreover, the further relationship of the surrogate mother and the customer is not prescribed by law: such as communication with the customer and the child after the birth of the child, leaving the child after birth, etc. This fact, reiterates that surrogacy is a type of labor after implementing all relations between participants terminated.

Which category of women hire like a surrogate mother?

Surrogacy is not a new idea; there is a precedent in the book of Genesis, with the story of Abraham, Sarah and Hagar, the slave who bears Abraham’s son Ishmael (The book of genesis). Obviously, in ancient time slave women didn’t have a right to choice, but currently situation is another, women have all right which is provided for by law. Here the question arises as, why in modern community where almost all women are educated commercial surrogacy takes place?

To find the answer we resort to preliminary psychological and demographic studies and as well as surrogate matching service reports to Technology Assessment demonstrate, that women who have volunteered to be surrogates are distinctly less well educated and less well off than those who hire them, but their self-reported motivations for offering to be surrogates include noncommercial considerations. It should be noted, however, that absent financial remuneration, few say that they would offer to participate as surrogates (we have to mention, that in this research conducting country altruistic and non-commercial surrogacy allowed) (Parker, 1983). Although according to a recent rough estimate in Greece’s newspaper in 90% of the cases the surrogate mothers are not relatives but “best friends” (Hatzis, 2010). At the same time there is no reference in any of these cases to evidence submitted to court as to the close friendship that could lead a woman to offer her womb altruistically, because commercial surrogacy prohibited there. Here I would like to return to girls who participating in the survey in Kazakhstan all graduated from higher education and many of them had a stable salary, and said that they never saw themselves in the role of a surrogate mother. The high costs or blanket ban of surrogacy in many first world countries, lead couples to turn to poor women in undeveloped nations (Sergent, 2012). It seemed that commercial surrogacy allowed in most developing countries.

Recent studies have found that surrogates in the U.S., and similar countries like Canada and the U.K., are not necessarily poor nor claim to feel pressured into surrogacy. Many say they are appreciative of the fee but were inspired to be surrogates for other reasons, including that they enjoy being pregnant and are proud to be able to make such a difference in an otherwise childless couple's life (Janice, 2005).

Fact that surrogates are not motivated purely by the compensation provided, they have altruistic view and were the true motivation behind surrogacy there would be more surrogates performing the service for lower-class couples who could not afford to pay much as compensation (Kerian, 1997)

There also does not appear to be a definitive trend of less educated or psychologically vulnerable women acting as surrogates at a disproportionate rate in Western countries.

As we see, surrogate mothers can be women from different countries, both in developed and developing countries. Surrogate mothers are guided by different motivations, commercial and altruistic. However, if surrogate women were guided by altruistic beliefs, this would be morally more respectful.

Returning to the legal side of surrogate motherhood on marriage (Matrimony) and family law of the Republic of Kazakhstan does not provide a point of compensation for a surrogate mother in a case of miscarriage or when a child is pregnant. Therefore, at the legislative level, it is necessary to protect the rights of the surrogate mother at a high level. Also, clinics implementing the service of a surrogate mother explained the nature of the surrogate mother to prevent unpleasant consequences after childbirth.

Discussion

In the discussion, we used the Report of Columbia Law School Sexuality & Gender Law Clinic, it reflects various commentaries on surrogate motherhood. According to data some argue that the significant hormonal, biological, and physiological changes a woman experiences during pregnancy and birth, including the bonding that occurs between her and the child (Tieu, 2009), make it too difficult for a woman to consent surrogate contract. This may be the case because woman cannot predict the bond she may feel with the child (Walker, 2005). Moreover, surrogates also must consume large doses of hormones in order to prepare their bodies for implantation, which may lead to serious side effects and also affect their decision-making ability

while negotiating a surrogacy contract. But after signing the contract, surrogate doesn't have a right to change her mind (it's not provided by law, there is only mention that force majeure case should be solved by Civil law).

Other commentators argue that prohibiting surrogacy restricts the freedom of women to use their reproductive capacity as they choose and that it is an affront to the autonomy of women to make their own choices about the way they will spend their time and their talents (Shapiro, 2014). In this view, women are rational and autonomous actors who have the capacity to make fundamental decisions about their lives and bodies, including pragmatic choices in light of their practical realities and the opportunities available to them. These commentators tend to argue that surrogacy is like any other form of labor or work and the best approach is therefore to offer protections and regulations which identify the conditions that heighten risks of exploitation as well enhancing the possibility of positive outcomes (Pande, 2009).

Other claim's that surrogates are vulnerable to manipulation by a broker, agent, assisted reproductive clinic, and/or the intended parent/s (Allan, 2016). Intended parent/s generally have greater wealth, education, and social status, as well as stronger connections to institutions of power than surrogates and that even well-intentioned intended parent/s may unwittingly exploit their surrogates simply by making demands she is not in a position to resist. Similarly, highly educated and skilled individuals run surrogacy agencies; they have access to legal professionals, and are repeat players with established expertise and experience (Finkelstein, 2016).

This is a conviction that is being reiterated by empirical research, surrogacy is an expensive, and thus exclusive, process. This means that the intended parent/s are likely to be from a higher socioeconomic class than the surrogate, which could cause coercion during decision-making. However, other commentators have noted that empirical research does not support these concerns. They point to studies conducted in Western countries that indicate that few women have regretted participating in surrogacy contracts or experienced distress on giving up the child after birth, and that surrogates rarely refuse to relinquish the child after birth (Busby & Vun, 2010). On the contrary, empirical studies of commercial surrogacy have largely concluded that surrogates and the intended parent/s are satisfied and enriched by the process (Laufer-Ukeles, 2013).

Results

According to our research, surrogate motherhood is an act of mercy and at the same time labor for which one can receive a reward. Studies have shown that girls with higher education and stable wages rarely become surrogate mothers; they usually become potential consumers of this service. Surrogate motherhood is found all over the world, but there is no equal approach to this issue. There is no single normative document that fully covered the legal regulation of this issue. Therefore, the rights of all participants will be unprotected and vulnerable.

Let's look at the basic rights of the surrogate mother, is not specified in the national legislation fully. Firstly, surrogate mother doesn't have a choice. It disappears since the signing of document about surrogacy. Refusal of its obligations is not provided by law, and what compensation it should incur in case of refusal to fulfill its obligations under the surrogate motherhood contract is not specified also. The rights of surrogate mother towards to child not recorded in legislation. Therefore, issues related to rights of surrogate mother remain unsolved in lawful level.

The surrogate, according to the law on Marriage has no right to make decisions according to her lifestyle, beliefs, or interests. It also violates the constitutional rights of the surrogate mother.

Conclusion

In our country all kinds of surrogate motherhood are allowed on a statutory basis. What is surprising, that such a social, psychological topic was not the

object of fundamental scientific research? From the above facts it is clear that the theme of surrogate motherhood was and will be the topic of discussion. But the state must ensure the rights of the surrogate mother and child (the current law provides a refusal of customers from a child born from a surrogate mother, but does not mention the responsibility provided by the law in this case).

Commercial surrogate motherhood, it would seem, is an easy way to earn a lot of money, but the consequences of this service in many cases cause psychological damage to a woman. A surrogate mother does not fully understand or treats negligently when concluding a surrogate motherhood contract; however, after signing the contract, the woman has no choice. Termination of the contract entails full compensation for the costs spent on the surrogate mother, whom she can in reality neither compensates, and therefore even if the surrogate has changed her mind in providing services, she has no choice. This is already considered a violation of human rights and exploitation of women's labor. Health and the life of a surrogate mother, the life of a child, in these circumstances cannot be considered as an object of legal regulation only of civil legislation. Surrogate mother and child as vulnerable part of our society need a special legal regulation and protection by the state.

Based on international research and the situation in our country, it is necessary to review the permits of all types of surrogate motherhood. Namely, whether it is necessary to resolve commercial surrogate motherhood? If our country will allow only altruistic surrogacy, we can prevent pressure and exploitation of surrogate mother, also society will respect their best intentions.

References

- 1 Family bond: how does surrogacy impact on relationships? // <http://www.cam.ac.uk/research/news/family-bonds-how-does-surrogacy-impact-on-relationships>. – Date of access: 08.07.2013.
- 2 The History of Surrogacy, Modern family surrogacy ctr., <http://www.modernfamily-surrogacy.com/page/surrogacy-history> – Date of access: 19.04.2015.
- 3 Hansen M. As Surrogacy Becomes More Popular, Legal Problems Proliferate, ABA journal <http://www.abajournal.com/magazine/article/as-surrogacy-becomes-more-popular-legal-problems-proliferate>. – Date of access: 1.03. 2011.
- 4 Anton van Niekerk and Liezl van Zyl. The ethics of surrogacy: women's reproductive labour. // *Journal of medical ethics*, 1995; 21: 345-349.
- 5 Hatzis N. The Regulation of Surrogate Motherhood in Greece // <http://users.uoa.gr/~ahatzis/Surrogacy.pdf>. Date of access: 2010.
- 6 Surrogate motherhood: an empirical study // http://shodhganga.inflibnet.ac.in/bitstream/10603/54478/12/12_chapter%206.pdf. – Date of access: 12.2012.
- 7 Dworkin A. (1983) Right-wing women: the politics of domesticated females. The Women's Press.
- 8 Marsh A. The feminist history of surrogacy: should pregnancy give a woman rights over a baby? // *Spear's magazine* // <https://www.newstatesman.com/politics/2015/05/feminist-history-surrogacy-how-much-right-should-pregnancy-give-woman-over-baby> – Date of access: 22.05.2015.

- 9 The Code “On marriage (Matrimony) and family” of the Republic of Kazakhstan // <http://adilet.zan.kz/eng/docs/K1100000518>
- 10 The book of genesis // http://www.vatican.va/archive/bible/genesis/documents/bible_genesis_en.html
- 11 Parker P.J. Motivation of Surrogate Mothers: Initial Findings. // *American Journal of Psychiatry and Law* 140:1-4, 1983.
- 12 Sergent K. Feminist perspectives on surrogacy. // <http://femlegaltheory.blogspot.com/2012/10/feminist-perspectives-on-surrogacy.html>. – Date of access: 24.10.2012.
- 13 Janice C. Ciccarelli & Linda J. Beckman, (2005) Navigating Rough Waters: An Overview of Psychological Aspects of Surrogacy, 611 *J. OF SOC. ISSUES* , 21, 36.
- 14 Kerian C. (1997) Surrogacy: A Last Resort Alternative for Infertile Women or a Commodification of Women’s Bodies and Children? *WOMEN’S L.J.* 113.
- 15 Tieu M.M. (2009) Altruistic Surrogacy: The Necessary Objectification of Surrogate Mothers, *J. MED . E THICS* 171, 172.
- 16 Walker M. (2005) Precommitment in Free-market Procreation: Surrogacy, Commissioned Adoption, and Limits on Human Decision Making Capacity 31 *J. L EGIS.* 330.
- 17 Shapiro J. For a Feminist Considering Surrogacy, Is Compensation Really the Key Question? 89 *WASH. L.REV.* 1345, 1352–53. 2014.
- 18 Pande A. (2009) Not An Angel, Not A Whore: Surrogates as Dirty Workers in India, 16 *Indian Journal of Gender Studies* 160.
- 19 Allan S. (2016) The Surrogate in Commercial Surrogacy: Legal and Ethical Considerations, in *Surrogacy American Style, in surrogacy, law, and Human Rights* 113, 130. 2016.
- 20 Finkelstein A. Sarah Mac Dougal, etc. (2016) *Surrogacy Law and Policy in the U.S. A National Conversation Informed by Global Lawmaking.* May.
- 21 Busby K., Vun D. (2010) Revisiting the Handmaid’s Tale: Feminist Theory Meets Empirical Research on Surrogate Mothers, 26 *Can. J. Fam. L.* 13.
- 22 Laufer-Ukeles P. (2013) Mothering for Money: Regulating Commercial Intimacy, Surrogacy, Adoption, 8 *IND . L.J.*1223.

Борецкий О.М.¹, Швыдко А.А.²

¹канд. филос. наук, доцент кафедры философии,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: cinema-paradiso@mail.ru

²канд. филос. наук, доцент кафедры «Социально-экономические науки»
Университета Международного Бизнеса, Казахстан, г. Алматы

ФИЛОСОФИЯ И РИТОРИКА АНТИЧНОГО ПРАВА

Общим и конечным предметом данной публикации является правовая культура античности и вопрос о духовно-смысловых корнях непреходящего значения античного права. Поэтому статья посвящена рассмотрению ряда фундаментальных понятий, которые характеризуют глубинный смысл права в контексте интеллектуальной, духовной и риторической практики древнегреческой и древнеримской философии и юриспруденции. Особое внимание уделено «слову права» и «слову о праве», что как раз и позволило объединить философские и риторические аспекты анализа античной правовой культуры, а также, в частности, сделать вывод о том, что риторика Аристотеля была методологией юридического дискурса в период его становления.

Ключевые слова: дух, идея, метафора, право, риторика, слово, философия.

Boretsky O.M.¹, Shvydko A.A.²

¹cand. philos. sci., Associate Professor, Department of Philosophy,
Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: cinema-paradiso@mail.ru

²cand. philos. in Economics, Associate Professor of the Department of Socio-Economic
Sciences of the University of International Business,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: cinema-paradiso@mail.ru

Philosophy and rhetoric of ancient law

The Antique Law Culture and question about spiritual and semantic roots of the imperishable value of ancient law are the general and final subject of this publication. Therefore, the article is devoted to a number of fundamental concepts that characterize the deep meaning of Law in the context of intellectual, spiritual and rhetorical practice of Ancient Greek and Roman philosophy and jurisprudence. The special attention is paid to the «word of Law» and the «word about Law», which has made it possible to combine the philosophical and rhetorical aspects of the analysis of the Ancient Law Culture, and, in particular, to conclude that Aristotle's rhetoric was the methodology of juridical discourse in the period of its becoming.

Key words: spirit, idea, metaphor, law, rhetoric, word, philosophy.

Борецкий О.М.¹, Швыдко А.А.²

¹философ. ғылымдарының кандидаты, доцент,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: cinema-paradiso@mail.ru

²философ. ғылымдарының кандидаты, доцент,
Халықаралық Бизнес университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Антикалық құқықтағы философия және риторика

Аталмыш мақаланың қарастыратын пәні – антикадағы құқықтық мәдениет және мәні жойылмас антикалық құқықтың рухани-мәндік тамырлары туралы сұрақ. Мақалада құқықтың терең мағыналарын интеллектуалдық, рухани және риторикалық практика тұрғысынан

сипаттайтын біршама іргелі ұғымдар қарастырылды. Антикалық құқықтық мәдениет талдауының философиялық және риторикалық қырларын біріктіретіндіктен «құқық сөзіне» және «құқық туралы сөзге» баса мән берілді. Сонымен қатар, Аристотель риторикасы заң дискурсының қалыптасу кезеңінде оның методологиясы болғаны жайлы қорытынды жасалды.

Түйін сөздер: рух, идея, метафора, құқық, риторика, сөз, философия.

Введение

Классическое понимание античности (и греко-римской античности, в частности) как «детства человечества» порождает неизбежное и почти парадоксальное следствие: в этой незрелой, с точки зрения современной цивилизации, культуре, в этой «недисциплинированной игре детской фантазии» были, тем не менее, открыты и сформулированы (порой в наивной форме) фундаментальные основы, идеи и смыслы всех современных нам областей человеческого духа.

Начать, видимо, стоит с названия. Почему «философия античного права»? Ведь более привычным является выражение «античная философия права».

Философию права можно, помимо существующих в литературе определений, трактовать двояким, например, образом. Во-первых, как *распространение определенной философской доктрины на исследование права* (скажем, простирающие гегельянского, или классического марксистского, философского подхода на анализ права). Во-вторых, можно понимать философию права как *«исповедование» тем или иным правосознанием, правопониманием, правовой доктриной вполне определенных философем.*

Именно это, второе, обстоятельство имеет для нас в данном случае первостепенное значение. Поскольку такой подход позволяет осуществить попытку «заглядывания за поверхность» конкретно-исторической формы правосознания, правовой культуры с целью постижения их сущностных черт, сторон, качеств и т. д. Отсюда также представляется оправданным говорить именно о *философии* античного права, античной правовой культуры.

Что означает «найти, установить, выявить философемы»? Это значит определить, установить «метафоры» – в данном случае античного – правосознания, правопонимания, правовой культуры. Почему «метафоры»? Словарь В.И. Даля подсказывает: термин «метафора» означает «иное слово», «другое слово». Философия на протяжении всей известной нам ее истории предстает как «вечное возвращение» к одним и тем же «проклятым вопросам» – о смысле

и основаниях мироздания, о человеке и смысле его жизни, о сущности мира, истории и т. д. То есть, философия в разные периоды своей истории ищет все более «точное слово» для ответа на эти вечные вопросы, являясь в этом смысле «метафорическим знанием».

Сказанное позволяет более точно обозначить нашу задачу: философия античного права, философствование о нем как социально-историческом феномене будет поиском тех самых философем-метафор, которые помогут постичь сущностные, онтологически укорененные и значимые основания античного права, античной правовой культуры.

Методология рассмотрения темы данной статьи уже предварительно может быть понята как синтез различных форм герменевтического опыта – от философской герменевтики, исповедующей стремление к интерпретации эпистемологического контекста понятий, категорий, до герменевтики текста как такового в его исторической ретроспективе и исследовании смысла цитируемых первоисточников. Второй ракурс методологического инструментария – это компаративистика, сравнительный анализ теорий, позиций, взглядов тех или иных мыслителей, философов и юристов. Третья составляющая методологии – принцип единства исторического и логического в познании. В данном случае этот принцип реализуется применительно как к материалу сугубо историко-философского характера, так и к материалам по истории права. Рассмотрение фактов в форме отдельных событий или суждений (несколько примеров из древнего греческого и римского права) с необходимостью помогает убедиться в том, что существует определенная логика правовой культуры античности, позволяющая обобщить то глубинное, что составляет исходную сущность Идеи Права.

Теоретическая канва наших размышлений над совокупностью фундаментальных философем античного права имеет под собой ряд оснований, имеющих отношение как к истории философии и истории права, так и к некоторым вопросам философской антропологии, социальной философии.

В первую очередь следует упомянуть *философскую* по своей сущности гипотезу П.А. Флоренского о бессмертии. В самом кратком переложении она такова. Теория относительности Эйнштейна, которую Флоренский как превосходный инженер и математик прекрасно знал, показала, что объект, движущийся со скоростью света, способен перейти «перескочить» в иную Вселенную с совершенно другими свойствами пространства-времени и находиться в ней как бы в «свернутом» – по отношению к нашему привычному нам миру – состоянии. Флоренский гипотетически рассуждает: почему бы не предположить, что мысль человеческая как плод его *духовного усилия*, «движущаяся» столь же быстро, как и свет (если не быстрее), способна «выскочить», «вывернуться» за пределы нашего мира в некую особую вселенную? Тогда получится, продолжаем мы гипотезу Флоренского, что мысль, например, нашего современника как продукт его духовного усилия «вывернувшись» в ту, иную вселенную, способна встретиться с продуктами духовных усилий, исканий предшественников. В результате случается тот неповторимый момент, когда, как говорится, «вот еще миг, и ты поймешь глубинный замысел и смысл» сказанного предшественником, «спрятанного» им в своем произведении, в картине, в музыкальном творении. Так, сам Флоренский рассказывал о том, насколько сильно захватил его образ Троицы известного творения Андрея Рублева. И Флоренский делал вывод: культура как продукт духа и есть обитель человеческого бессмертия. Человек назначен вечности через культуру и собственное духовное усилие...

Кто знает, быть может, проникаясь духом глубинного смысла фундаментальных понятий и положений прежних правовых систем через посредство герменевтического опыта, мы испытываем не только некую «эмпатию», но и ощущаем наше соприсутствие в духовной ситуации того давнего времени, переживаем некий сакральный акт со-мыслия с авторами *тех* законов, творцами и проводниками *той* правовой культуры?

Во всяком случае, философско-исторический опыт Пьера Адó, выдающегося исследователя античной философии, также дает нам некоторую уверенность в том, что герменевтический опыт, опыт глоссаторов – весьма непростое духовно-практическое занятие [1].

Столь же полезен в контексте сказанного замечательный труд итальянского философа и правоведа Эмилио Бетти по методологии герме-

невтического анализа как одного из важнейших оснований наук о духе [2].

Основная часть

Теперь перейдем к существу темы, рассматривая в первую очередь древнегреческую философию и культурную историю. Одна из особенностей древнегреческого философского мышления состоит в том, что перед «философствующими» не стоял вопрос о том, есть этот мир или нет – он уже был задан. И главная исходная тема древнегреческой философии – это вопрос о *субстанции* мироздания. Это и прослеживается в учениях о первостихиях огня, воды, земли, воздуха, об апейроне, сочетаниях первостихий и т. д. Другими словами, греческая философия как метафорическое понимание мира ищет (у каждого мыслителя в совершенно особом виде) свой **универсальный и субстанциальный** ключ к объяснению мира. И если для Фалеса такой ключ (метафора) – вода, а для Гераклита – огонь, то это означает утверждение универсальной модели всех вещей мира: в воде Фалеса (равно как и в огне Гераклита) генезис и механизм жизни, души, развития, структуры, состава, социума и т.д.

На первое место выдвигается при этом учение о *космосе* как *гармоническом порядке* (само слово «cosmos» ближайшим образом можно перевести на русский язык как «порядок»). Причем, как известно, эта идея гармонической упорядоченности всего сущего и существующего распространялась не только на Вселенную (например, учение Парменида о бытии), но и на социум и человека (учения о макро- и микрокосмосе, микрокосме). Что характерно для природного универсума, то присуще и социальной организации, а именно, например, – *симметрия, равновесие, равенство* между элементами этих «cosmos'ов». Как показано исследованиями А.Ф. Лосева, Ж.-П. Вернана и других, великий архонт Солон ставил себе в заслугу то, что смог установить и сохранить равенство (*to ison*) в обществе. И это напоминает идею уподобленности социально-политического организма универсальному вселенскому космическому порядку его старшего современника Милетца Фалеса: понимание закона, равенства в политико-правовом и нравственном смыслах совпадало со смыслом тех же понятий в античной (в данном случае мы говорим о древнегреческой) натурфилософии. Следовательно, в качестве первых метафор-фи-

лософем античного правосознания и правопонимания можно рассматривать такие, как «порядок», «симметрия», «равенство», «равновесие».

Известный французский исследователь древнегреческой философской и гражданской истории Ж.-П. Вернан пишет, что греки изобрели «некоторый разум, инструментом которого является язык и который позволяет воздействовать на людей...», разум политический в том смысле, в котором Аристотель определяет человека как политическое животное» [3].

Можно сказать, что переход от мифа к логосу как новому устройству бытия и сознания, новой убедительности и упорядоченности по сути и означал органическое сочетание и взаимопроникновение в понятии Logos слова и разума, закона и порядка.

Греки вообще придавали колоссальное значение Слову. Не случайно они приветствовали нового собеседника словами: «Я хочу тебя услышать, чтобы тебя увидеть». В конечном итоге эта ценность слова привела к изобретению риторики, которую, как известно, инициировали софисты, а академически оформил Аристотель. В философии античного права, где греческая традиция была дополнена римской, риторика также существовала по принципу дополнительности и в значительной степени отражала функциональность и характер бытования права. В греческой традиции риторики (и судебной риторики, в частности) это была «наука убеждать», искусство влиятельной речи. В римской – риторика понималась как «искусство говорить хорошо», и за этим прежде всего стояла та точность формулировок и лаконичность, которую все мы знаем по четкости и краткости латинских афоризмов. «Non multum, sed multa» («Не много, но многое») – таково правило краткости и базовая формула римской риторики и права.

Особо следует отметить часто упускаемый момент. Риторика Аристотеля была явлением скорее юридическим, а не филологическим, и более того в исторической ретроспективе (и благодаря Аристотелю) можно смело утверждать, что риторика была ранней стадией древнегреческого права. И риторика, и право обнаруживают сходство целей: первая обращена к изменению *мнения*, второе – к изменению *поведения*. Знаменитая «Риторика» Аристотеля, равно как и связанные с ней «Тописка», «Этика» и «Политика», по сути представляют собой основы правовой техники и юридической методологии. Другими словами, риторика была сформулирована и раскрыта Аристотелем не как лингвистическая,

философская и логическая дисциплина (хотя все эти моменты в ней имплицитно присутствуют), а как *метод (технология) правового дискурса*. Риторический аргумент (энтимема) в Древней Греции понимался как способ построения юридического рассуждения. С развитием континентального права риторика растворилась в нем логикообразующим алгоритмом.

В риторике Аристотель, в отличие от Платона, видит не столько красноречие (элоквенцию), сколько искусство мышления, искусство влиятельной речи. Риторика, по мысли Аристотеля, призвана оказывать практическое влияние на судей. Как раздел диалектики риторика является «методом для нахождения доказательств» и частью «науки о нравах, которую справедливо назвать политикой» [4].

Итак, *слово* – вот, что позволяет воздействовать на людей, организуя их некоторым социально-политическим *порядком-равновесием*. Причем не всякое слово, а слово *записанное* или *публично, гласно, во всеуслышание произнесенное*. Право также есть совокупность преданных гласности или писаных правил, являющихся основами космоса-порядка социального целого. Таковыми правилами выступают, как известно, *законы*.

В праве (= законах писаных и гласных) слово теряет свой сакральный смысл, становится словом *человеческим*. Греки осуществили необходимость записать обычаи, чтобы благодаря могуществу писаного слова укрепить влияние закона, позволяющего закрепить наличный социальный порядок. «Совсем не случайно, – писал видный русский философ права И.А. Ильин, – люди стали облекать правовые правила поведения в форму *логических тезисов* и записывать их. Дело не только в том, что «*verba volant, scripta manent*» – *слова улетучиваются, записанное остается*». Живя совместно, люди стремятся *сохранить, повторить* и *распространить* единожды обретенное «верное» решение спора или конфликта и *закрепить* найденный «верный» способ поведения: «пусть будет то же самое во всех одинаковых случаях» [5].

Социально организованным пространством, на котором право выступало как слово, как порядок и равенство, был *полис*. Точнее – даже не «дворец», а *агора*. И она – не просто какое-то возвышенное место, холм. Слово «агора» означает некоторое «*общее пространство*», «*место общего очага*» (по-гречески в латинизированной для удобства прочтения форме – *Hestia koine*), место, в котором пребывает *архэ* – двига-

тельная сила, дух этого места, присущий всепробывающим-в-нем-людям. По словам Гиппия (в «Протагоре» Платона), Афины, а значит и его центр, агора, – средоточие и ось притяжения разума и красноречия, – составляют как бы «присутственное место мудрости», «*protaneion to sophias*» [6].

Важно отметить, что агора по своему определению была тем местом, где практически была невозможна монологическая речь. Само место располагало к диалогу, диалогике, к полемике и расширению пространства аргументации. Именно здесь возникла диалектика и эристика как искусство спора. Именно здесь появились разнообразные виды философской аргументации, которые выходили за рамки чистой логики и которые на столетия вперед определили характер и инструментарий судебной риторики.

В полисе, городе-государстве греков, господствует идея порядка, подчиненного праву, закону, называемому *nomos*; и только он устанавливает для всех составляющих природу элементов порядок, в соответствии с которым ни один из них не может иметь абсолютную или хотя бы относительную власть (*cratos*) над другими.

Это – принципиально важный момент: даже Зевс не обладает всей абсолютной полнотой власти, будучи подчинен некой верховной необходимости. Сохранилось предание, рассказывающее о встрече стоика Хрисиппа с Зевсом, при которой громовежец откровенно признается философу в том, что он не может считать себя совершенно свободным существом, ибо и ему назначено подчиняться необходимому порядку Космоса. Подчеркивая идею равенства всех перед Законом, тот же Зевс объяснял Геркулесу, что никакой общественный союз, полис, не может существовать, если только немногие будут причастны к закону, к стыду и ответственны по совести; а непричастных к ним должно истребить как язву государства.

Мы также должны упомянуть, что у греков красной нитью проходило преклонение перед авторитетом закона. «Лучшее государство то, где все боятся закона как тирана» (Биас); «Счастливы то государство, где больше всего слушаются законов и меньше всего ораторов» (Хилон); «Наибольшая слава царя заключается в неуклонном соблюдении законов... Граждане должны отстаивать законы своего города так же, как и его стены» (Гераклит).

Далее, достаточно вспомнить об упоминавшемся выше Солоне и его идее равенства (*to*

ison, отсюда – *isonomia*, равенство всех перед законом, то есть *ison + nomos*). И на основании всего сказанного заключить: ближайшими метафорами, проясняющими философско-онтологический смысл античного права, являются термины «порядок», «закон», «слово» (закрепленное в законе), «равенство», «равновесие» и т. д., а также представления о свободе, регулируемой необходимостью и власти, способной утвердить законность.

Еще одной важнейшей философемой является понятие *dike*, *справедливость*. Известно, что нечто становится обладающим философским или правовым значением, когда освящается и освещается *принципом* – либо, соответственно, философии, либо права. Философия рассматривает человеческий дух, мышление; право рассматривает поведение человека. Принципы философии – истина, благо, добродетель. Принципы права – справедливость, равенство, свобода. Древние греки первыми установили единство, совпадение между принципами философскими и правовыми.

Понятие справедливости является самым, пожалуй, дорогим в философии одного из величайших дохристианских мыслителей – Сократа. Что же до Платона, то для него идея справедливости состояла в том, чтобы каждый делал то, к чему он предназначен. Разбирая этот момент, Гегель, например, совершенно точно, блестяще отмечал: «В государстве Платона нет свободы мысли, совести, преподавания, пропаганды, нет свободы художественного творчества, нет свободного сближения между мужчиной и женщиной на почве личного влечения». И далее не без сарказма Гегель проговаривает: «Государство Платона – это кладбище мысли и чувства» [7].

Сократ допускает и рассматривает личность в качестве существенной стороны общественного устройства и для этого даже вводит представление о некоем «естественном праве» как совокупности божественных норм, которое отличается от «положительного права», основу которого составляют нормы, принятые (положенные) исключительно людьми. Именно согласно естественному праву личность обретала у Сократа свое высокое положение в его взглядах на нравственность, справедливость, гармоничное социальное обустройство. Право, таким образом, выступало как императив, обязывающий к должному и безусловному соблюдению справедливости. В конечном счете, эта позиция (возможно, отчасти, но, думается, по *бóльшей* части) стоила Сократу жизни... «Для развития великих

характеров нужны великие общественные несправедливости», – писал К.Н. Леонтьев...

Важно подчеркнуть, что греческая философия создала базовое понятие справедливости, связав его с понятием *меры*. Мера была теми границами, в которых можно было говорить о каком-либо качестве. За границами качества понятие справедливости утрачивало смысл. В итоге справедливость рассматривалась в трех основных качествах и понималась как «мера наказания», «мера воздаяния» и «правомерность оценки».

Немало поучительного дает история Римского классического права. Приведем несколько примеров. Приблизительно около V в. до н.э., как писал историк Тит Ливий, десять мужей, децемвиров, «пригласили всех [римлян] на собрание и предложили читать выставленные законы на благо, счастье и благополучие государства, их самих и их детей; они-де, насколько могли, уравнивали права всех, знатных и незнатных [курсив наш – О.Б., А.Ш.]».

Речь, понятно, идет о Законах XII таблиц. Здесь мы видим присутствие тех же философем: право есть закон, Слово, писанное и читаемое; право есть выражение блага, счастья, благополучия граждан и государства; право есть равенство (компромисс притязаний и обязательств). Или, например, в Дигестах императора Юстиниана читаем слова Цельса: «Право есть наука о добром и справедливом».

Смысл права (*ius*, «юридического»), как его трактовали римляне, в том и состоял, чтобы взвесить на весах справедливости притязания формально равных перед законом людей; признать свободу одного пользоваться чем-либо (вещью, земельным наделом) и ограничить притязания и свободу другого на пользование тем же самым. Как много позднее покажет, например, Иммануил Кант, посредством права (и морали, нравственного начала) свобода лица находила границу в признании свободы других.

Вот тут, в этом пункте, выскажем одну принципиально значимую мысль. *Существеннейшим моментом всякой философии права и всяческих философем о нем является не что иное, как идея допущения «другого» («иного, нежели сам») в*

сферу нашей индивидуальной самости, нашего индивидуального материального и духовного, личностного существования – будь то сфера «владения» (собственность) или сфера наших личных прав и свобод.

Этим «другим» по отношению ко «мне» может выступать и отдельный человек, и государство, и община, и все общество. Право, таким образом, *можно рассматривать как полагание и обнаружение меры допустимости (даже – допускаемости) «иного», «другого» в «мое» личное, субъективно-индивидуальное поле материального (= экономического), политического, духовного, ценностного, собственно правового самостояния и обстояния.*

Заключение

Подводя итоги, можно утверждать, что древнегреческая и древнеримская правовые культуры заложили те вечные основы философии правовой культуры, правопонимания, правоистолкования, которые и по сей день составляют основы цивилизации. Они заложили основания для всех возможных философствований о праве, составляющих концептуальное и парадигмальное содержание философии права, рассуждающей о его глубинной онтологической и социально-исторической сущности. Античная культура сделала это, подобно тому, как (по известному выражению классического марксизма) античность заложила основы всех позднейших типов мировоззрений.

И, наконец, последнее замечание. Определенный исторический тип права рождается и умирает вместе с той цивилизацией, которая его порождает. Но (и в этом состоит важнейший урок, в частности, современной социальной философии как философии культуры) оно обладает всеми предпосылками своего «бессмертия», если способно содержать и удержать в себе ничем не устранимое духовное начало. А именно дух, в том числе и дух культуры, как это показал пример лучшей философской гипотезы о бессмертии, принадлежащей П.А. Флоренскому, и сообщает вечное временному, преходящему.

Литература

- 1 Адо П. Философия как способ жить. – М. – СПб.: ИД «Коло», Катарсис, 2004.
- 2 Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. – М.: «Канон», РООИ «Реабилитация», 2011.
- 3 Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. – М.: Прогресс, 1988. – С. 20.

- 4 Аристотель. Риторика // Античные риторики. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – С. 20.
- 5 Pernot L. La rhétorique dans l'antiquité. Le livre de poche, Librairie Générale Française, 2000. 351 p.
- 6 Ильин И.А. Учение о правосознании. – М.: Парогъ, 1993. – С. 260.
- 7 Шершеневич Г.Ф. История философии права. – 2-е изд. – СПб., 1907. – С. 29.
- 8 Гегель. Лекции по истории философии. Кн. 2. – СПб.: Наука, 1994. – С. 75.

References

- 1 Ado P. (2004) *Filosofija kak sposob zhit'*. – М.– SPb.: ID «Kolo», Katarsis.
- 2 Betti Je. (2011) *Germenevtika kak obshhaja metodologija nauk o duhe*. – М.: «Kanon», ROOI «Reabilitacija».
- 3 Vernan Zh.-P. (1988) *Proishozhdenie drevnegrecheskoj mysli*. – М.: Progress. – S. 20.
- 4 Аристотел'. *Риторика // Античные риторики*. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – С. 20.
- 5 Pernot L. (2000) *La rhétorique dans l'antiquité. Le livre de poche, Librairie Générale Française*. – 351 s.
- 6 Ильин И.А. (1993) *Учение о правосознании*. – М.: Парогъ, 1993. – С. 260.
- 7 Шершеневич Г.Ф. (1907) *История философии права. 2-е изд.* – СПб. – С. 29.
- 8 Гегел' (1994) *Лекции по истории философии. Кн. 2.* – СПб.: Наука

2-бөлім
**КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ЖӘНЕ
ӘКІМШІЛІК ҚҰҚЫҒЫ**

Раздел 2
**КОНСТИТУЦИОННОЕ
И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО**

Section 2
**CONSTITUTIONAL AND
ADMISTRATIVE LAW**

Ospanova D.A.¹, Kenzhalyev Z.Zh.², Shulanbekova G.³

¹Associate Professor, Ph.D, e-mail: azizkhan_0606@mail.ru

²Professor

³senior teacher, e-mail: gul15-73@mail.ru

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

**IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF AVAILABILITY
OF STATE SERVICES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

In this article legal development of system of the state services in the Republic of Kazakhstan and foreign countries taking into account the existing provisions, transformations and the taken measures of regulatory impact on system of availability of the state services that allowed to formulate recommendations about improvement of the legislation in the field is considered.

Key words: state services, legal regulation, public administration, public service, legislation.

Оспанова Д.А.¹, Кенжалиев З.Ж.², Шуланбекова Г.³

¹доцент м.а., з.ғ.к., e-mail: azizkhan_0606@mail.ru

²заң ғылымдарының докторы

³аға оқытушы, e-mail: gul15-73@mail.ru

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Қазақстан, Алматы қ.

**Қазақстан Республикасында
мемлекеттік қызмет көрсету жүйесін жетілдіру**

Осы мақалада Қазақстан Республикасы меншет елдердің мемлекеттік қызметтерінің құқықтық даму жүйесінің қалыпты күйі мен енгізілген өзгерістер арқылы заңнаманың жетілдіруіне осы салада ұсыныстардың құрылуына әсер ететіні қаралған.

Түйін сөздер: инновация, инновациялық саясат, құқықтық реттеу, заңнама.

Оспанова Д.А.¹, Кенжалиев З.Ж.², Шуланбекова Г.³

¹и.о. доцента, к.ю.н., e-mail: azizkhan_0606@mail.ru

²профессор

³ст. преподаватель, e-mail: gul15-73@mail.ru

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

**Совершенствование системы доступности государственных услуг
в Республике Казахстан**

В данной статье рассматривается правовое развитие системы государственных услуг в Республике Казахстан и зарубежных странах с учетом существующих положений, преобразований и принятых мер регулятивного воздействия на систему доступности государственных услуг, что позволило сформулировать рекомендации по совершенствованию законодательства в данной области.

Ключевые слова: инновация, инновационная политика, правовое регулирование, законодательство.

One of priorities of modernization of public administration in Kazakhstan achievement of quality of public services seems. The term «public service» rather was included recently into a turn of jurisprudence and the legislation. In Kazakhstan, as well as in Russia, they are connected with carrying out administrative reform while in many developed foreign countries public services act as one of the main forms of relationship between physical, legal persons and public authorities.

As L.K. Tereshchenko notes, entry of the term «public services» into our life is not a craze, not simple copying of foreign experience: behind it there are ... much deeper reasons connected with change of a role and problems of the state in society with the statement of new values and priorities. [1, p. 15].

A. Danilin offers the following definition: public service is the standardly fixed service rendered by public authorities to citizens, business or other public authorities. [2, p. 24].

For other researchers public service differs in nothing from private services, that is for them definition of the dictionary of S.I. Ojegov, the action bringing benefit, the help to another is right. [3, p. 128]. However nevertheless, probably, it would be wrong to identify these concepts. Even in the name they can be carried out essential difference, i.e. they point to communication with the state, a possibility of their granting to the last. L.K. Tereshchenko emphasizes, public service, first of all, characterizes the subject rendering service: these are always public authorities. The author differentiates the public and public services, considering that the second term – wider according to the contents. Both the state, and non-state structures, but the main thing can render public services that unites them, is an interest of society in their performance, public interest, the social importance [1, p. 16].

From the point of view of the scientist-civilian S.K. Idrysheva, the link between the public and public services can be considered category “public interest” under which the vital condition of the individual, social group and all society based on the law and protected by the state. She warns against mixture of the concepts “public interest” and “public nature of activity of the subject” of private law with the concept “public interest” of public law and also with the term “public services” which performer is the state represented by his authorized bodies. According to her, abstract public interests don’t exist, public interests grow from set of private interests. Establishing obligatory rules of conduct for protection of set of private interests, the state

thereby also shows interest, and then public interest coincides with the state interest. [5, p. 110-111].

N.V. Kiselyova comes to a conclusion that the public service as an object of administrative law represents the expedient and demanding without fail legal regulation activity of public authority or other subject to which the right to render services on behalf of body of the state, other subject directed to achievement of advantage and consisting in granting such material and non-material benefits to the consumer, available, appropriate quality which centralized granting and safety there is a general (public) interest is delegated. [6, p. 16-17].

According to Morozova E.V., the public service takes place where in satisfaction of interest private there is a public interest. Combining personal, public and state interests, this category relies on dialectic unity of the personality, society and state. The public service is considered by her as “the purposeful activities for satisfaction of the rights and legitimate interests and also execution of some obligations of the natural or legal entity initiating it expressed in rules of law, guaranteed by the state. [7, p.9]. According to the Law of the Republic of Kazakhstan “About public services”, public service – one of the forms of realization of the separate state functions which are carried out in an individual order according to the address of uslugopoluchatel and directed to realization of their rights, freedoms and legitimate interests, granting the corresponding material or non-material benefits to them [8].

A.E. Shastitko defines public services as the individualized benefits provided by state governing bodies to citizens and the organizations, as a rule, in physical shape of services. Within empirical approach public services are called the services provided by executive authorities and their institutions at direct interaction with citizens. According to theoretical approach, public it considers services which have properties of the private benefits, but are directly accompanied by the specification and protection of the property rights of individuals. He notes that in economic sense the state provides the services which are public benefits. In legal sense of the benefit don’t get to category of services as the public contract doesn’t act as a contract form in the legal plan containing a promise with legally significant consequences at their non-performance. Definition of the list of public services – a consequence of identification of a necessary set of the state functions and allocation of excess functions, and so, and services [9, p. 155].

Thus, among the Russian scientists there were two main approaches to a concept of public services,

their ratio with public services. Representatives of the first approach identify these concepts, that is consider public services as broad category as the activity which is carried out by various subjects (public authorities, the state organizations, private legal entities, citizens). The second group of scientists proceeds from differentiation of these concepts. They connect public services only with activity of public authorities, and public services are different subjects for the benefit of all society.

The following signs of public services are given in literature:

- 1) they provide activity of valid orientation;
- 2) have an unlimited circle of the subjects using them;
- 3) are carried out or body of the state and municipal authority, or other subject;
- 4) are based both on public, and on a private property [10, p. 5].

L.K. Tereshchenko writes that the first two signs are characteristic not only for public, but also of public services, two other signs are broader, than signs of public services. The last, fourth sign, in his opinion, isn't independent and is derivative of the third sign as if public services are made by body of the state and municipal authority or other subject, then it is obvious that rendering public services can be based on any form of ownership. The first of the given signs shows existence of public interest in implementation of such activity and allows to draw a conclusion that irrespective of the fact which the subject (public authority, municipal body, the non-state organization) in each case carries out them, the public power is obliged to provide their execution. If there were no persons interested to render in the private sector a certain sort public services, or it for certain reasons not in power to the private organization, then the public, municipal authority is obliged to undertake performance of such service which social importance demands her performance. For example, garbage removal, waste, water supply, other similar public services have to be rendered irrespective of existence of interest of these or those subjects. If there is no interest, then the body of the public power is obliged to create such interest or just to undertake performance of public service. Thus, the sphere of socially significant services has to be in a zone of attention of the public power irrespective of subjects, them rendering [1, p. 17].

Mark out also other signs of public services:

- it is always the set of actions or activity directed to satisfaction of such needs of the person which are of public interest;

- existence of the certain result which doesn't have material expression, but being consumer value;
- existence of interaction with public authority;
- prevalence of public regulation of the relations arising in connection with their rendering;
- the subject, the recipient of services, the specific, certain and interested in their receiving person (or, in some cases, acting on behalf of the interested person), i.e. the individual nature of providing service [6., p. 8-14].

Actually the first of the called signs means the same context, as the first sign which is marked out by E. Talapina and Yu. Tikhomirov. The third sign, though is in the same row with the third sign of the specified authors, nevertheless isn't completely identical since in the first case it is about subjects of rendering service, and in the second case – about the nature of standard and legal regulation of the relations arising in this regard.

According to the Federal law of the Russian Federation No. 210-FZ “About the organization of providing the public and municipal services”, the public service provided by federal executive authority, body of state non-budgetary fund, executive body of the government of the territorial subject of the Russian Federation and also local government at implementation of the separate state powers delegated by federal laws and laws of territorial subjects of the Russian Federation, ... – activities for realization of functions according to federal executive authority, state non-budgetary fund, executive body of the government of the territorial subject of the Russian Federation and also local government at implementation of the separate state powers delegated by federal laws and laws of territorial subjects of the Russian Federation ... which is carried out by inquiries of applicants in the limits set by regulations of the Russian Federation and regulations of territorial subjects of the Russian Federation of powers of the bodies providing public services. [12]

Thus, it is possible to note the following characteristics of public services by the Russian legislation:

- functions on rendering public services admit only behind bodies of the state and local government, with an exception of number of their suppliers of the state and private organizations;
- the circle of public authorities is limited to executive authorities (federal and territorial subjects of the Russian Federation), state non-budgetary fund, executive body of the government;
- they are considered as activity (i.e. forms) on realization of functions of appropriate authority;

- appear at implementation of the separate state powers delegated by the law to these bodies;
- are carried out by inquiries of applicants (their list isn't concretized);
- activities for rendering public services are limited to the limits of powers of appropriate authorities set by regulations of the Russian Federation and regulations of territorial subjects of the Russian Federation.

In the Kazakhstan legislation definition of public service is given in the Law RK of November 27, 2000. About administrative procedures and in the Budgetary code of RK of December 4, 2008.

However former editions of this category suffered from shortcomings. First, it was unclear whose is activity – only public authorities and institutions, or it can be carried out also by other subjects. Secondly, it was specified that it is the activity based on the functions and powers provided by acts and decrees of the President. But functions and powers can be also established by acts of the Government, for example, the Provision on this or that ministry approved by the resolution of the supreme executive body. Thirdly, it wasn't specified that public services can be only free or paid or it is admissible both.

It isn't absolutely correct to consider public service as result of interaction of public authority, establishment, other organization which is carrying out the state order with the interested natural and legal entities. Certainly, in the course of providing service interaction between the specified subjects is carried out, but it can't be a consequence of this interaction in any way. Otherwise rendering service, her quality will be put into direct dependence on her consumers (natural and legal entities) that is absolutely inadmissible since overturns this process upside down.

After RK brought in the Budgetary code and Law of RK "About Administrative Procedures", under public service the activity of public authorities, their subordinated organizations and other natural and legal entities which is one of forms of realization of separate functions of public authorities, provided by the legislation of the Republic of Kazakhstan, directed to satisfaction of needs of natural and legal entities (except for public authorities), having individual character and carried out according to the appeal of natural and (or) legal entities admits (except for public authorities).

Public service is rendered within standards and regulations of public services according to the legislation of the Republic of Kazakhstan on a paid or free basis [13].

The fresh wording has allowed to overcome separate inaccuracies of former editions and to meet the available lacks and more fully to capture the essence of public service. At the same time remained not resolved a number of questions.

First, the concepts "public services" and "public services" are identified.

BP-second, isn't specified by realization what form specifically of functions of public authorities public services are. Actually any activity of the listed subjects which is carried out according to appeals of natural and legal entities, directed to satisfaction of their interests can be referred to public services. But whether that is, for example, delivery of permission by local executive body to holding a meeting or demonstration? Certainly, no though here it is available all those signs which are specified in definition: existence of the address from the party of public association or a group of citizens, their interest, the individual nature of decision-making from akimat.

Actually full public services aren't much. It, first of all, providing necessary information and documents, various forms of advisory and other support, the activity connected with implementation of registration, registration and control functions of the state and so forth. Thus, only an insignificant part of manifestations of functions of the state can be reduced to services, other are the obligations of the state caused by his nature and appointment. Therefore it isn't necessary to identify all forms of activity and function of public authorities, local governments, organizations subordinated to them and also transferred on a competitive basis on competitive Wednesday, with public services.

Thirdly, for today the law assumes that public services can be provided not only by public authorities and their subordinated organizations (the state organizations), but also other natural and legal entities. The private and public organizations which are carrying out the state order on rendering services on a competitive basis mean.

Rendering public services is a form of realization of functions of public authorities.

Professor Zhanuzakova L.T. notes that public service – the activity of public authorities, local governments and public institutions and the enterprises subordinated to them which is one of forms of realization of registration, registration and control, reference and other separate functions of public authorities, provided by the legislation of the Republic of Kazakhstan, directed to satisfaction of needs of natural and legal entities (except for public authorities), having individual character and carried

out according to the appeal of natural and (or) legal entities (except for public authorities) within the established standards and regulations of public services on a paid or free basis [4, p. 18].

Suppliers of public services under the law are the public authorities, local governments, their officials, the public and private institutions and the organizations which are carrying out the state order for providing a certain type of service within their competence and functional duties. However actually their list is limited only to public authorities and the state organizations.

The citizens of the Republic of Kazakhstan, foreign citizens, persons without citizenship, legal entities who have addressed directly or through the representative the supplier of public service for realization of the rights and legitimate interests or execution of the duties assigned to them by regulations act as consumers of public services.

Now for Kazakhstan the policy of open trade with the extending world markets and the accession to the World Trade Organization is especially actual for obtaining advantages of access to modern technologies. In annual Messages of the President to the people of Kazakhstan of January 17, 2014, on November 30, 2015 and of January 31, 2017 it has been indicated the need of entering of serious changes into system of public service for increase of level of public administration and quality of the provided state services. Today the Great Kazakhstan way and idea of М әң гiлiк Ате aims Kazakhstan at the solution of the global and conceptual tasks urged to give the answer to modern calls and to create prerequisites for formation of powerful and competitive economy, reliable social policy, hi-tech industrial sector [1].

In Kazakhstan certain success in reforming of public service is currently achieved, the legislative base is created, the status, the rights and duties of public servants are defined, powers of government bodies are regulated [14]. At the same time development of society, change of conditions and requirements of this day demand an assessment of opportunities of change in relationship of the state and citizens for more effective and high-quality increase of a standard of living of the population

Introduction of «the electronic Government», standards of providing the state services will allow to accelerate process of the entry of Kazakhstan in the world community, will create favorable conditions for effective development of the economic relations with the leading countries [15]. Use of experience of foreign countries in the sphere of state regulation will create prerequisites for increase of

competitiveness of domestic businessmen both on internal, and in foreign markets.

When carrying out reform in the sphere of the state services for achievement of steady results it is necessary to develop at the same time the corresponding elements of infrastructure in support of system of providing the state services. The similar infrastructure means creation of a network of the organizations and establishments facilitating process of providing the state services through carrying out researches, formation of information databases, providing consultations and training both government employees, and consumers of services. Abroad the similar organizations carry out the activity on the basis of the following principles: – maximum nearness and orientation to needs of the consumer; – professionalism in management of activity and rendering of services; – stability of results; – practical advantage of their activity. For example, in Canada the provided telephone connection centers «1-800 Canada» which provide necessary information to the population about where and when it is possible to receive a certain service work. Also «The centers of access» which render services in consultation of the beginning businessmen work. These centers are located in buildings of public institutions across all Canada. Their feature consists that besides providing consultations to businessmen they render a significant amount of the state services and work by the principle of «one window» [16].

In Poland in 2002 the Information center of public service has been created. The purpose of his creation is expansion of access for ordinary citizens and government employees to information on types of the state services, fields of activity of separate government bodies and establishments, etc. In Greece within reform of a management system «The program of quality» which provides creation of advice centers on the state services, united in a uniform information network is developed. In Hungary in one of regions the pilot project within which with the assistance of all public institutions the information center has been created has been carried out. This center has opened for citizens access to information on interaction with various public services. Further this experience will be widespread on all country. [16]

Summarizing foreign experience in the field, it is possible to tell that efficiency of the considered institutes is defined by professionalism in management of their activity, availability of the offered services and broader coverage of potential consumers of the state services.

Use of new information and communication technologies will allow to expand access for consumers to the state services and information on them.

In Australia in 1997 the law «About Rendering of Services Agencies in the Commonwealth» has been adopted. According to this law, the public institution of «Centrelink» has been the same year created. It provides state services from a name and in partnership with 25 federal ministries and the state agencies by means of worldwide network the Internet, the provided telephone connection centers for customer service and at usual offices. Information on the website is provided in 56 languages. «Centrelink» provides services of the Ministries of Labour, transport, the ministries of affairs of veterans, health care, science and education, agriculture, foreign affairs and trade, communications, information technologies and arts and many others. At the same time the payment for services can be made by wire transfers, checks etc. In 2002 this body has served 700 000 disabled people, 500 000 young people, including students, 1,1 million unemployed, 2 million pensioners, 1,8 million families. 24 000 employees are involved in this body. Other example in the sphere of rendering of services on the basis of use of information and communication technologies is the Canberra-Connect project by means of which services of all state institutions are provided to the population of the capital. In May, 2003 «Canberra-Connect» provided 132 types of service at usual offices, 77 – on the Internet and 62 – through the provided telephone connection centers. By means of the website of this organization in on-line mode such services as registration of the enterprise, registration of the car, payment for utilities, job search, services of health care, etc. are provided [16].

In Germany the program of the electronic government «by BundOnline – 2005» is developed. Rendering of services by administrative bodies of the state will be improved by use of information technologies. In the federal government already 170 types of service appear with use of the Internet. The special attention at the same time is paid to simplification of procedures of registration of the enterprises of small and medium business. [16]

Process of improvement of providing the state services is closely connected with use in practice of the principle of «feedback» with the consumer of services. Monitoring of an assessment of quality of the provided services and studying of expectations of consumers is carried out to the USA within the national program «The First Priority — Clients». Along with it regular surveys among public servants who directly contact to the population in the

course of rendering of services, for the purpose of identification of shortcomings and collecting offers for achievement of level of the quality standards of the services provided by the private sector are conducted. [16]

In Australia on the Canberra-Connect website forms which persons interested to offer ways of improvement of granting each separately taken type of service can fill are also exposed. Use in practice of the principle of «feedback» with the consumer is the checked and effective method of studying of a current state in the field of rendering of services and formation of strategy of further improvement of the state services taking into account requirements and expectations of consumers. [4]

Characteristic feature of reforming of system of providing the state services in the considered countries is duration of this process. For example, the Charters of Services system initiated in Great Britain in 1991 has been calculated on 10 years, but improvement of separate components of this system continues and until now. The First Priority — Clients program adopted in the USA in 1993 also proceeds still. Since the beginning of the 1980th Malaysia has begun reforms in the field of the state services. Reforms in this sphere continue also at the present stage of development of the state, and the measures undertaken in this area are included in 5-year development plans and the strategic plan «Prospect – 2020» [17].

In Kazakhstan the main task, in our opinion, is change of mentality of government employees of all levels who have to acquire that their task – not to order and order, and to render services to the main consumer – the population at the expense of which all state machinery contains. Introduction of «the electronic Government» is also accompanied by such problems as mass computer illiteracy. By estimates of experts, 58,8% of Kazakhstan citizens aren't able to use the computer, insufficient knowledge of citizens etc. is everywhere observed [18]

The main thing that we have, is a political will of the Head of state who pays to administrative reform huge attention. The essence of a new stage of administrative reform in Kazakhstan is reduced to a short formula – from administration to management. The requirement of efficiency and quality of providing the state services has to become the central point of policy of public service.

Now the Ministry of the Republic of Kazakhstan for public service carries out the analysis of the services provided by government bodies at the central and local levels. Results of the analysis and offer on further improvement of process of providing the

state services in Kazakhstan will be presented to the appropriate government bodies for definition of further measures in this area. [19]

Improvement of quality of providing the state services will demand also improvement of quality of personnel of public sector. To public servants higher will be shown, than earlier, requirements, in the future will become obligatory knowledge of English or other foreign language, ability to use the computer. Introduction of standards of providing the

state services, focus of activity of a state machinery on consumers clients of services will demand also ability to work at better level in direct contact with the population. Now these conditions begin to be entered into the qualification requirements imposed to public servants. Evaluation of the work of personnel of public service, training of public servants – all these events are already held, and further these processes will be oriented on better service of citizens.

References

- 1 Tereshchenko L.K. (2004) Services: state, public, social // Magazine of Russian law. – No. 1. – P. 15.
- 2 Danilin A. (2004) Electronic public services and administrative regulations. – M: Infra-M. – P. 24.
- 3 Ojegov S.I. (1960) Dictionary of Russian. – M., 1960. – P. 128.
- 4 Zhanuzakova L.T. Problems of definition of the concept «public service». The collection of materials of the republican scientific and practical conference «Constitutionalism and Problems of Ensuring Information Security in the Republic of Kazakhstan» devoted to the 90 anniversary of the doctor of jurisprudence, professor Kym V. A. – On January 25, 2013 – Almaty: Print-Master, 2013. – P. 9-12.
- 5 Idrysheva S.K. (2010) The public contract in civil law of the Republic of Kazakhstan. – Astana: GU «Institute of the Legislation of RK». – P. 110-111.
- 6 Kiselyova, N. V. (2008) Administrative and legal regulation of public services in the sphere of environmental management: Current state and prospects of development: Avtoref. yew ... edging. юрид. sciences. – Voronezh. – P. 16-17
- 7 Morozova E.V. Public services: teoretiko-legal aspect: Avtoref. yew ... edging. юрид. sciences. – Mytishchi, 2009. – P. 8, 9.
- 8 The law of the Republic of Kazakhstan «About public services» of April 15, 2013 No. 88-V ZRK. – www.zakon.kz.
- 9 Shastitko A.E. Organizational framework of providing public services//Questions of economy. – 2004. – No. 7. – P. 155
- 10 Talapina E., Tikhomirov Yu. Public functions in economy//the Right and economy.–2002. – N 6. – P. 5.
- 11 Administrative reform in Russia. Scientific and practical grant. / Under S.E. Naryshkin, T.Ya. Habriyeva's edition. – M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2006. – P. 55.
- 12 Constitution of the Republic of Kazakhstan. It is accepted on August 30, 1995 on a republican referendum. With changes and additions made by Laws RK of October 7, 1998 of May 21, 2007 and of February 2, 2011 – Almaty, 2011.
- 13 The message of the President of the Republic of Kazakhstan – the Leader of the nation Nursultan Nazarbayev to the people of Kazakhstan «The third modernization of Kazakhstan: global competitiveness». – 1/31/2017. – Astana, Akorda, 2017. – akorda.kz.
- 14 Law of the Republic of Kazakhstan of November 23, 2015 No. 453-I. «About public service».
- 15 Kaparov of C. Standards of providing public services – a new stage of administrative reform in Kazakhstan. / Analytic No. 2-2007 magazine. – 19 p.
- 16 International Public Administration Reform: Implications for Russian Federation, Nick Manning and Neil Parison, World Bank, February 2003.
- 17 Chirkin V.E. (2001) Public administration. Elementary course. – M.: Lawyer. – 320 p.
- 18 Duysenov E.E. Public service of Kazakhstan and Kyrgyzstan (legal regulation). – Osh, 2001. – 244 p.
- 19 Turisbekov Z.K., Kaparov S. G. (2002) Management of public service in the Republic of Kazakhstan. – Yekaterinburg. – 160 p.

Dossayeva A.A.

Doctoral student Al-Farabi Kazakh National University, department of theory and history of state and law, constitutional and administrative law, Almaty, Kazakhstan, e-mail: aizhantem08@mail.ru

SOME HISTORICAL ASPECTS OF THE ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF THE CONSTITUTIONAL CONTROL INSTITUTION

The article is devoted to the history and the contemporary situation as well as the constitutional and legal consolidation of the principle of constitutionality of laws and other normative acts. The topicality of the article is, first of all, due to the fact that the history of the emergence and development of constitutional control in science remains controversial.

Conclusions on the origin of the idea of constitutional control in the historical aspect and its emergence are based on the scientific works of L.G. Malskaya, Kh.A. Abisheva, S.B. Bobotova, D.M. Baymakhanova and others.

The article considers Hans Kelsen's concept "about three postulates", which is still topical in our time. By analyzing them, the researcher comes to the conclusion that these three postulates underlie the organization and activity of the continental model of constitutional control bodies.

The author analyzes views on the history of the formation of constitutional control in the Soviet Union and in the Republic of Kazakhstan. Both Russian and Kazakh scientists' researches are taken as a basis for the six stages.

Key words: Constitution, Hans Kelsen, constitutional control, stage of development.

Досаева А.А.

PhD докторанты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: aizhantem08@mail.ru

Конституциялық бақылау институтының қалыптасуы мен дамуының кейбір тарихи аспектілері

Бұл мақала заңдар мен басқа да нормативтік актілердің конституциялығы қағидаттарының тарихы мен заманауи жағдайына, сонымен қатар оның конституциялық-құқықтық бекітілуіне арналады. Мақаланың өзектілігі ең алдымен, конституциялық бақылаудың пайда болу тарихы мен дамуы ғылымда дау тудыратынымен байланысты.

Конституциялық бақылау идеясының тарихи аспектідегі пайда болуы туралы қорытындылар Л.Г. Мальская, Х.А. Абишев, С.Б. Боботов, Д.М. Баймаханова және т.б. ғылыми еңбектеріне негізделеді.

Мақалада бүгінгі күні әлі де өзекті болып табылатын Ханс Кельзеннің «үш постулаттар» туралы тұжырымдамасы қарастырылады. Автор оларды талдай отырып, дәл осы постулаттар конституциялық бақылау органдарының континенталдық модельдерін ұйымдастыру қызметінің негізінде жатады деген қорытындыға келеді.

Автор Кеңес Одағы мен Қазақстан Республикасындағы конституциялық бақылаудың қалыптасу тарихы бойынша пікірлерге талдау жасады. Алты кезеңнің негізі ретінде ресейлік және қазақстандық ғалымдардың зерттеулері алынды.

Түйін сөздер: Конституция, Ханс Келсен, конституциялық бақылау, даму сатылары.

Досаева А.А.

докторант PhD, Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: aizhantem08@mail.ru

Некоторые исторические аспекты становления и развития института конституционного контроля

Публикация посвящена истории и современному состоянию, конституционно-правовому закреплению принципа конституционности законов и иных нормативных актов. Актуальность статьи, прежде всего, связана с тем, что история возникновения и развития конституционного контроля в науке остается спорной.

Выводы о зарождении в историческом аспекте идеи конституционного контроля и его появлении базируются на научных трудах Л.Г. Мальской, Х.А. Абишева, С.Б. Боботова, Д.М. Баймахановой и др.

В статье рассматривается концепция Ганса Кельзена «О трех постулатах», которая не потеряло своей значимости и в наше время. Анализируя их, исследователь приходит к выводу, что именно эти три постулата лежат в основе организации и деятельности континентальной модели органов конституционного контроля.

Автором проведен анализ взглядов по истории становления конституционного контроля в СССР и в Республике Казахстан. За основу шести этапов взяты исследования как российских, так и казахстанских ученых.

Ключевые слова: Конституция, Ганс Кельзен, конституционный контроль, этапы развития.

The history of the emergence and development of all elements of the constitutional control practice requires comprehensive study. It is a controversial issue in science – when did this institution start its development.

Malskaya L.G. believes that «The idea of constitutionalism enshrined the fundamental legal basis, the axioms of law, which the court should bear in mind when taking a decision *contra legem* (Lat. «against the law»). Such first precedent dates back to 1610, when Judge Sir Edward Coke, referring to the principles of common law, recognized the law passed by the British Parliament as invalid. By summarizing, Judge Coke, in particular, stated: «It follows from our books that in many cases the common law forces us to correct the laws (acts of Parliament), and sometimes we have to recognize them as completely invalid. For if the law contradicts the right and reason, then the common law and law come into force, it is recognized as invalid» [1].

This precedent is one of the first judicial decisions that marked the emergence of the constitutional control signs. The same point of view is held by Abishev Kh., he noted that the precedent created by Judge Coke is a part of the legal direction of early constitutionalism, which continuation is the American model of constitutional jurisdiction [2].

Most academic constitutionalists believe that the idea of constitutional control appeared in the beginning of the XVII century in the UK and was connected with the activities of the Privy Council, which recognized the laws of the legislative

assemblies of the colonies as invalid if they contradicted the laws of the English Parliament issued for these colonies or common law» [3].

After World War I, Europe developed its own model of constitutional control, which nowadays began to spread to other continents, in particular, the territory of the former Soviet Union. In any case, it was perceived by all or almost all post-*socialist* countries. The idea of the European model belongs to the Austrian lawyer Hans Kelsen, a participant of the development of the Austrian Federal Constitutional Law, 1920, and then to a member of the Constitutional Court of Austria [3].

The concept of Hans Kelsen has become firmly established in practice and still remains topical. Kelsen noted that the establishment of the so-called Constitutional Tribunal, aimed to control the constitutionality of laws, fully corresponds to the theory of separation of powers, and as the judgment he put forward three postulates:

Since the Constitution should be revered as a fundamental norm, it should be provided, perhaps, with a higher degree of stability by creating a difficult procedure for its revision. The Constitution concept should be interpreted in a broad sense, as “modern constitutions contain not only rules concerning bodies and procedure of legislation, but also a list of basic human rights and individual freedoms ... therefore the Constitution is not only a combination of basic procedural rules, but also the core of the material law”; [4]

The guarantee of the effectiveness of the Constitution should be based primarily on the

possibility of unimpeded cancellation of acts that contradict it;

But always “it is impossible to trust the cancellation of illegal acts to the very body that adopted them” [4].

These postulates underlie the organization and activity of the so-called continental, or European, or Austrian model of the constitutional control body. According to this model, the constitutional control institution is organized and operates in most European countries, including the former Soviet space, as well as in many other countries of the world. As noted by the well-known Russian constitutionalist Bobotov S.V.: “At the present time, most states that have adopted Kelsen model of constitutional control believe that constitutional litigation is within the three branches of power, because it rises above them due to the peculiarities of its functions aimed at ensuring the balance of power and their strict observance of constitutional norms and general principles of law. It is not by chance that one of the most promising areas in the activity of the constitutional control bodies is the interpretation of the Constitution and organic laws” [5]. In accordance with the concept of Hans Kelsen, unlike the American model of constitutional control, the European model is represented by a specialized judicial or quasi-judicial body.

Quasi-judicial bodies protecting constitution, relating to the European or Austrian model, are formed in France and in Kazakhstan.

The question arises: why did Kazakhstan turn to the European or Austrian model of constitutional control? And what was the need and specificity of the constitutional and legal consolidation of the principle of the constitutionality of laws? Before attempting to answer the indicated questions, it seems necessary to revise the history of the formation and development of the constitutional control body in our country and to uncover the factors underlying the current model of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan.

According to Kazakhstani researcher Baymakhanova D.M., “Formation and development of the constitutional control body in the Republic of Kazakhstan took a rather long period. Since Kazakhstan has been part of the Soviet Union for many years, this issue cannot be considered only from late 1991’s, in other words, from the moment of independence of the Republic of Kazakhstan. All these processes in the Union members and at the level of the Union have been interconnected, and it is impossible to separate the ideas of the development of constitutional supervision in our republic from

the development of this idea in other republics and in the Union» [6].

Let us consider the stages in the development of constitutional control bodies in the Soviet Union and in the Republic of Kazakhstan.

Different authors in their studies make attempts to develop the gradation of this process. One of the first researchers was Ovsepyan Zh.I., who singled out the main stages.

I stage – (mid 20’s – early 30’s). In the first years of the formation of the Soviet Union the highest judicial body – the Supreme Court was in some way attached to the procedure of constitutional control, which was provided in accordance with Art. 30, 43 (paragraph 6) of the Constitution of the USSR in 1924 and Art. 2 Lit. A Provision on the Supreme Court, published in the development of Art. 43 of the Constitution. Officially, the function of constitutional control was assigned to 2 bodies: the Presidium of the Central Executive Committee of the USSR and the Supreme Court of the Union “as an auxiliary body of the Presidium of the CEC”, which was some kind of consultant to the Presidium of the CEC on the constitutionality of laws. But the historical practice of the Supreme Court of the USSR, which took place in 1920’s and early 1930’s, as the supreme judicial body of general competence vested with the functions of constitutional and control activity and which was part of the representative system, soon became ineffective and the function of constitutional control in the activities of the Supreme Court was virtually nullified from early 1930’s [7].

II stage – (mid 30’s – early 80’s). This period is characterized by the absence of “Soviet” judicial and quasi-judicial constitutional control, and foreign experience was successfully criticized as allegedly anti-democratic. But during this period, the Soviet Constitutions of 1936 and 1977 stipulated that control over compliance with the Constitution of the USSR and ensuring compliance of the Constitutions of the Union republics with the Constitution of the USSR belongs to the jurisdiction of “its supreme bodies of state power and administration” (paragraph “g”, Art. 14 of the Constitution 1936, paragraph 11 of Art. 73 of the Constitution 1977). In addition, in the last Constitution of the USSR 1977, similar functions on the verification of constitutionality and legality, were assigned to the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR – the permanent body of the Supreme Council, which exercised the functions of the supreme state body power (paragraph 4 of Art. 121 of the Constitution of the USSR 1977). But in practice these constitutional norms were ineffective [7].

III stage – (mid 80’s – until the collapse of the USSR in 1991). From early 1980’s, we can speak of a gradual transition to a normal, although not yet free from narrow-class approaches, development of the institution of foreign judicial constitutional control, a reassessment of its experience from the perspective of a new political thinking. Special literature proves the enormous importance of the constitutional control institution for the effective and stable functioning of free democratic regimes. During this period, some Soviet authors began to justify the proposal to establish a specialized body of constitutional control in the USSR – either as an organic part of the Supreme Council, or as a judicial or quasi-judicial body. Such body was created at the level of the Union in 1990 – the Committee for Constitutional Supervision of the USSR (its Chairman was Alekseyev S.S.). This body worked relatively actively, it adopted several specific cases on the compliance of certain normative acts with the Constitution [7].

Kazakhstan also envisaged the formation of a similar body of constitutional supervision – the Committee for Constitutional Supervision of KazSSR on the basis of the adopted Law of the KazSSR dated September 22, 1989 “On Amendments and Additions to the Constitution of the KazSSR 1978”. However, this body was never created. “The high intentions of the Constitution remained only formally. The creation of the Committee was hampered by various reasons, including the unpreparedness of the party bureaucratic power structure for new political and legal transformations, recognition of the priority of law” [8].

Baymakhanova D.M. continued the process of staging, which contains the following stages.

IV stage – (late 1991’s – mid 1995’s). This stage corresponds directly to the development of our republican constitutional supervision. The process of formation and development of the sovereignty of the Republic of Kazakhstan put forward the task of organizing constitutional control in Kazakhstan among other tasks of strengthening statehood [9].

V stage – (August 1995 – March 2017).

This stage appeared due to the adoption and implementation of the new Constitution of the Republic of Kazakhstan in 1995. According to the Constitution, a new body of constitutional control – the Constitutional Council was established. The adoption of the Constitution in 1995 determined of institutions of the political system and civil society in the country.

Reasons for reforming the constitutional control body have been studied in the works of Kazakhstani

government scientists from different perspectives. For example, Sartayev S.S. and Nazarkulova L.T. noted: “Stability of state institutions is especially important when finding a Kazakh society at the initial stage of democratization. Therefore, the establishment of a body of constitutional justice that exercises subsequent control over the constitutionality of laws and elections, some believed, is fraught with negative consequences and it threatens the political stability” [9]. Continuing this idea, the authors of the monographic study *Constitutional control in Kazakhstan* stressed that for “the transit societies the French model of constitutional justice is more acceptable – it is the Constitutional Council exercising preliminary control over observing the norms of the Constitution, which does not have the right to initiate cases independently and does not consider definite litigation” [8]. In our opinion, these reasons can be called external causes.

The internal causes were analyzed by Baymakhanova D.M. She noted that the reason for the transformation of the Court into the Council can be formulated as follows: improvement, search for the effective model of the body of constitutional control. What do we mean by searching for the effective model of this body?

a) **simplification and democratization of the order of formation of this body;**

б) clarification of its competence, in some areas it has been substantially expanded, and in some areas have been severely narrowed;

в) **simplification of the procedure for considering specific cases** [6].

Developing the provisions of the Constitution of the Republic of Kazakhstan 1995, the Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan dated December 29, 1995 No. 2737 “On the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan” was adopted.

Stage VI – (March 2017 – to the present days). This stage corresponds to the constitutional reform on the redistribution of powers between the branches of power dated March 2017, which was initiated by the President of the Republic of Kazakhstan in his Address. “The essence of the proposed reform is a serious redistribution of power, democratization of the political system as a whole. In the new conditions, the priorities for the President will be strategic functions, the role of the supreme arbiter in relations between the branches of power. The Head of state will also be focused on foreign policy, national security and the country’s defense capability. At the same time, the role of the Government and Parliament will significantly increase” [10].

After the popular discussion of the draft Law of the Republic of Kazakhstan “On Amendments and Additions to the Constitution of the Republic of Kazakhstan”, the amendments were adopted. There was a redistribution of powers between the bodies of state power of the Republic of Kazakhstan – the President, Parliament, Government, etc.

Amendments were introduced in a number of norms of the Constitution of the Republic of Kazakhstan 1995. Amendments relating to the powers of the Constitutional Council are included in Art. 44 and 91. The Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan “On Amendments and Additions to Certain Constitutional Laws of the Republic of Kazakhstan” No. 75-VI dated June 15, 2017 introduced the corresponding amendments to the Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan “On the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan”.

In the process of nationwide discussion, these provisions, among other amendments to the Constitution, were the subject of discussion among the scientific community. Thus, the Chairman of the Constitutional Council of the Republic of

Kazakhstan, Professor Rogov I.I. noted that the President of the Republic is proposed to give powers to the protection of human and civil rights and freedoms, to ensure national security, the sovereignty and integrity of the state, to send appeals to the Constitutional Council on consideration of an enacted law or other legal act, including governmental to compliance with the Constitution [11]. In turn, a member of the Constitutional Council, Professor Malinovsky V.A. stressed that the President has the right to initiate consideration of the current legal acts in the Constitutional Council in the cases defined by the Constitution. A body of constitutional control is entrusted to give an opinion on the amendments to the constitution for compliance with the requirements specified in paragraph 2 of Art. 91 of the Basic Law [12].

As a result of the reform, the status of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan was strengthened through the expansion of the objects of constitutional control, which strengthens the principle of constitutionality of laws and other normative acts.

References

- 1 Malskaya L. G. Constitutionalism and justice. // Proceedings of the international scientific and practical conference. – Tiraspol, 2004. – P. 206
- 2 The constitutional control in Kazakhstan: Monograph. – Almaty: Murager, 2005. – P. 17.
- 3 Constitutional (state) law of foreign countries. General part / Ed. ed. by B. A. Strashun. – M.: BEK, 1996. Vol. 1-2. – 757 p.
- 4 Kelsen H. General Theory of Law and State, 1 ed., – Cambridge, Mas., Harvard U. 1945.
- 5 S. V. Bobotov. Constitutional law (Comparative analysis). – M.: Russian law Academy of the Ministry of justice. – Publishing house IPB “EAV”. – 1994. – 127 p. p. 59
- 6 Problems of human rights in the system of constitutionalism in the Republic of Kazakhstan: monograph. – Almaty: Rarity, 2010.
- 7 J. I. Hovsepyan. Legal protection of the Constitution. Judicial constitutional control in foreign countries. – Rostov-on-don: Publishing house “Litera D”, 1992. – 320 p.
- 8 The constitutional control in Kazakhstan: Monograph. – Almaty: Murager, 2005. – 232 p. p. 36
- 9 S. S. Sartayev, L. T. Nazarkulova. Formation of the Constitution of the Republic of Kazakhstan: problems and prospects. – Almaty, 2002. – P. 97.
- 10 Nazarbayev N. Ah. Address of the President of the Republic of Kazakhstan on redistribution of powers between branches of government // Kazakhstanskaya Pravda. – 2017. – 26 January, No. 17 (28396).
- 11 Rogov I.I. Comments to the draft amendments to the Constitution of the Republic of Kazakhstan // Kazakhstanskaya Pravda. – 2017 January 27. – No. 18 (28397).
- 12 Malinovsky V.A. State power: the dynamics of sustainable development // Kazakhstan Pravda. – 2017 13 February. – No. 30 (28409)

3-бөлім
**АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ
ЕҢБЕК ҚҰҚЫҒЫ**

Раздел 3
**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
И ТРУДОВОЕ ПРАВО**

Section 3
**CIVIL LAW
AND LABOUR LAW**

Абайдельдинов Т.М.¹, Муксинова А.Т.²

¹к.ю.н., доцент, e-mail: tleuhabyl@mail.ru

²ст. преподаватель, e-mail: akku-80@mail.ru

кафедра гражданского права и гражданского процесса, трудового права,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВА
СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**

В статье подробно раскрывается вопрос определения права социального обеспечения в Республике Казахстан, с помощью диалектического, сравнительно-правового и иных методов исследуются понятия социальной защиты, социального обеспечения, социального государства в контексте социального партнерства. Основная цель исследования заключается в освещении проблем определения права социального обеспечения Республики Казахстан в условиях формирования правового механизма социального партнерства. Научная и практическая значимость работы заключается в актуальности исследуемой тематики, т.к. с появлением понятия «социальная защита», и его активное использование в рамках теорий создания «социального общества» в качестве заменяющей категории терминам «социальное обеспечение» и т.п., послужив основанием тому, что в издаваемой сегодня учебной, учебно-методической, монографической литературе, в том числе по праву социального обеспечения, как правило, присутствует раздел «социальная защита». Именно данное положение и послужило основанием для рассмотрения нами этого вопроса в рамках проводимого исследования. Соглашаясь с большинством позиций, мы, тем не менее, считаем, что спектр социальной защиты несколько шире, обозначенного в исследуемых работах. Таким образом, с нашей точки зрения, правовой институт «материальное обеспечение» является одним из важных направлений социальной защиты граждан и включает как государственное материальное обеспечение, так и накопительные, страховые его модели.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальная защита, социальное партнерство, трудовое право.

Abaideldinov T.M.¹, Muxinova A.T.²

¹candidate of jurisprudence, associate professor, e-mail: tleuhabyl@mail.ru

²senior teacher, e-mail: akku-80@mail.ru

department of civil law and civil procedure, labor law,
Kazakh National University al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

Some questions of social security right definition in the Republic of Kazakhstan

In article the question of definition of the right of social security in the Republic of Kazakhstan, by means of dialectic in detail reveals, comparative and legal and other methods concepts of social protection, social security, the social state in the context of social partnership are investigated. The main objective of a research consists in illumination of problems of definition of the right of social security of the Republic of Kazakhstan in the conditions of formation of a legal mechanism of social partnership. The scientific and practical importance of work consists in relevance of the studied subject since with the advent of the concept "social protection", and his active use within theories of creation of "social society" as the replacing category to the terms "social security", etc. having formed the basis to the fact that in published today educational, study – methodical, monographic literature, including by the right of social security, as a rule, there is a section "social protection". This situation has also formed the basis for consideration of this question by us within the conducted research. Agreeing with the majority of positions, we, nevertheless, consider that the range of social protection is slightly wider, designated in the studied works. Thus, from our point of view, the legal institute "material security" is one of the important

directions of social protection of citizens and includes both the state material security, and accumulative, his insurance models.

Key words: social security, social protection, social partnership, labor law.

Абайдельдинов Т.М.¹, Муксинова А.Т.²

¹з.ғ.к., доцент, e-mail: tleuhabyl@mail.ru

²аға оқытушы, e-mail: akku-80@mail.ru

азаматтық құқық және азаматтық процесс, еңбек құқығы кафедрасы,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Қазақстан Республикасының әлеуметтік қамсыздандыру құқығын анықтаудың кейбір сұрақтары

Қазақстан Республикасында әлеуметтік қамсыздандыру құқығын айқындау және өзге де әдістер көмегімен салыстырмалы түрде құқықтық механизмдегі сан жетпейтін көп мәселені егжей-тегжейлі сараптайды, әлеуметтік қорғау, әлеуметтік қамсыздандыру, әлеуметтік мемлекеттің әлеуметтік әріптестік тұрғысында ұғымдар зерттеледі. Әлеуметтік әріптестік тетігін қалыптастыру проблемаларын зерттеудің негізгі мақсаты әлеуметтік қамсыздандыру құқығын айқындау жағдайында Қазақстан Республикасы құқықтық механизмі болып табылады. Ғылыми және практикалық маңыздылығы зерттелетін тақырыптың өзектілігінің пайда болуы мен белсенді пайдалану болып табылады, өйткені жұмыс «ұғымын әлеуметтік қорғау» және «оның шеңберінде әлеуметтік қамсыздандыру» және т.б. қызмет етіп, бұл теориялар «құру әлеуметтік қоғам ретінде» оқу, оқу – әдістемелік, бүгін сол санаттағы алмастыратын терминдердің негіз шығарылған, оның ішінде, әдетте, әдебиет монографической қатысса, әлеуметтік қамсыздандыру құқығы бойынша бөлім «әлеуметтік қорғау». Дәл осы Ереже шеңберінде және осы мәселені қарау үшін негіз болған біз өткізіліп отырған зерттеу. Ұстанымдарды келісе отырып, біз басым болады, дегенмен, әлеуметтік қорғау деп есептейміз кең ауқымын белгіленген бірнеше зерттелетін көзделеді. Осылайша, біздің тұрғыдан алғанда, мемлекеттік материалдық қамтамасыз ету, сондай-ақ азаматтарды әлеуметтік қорғаудың құқықтық институт ретінде маңызды бағыттарының бірі болып табылады және ол «материалдық қамтамасыз ету» жинақтаушы, сақтандыру оның модельдері.

Түйін сөздер: әлеуметтік қамсыздандыру, әлеуметтік қорғау, әлеуметтік әріптестік, еңбек құқығы.

В последнее время в правовой лексике все чаще встречается понятие «социальная защита». Появившись как фразеологическая, лексическая, филологическая категория, данное выражение стало наполняться серьезным понятийным содержанием, перейдя в разряд научной теории социальной защиты. Наиболее активно используется данный термин в сфере экономики, политики и международных отношений, в том числе в рамках теорий создания «социального государства», «социального общества». Однако, настораживающей тенденцией сегодняшнего дня, как мы думаем, является тот факт, что все чаще данное понятие, именно в рамках названных сфер, подменяет правовые категории «социальное обеспечение», «социальное страхование», «материальное обеспечение». Это, с нашей точки зрения, послужило основанием тому, что в издаваемой сегодня учебной, учебно-методической, монографической литературе, в том числе по праву социального обеспечения, как правило, присутствует раздел «социальная защита». Именно данное положение и послужи-

ло основанием для рассмотрения нами этого вопроса в рамках проводимого исследования. Научный анализ мы бы начали с учебника «Право социального обеспечения», подготовленного доктором юридических наук М.О. Буяновой и кандидатами юридических наук С.И. Кобзевой и З.А. Кондратьевой. Они пишут о том, что «именно по состоянию социальной защищенности и социального обслуживания личности в обществе можно судить о его моральной стороне. В широком смысле под социальной защитой понимается забота о себе, создание условий для жизнедеятельности и духовного развития, т.е. человек как бы социально «самообслуживается». В данном значении социальная защита практически совпадает с разветвленной системой гарантий прав человека. Что касается социальной защиты в узком смысле слова, то имеется в виду конкретная социальная политика государства, стремящаяся правовыми методами обеспечить удовлетворительное или хотя бы безбедное существование тем группам населения, которые находятся в особо сложном материальном по-

ложении и не способны без внешней поддержки улучшить его». Далее авторы делают заключение, что «во-первых, социальная защита и социальное обеспечение – все же разные категории, и, во-вторых, социальная защита может иметь своим объектом и общественные отношения, не связанные с социальным обеспечением» [1]. Ни сколько не сомневаясь в том, что анализируемые нами правовые категории являются самостоятельными и тесно связаны с моралью, мы, тем не менее, не согласны с некоторыми выводами авторов данного утверждения и их аргументами. Прежде всего, совершенно не верно, с нашей точки зрения, произведена градация понятия социальной защиты в широком и узком смысле. Как мы полагаем, понятийный аппарат, трактуемый в широком смысле, должен содержать максимально возможное количество смысловых, понятийных и других компонентов, связанных между собой, взаимозависимых и взаимодополняющих друг друга, но, тем не менее, самостоятельных или относительно самостоятельных. Именно поэтому понятие социальной защиты в широком смысле, ни при каких условиях, нельзя сводить исключительно к институту «самообслуживания», заботы о себе, то есть «самозащиты». Следует отметить, что российские ученые-правоведы сегодня уделяют большое внимание правовому институту «самозащиты». Объясняется это, как мы думаем, его официальной правовой фиксацией в новом Трудовом Кодексе Российской Федерации. В частности, глава 59 данного законодательного акта регламентирует вопросы самозащиты работниками своих трудовых прав. Это совершенно новый способ защиты, воплощенный в нормах кодекса в целях реализации ч. 2 ст. 45 Конституции России и ч. 1 ст. 21 Российского Трудового Кодекса, устанавливающих, что работник имеет право на защиту своих трудовых прав, свобод и законных интересов всеми не запрещенными способами. Однако, это лишь дополнительная форма защиты. Она не лишает прав граждан на использование иных, предусмотренных способов защиты своих законных прав и интересов, не влияет на возникшие правоотношения. Что касается самообслуживания, то вряд ли на данном приоритете следует фиксировать понятие социальной защиты или сводить социальную защиту к личностным, индивидуальным способностям и возможностям собственного обслуживания. Мы не склонны выделять данный критерий ни для определения понятия в широком смысле, ни в узком, полагая, что это лишь незначительное направление системы социальной

защиты – социальная самозащита, включающая и самообслуживание. С нашей точки зрения, институт социальной самозащиты, социального самообслуживания следует связывать, прежде всего, с современными накопительными моделями материального обеспечения, введенными в законодательство Республики Казахстан с первого января 1998 года, а в Российской Федерации с первого января 2000 года. Однако, учитывая кардинальные, принципиальные отличия российской и казахстанской накопительных моделей материального обеспечения, особенности формирования пенсионных накоплений, движения денежных средств, хранения, инвестирования, правового статуса пенсионных накоплений (активов), вкладчиков и получателей и др., можно уверенно констатировать, что уровень и степень самообслуживания и самообеспечения в данных государствах будут различны. Спектр изучаемой нами проблемы ограничен рамками государственного материального обеспечения. Накопительные модели материального обеспечения, самообеспечения, самообслуживания выходят за рамки нашего научного исследования. Однако, в целях аналитического комментария мы считаем возможным сделать заключение о том, что институт самообслуживания, о котором ведут речь названные российские ученые, в Казахстане представлен более широким и разнообразным классификационным спектром.

Что касается узкого понимания, то, и в данном случае, мы также не можем согласиться с авторами. Полагаем, что социальная политика государства во всем своем многообразии, а не только в рамках правовых мер в части обеспечения «удовлетворительного или хотя бы безбедного существования» и только лиц, находящихся в сложном материальном положении или не способных улучшить его, является предметом социальной защиты. Социальная защита в рамках социальной политики государства, включающей и накопительную систему обеспечения, представляет собой понятие в широком плане, а не в узком, как указывают авторы. Социальную защиту нельзя сводить к элементам удовлетворительного или хотя бы безбедного существования. Не верно, с нашей точки зрения, определен и субъектный состав, он не может быть ограничен лишь рамками материального благосостояния личности. Система социальной защиты охватывает все направления социальной политики: образование, занятость, жилищное, семейное, законодательство, социальное обеспечение и социальное страхование и др. Именно поэто-

му социальное обеспечение вообще и институт материального обеспечения, в частности, представляют собой лишь одно из направлений социальной защиты и ни при каких условиях не могут использоваться в качестве его альтернативы.

Значительный интерес в части определения соотношения институтов социального обеспечения и социальной защиты представляет работа Антропова В.В. Он также подчеркивает факт замены термина «социальное обеспечение» на «социальную защиту» как в современных научных источниках, так и в рамках международного права. На примере первых законодательных актов, таких как Закон США о социальной защите 1935 года, принятый в рамках политики Рузвельта Ф.Д., и нормы международного права, он делает вывод о том, что под системой социальной защиты следует понимать совокупность институтов и мероприятий, направленных на защиту индивидов и социальных групп от социальных рисков, которые могут привести к полной или частичной потере экономической самостоятельности и социального благополучия. К системе социальных рисков он относит временную или длительную нетрудоспособность, несчастный случай, старость, безработицу, неплановые расходы в случае болезни, материнства, потери кормильца, и др.

Анализ научных работ Юдина В.П., Бабича, А.М., Егорова Е.Н., Жильцова Е.Н., Сулейманова Г.В. представил еще один аспект социальной защиты. Ими выделяются критерии классификации понятийного аппарата:

- государственное обеспечение развития личности и малообеспеченных групп населения;
- система гарантий, обеспечивающих соблюдение важнейших прав человека на достойный уровень жизни;
- социальное обеспечение и социальное страхование.

Авторы выделяют принципы, этапы формирования, институты социальной защиты, другие важные аспекты.

Соглашаясь с большинством позиций, мы, тем не менее, считаем, что спектр социальной защиты несколько шире обозначенного в монографической работе. Таким образом, с нашей точки зрения, правовой институт «материальное обеспечение» является одним из важных направлений социальной защиты граждан и включает как государственное материальное обеспечение, так и накопительные, страховые его модели.

Социальная защита – это система мер, направленных на соблюдение прав человека, удов-

летворение его социальных потребностей. К таким мерам относятся система решения проблем безработицы, установление минимального уровня оплаты труда, пенсий, стипендий, выплата пособий различных видов пособий, социальное страхование, иные виды и направления социальной помощи. Все данные направления можно классифицировать по критерию материального обеспечения и социального обслуживания.

Первое направление занимает приоритетное положение. Это связано с тем, что вопросы материального обеспечения, страхования всегда занимали особое положение в сфере борьбы работников за свои права. Изначально, в период становления профсоюзного движения как исторического явления именно данные вопросы ставились во главу угла профсоюзной борьбы. Они были и остаются наиболее важными и актуальными как для каждого индивида, так и для государства, населения в целом. Это объясняется тем, что именно материальные блага являются основой жизни любого человеческого общества, вечной и естественной необходимостью жизни деятельности, оказывая и предопределяя практически все направления жизни общества. Стремление людей к материальному достатку было и остается важным стимулом развития материальных отношений. Адам Смит писал о том, что стремление людей улучшить свое материальное положение является таким мощным стимулом, который может преодолеть сотни досадных препятствий, которыми «безумие человеческих законов так часто затрудняет его деятельность» [2]. Неграмотная или неправильная правовая регламентация вопросов материального распределения, перераспределения, обеспечения часто приводила к гибели государственных систем, устройств, смене формаций. Кроме того, вопросы материального обеспечения находятся в тесной зависимости от любых, даже самых незначительных, экономических изменений и развиваются в строгом соответствии с демографическими, национальными, идеологическими и другими условиями, предопределенными как внутренней, так и внешней политикой государства. Периоды политических потрясений, дефицит платежного и торгового баланса, инфляция, валютно-финансовые сложности, как правило, отодвигают нужды материального обеспечения на второй план, ставя государства перед выбором более жестких социальных систем и наоборот. Именно данный момент подчеркивался на всемирной встрече на высшем уровне по вопросам социального развития (Копенгаген, март

1995 г.), проводимой ООН. В рамках данной встречи был проведен Круглый Стол, посвященный непосредственно Казахстану, на котором рассматривались разносторонние вопросы и предложения в отношении современных нужд нашей страны, при этом было отмечено, что Казахстан занимает ведущее место среди стран переходного периода со средним уровнем человеческого развития. Результатом встречи явилось то, что 117 государств или их Правительств определили десять обязательств в социальной области, в том числе в области материального обеспечения.

Вопросы теории при рассмотрении проблем материального обеспечения играют основополагающую роль, поскольку именно они представляет собой квинтэссенцию имеющихся знаний по изучаемому вопросу и позволяют вывести обоснованные выводы и заключения о правовой природе изучаемого объекта, состоянии и перспективах его развития. При этом особый акцент, как нам кажется, следует уделить понятийному аппарату, определению понятийных категорий, их дефиниций, основных существенных положений, взаимосвязей друг с другом и с сопутствующими категориальными группами различных областей знаний. Это объясняется тем, что любое научное изыскание может существовать и развиваться лишь в форме определенных понятийных категорий в их взаимосвязи и взаимозависимости.

Следует отметить, что уже в семидесятые годы двадцатого века позиция о первостепенном значении формирования государственных программ социального обеспечения, его видов их приоритете в области национального развития была официально закреплена на международном уровне (XVIII сессия Генеральной Ассамблеи МАСО, 26 октября по 3 ноября 1973 г., г. Абиджан, Республика Берег Слоновой Кости). Объяснялось это тем, что «достигнутый уровень социального обеспечения является одним из существенных показателей, характеризующих степень комплексного развития страны» [3]. На то, что институт материального обеспечения представляется краеугольным в системе политики любого государства и является одним из основных в праве, не раз указывалось и в последние годы на самом высоком международном уровне [4]. Так, М. Хансенн, будучи Генеральным Директором МОТ, в своем докладе «Социальное страхование и социальная защита» в 1993 году отмечал, что уже в восьмидесятые годы кон-

цепция социальной защиты включала понятие «социальной поддержки» и «материального обеспечения». По этому поводу, писал он, необходимо предоставление государством минимальных социальных гарантий либо обеспечение его контроля любому гражданину, оказавшемуся в сложной жизненной ситуации, не зависимо от его трудового стажа, размера страховых взносов и т.д. [5]. С нашей точки зрения, данный правовой институт является краеугольным камнем не только в политике, но и в теории права, в том числе права социального обеспечения. Как мы думаем, именно материальные отношения часто предопределяют направление и природу областей знаний и отраслей права, формируют правовые принципы и методы, обосновывают направления и особенности законотворческого процесса. В связи с этим, в данной главе мы предполагаем изучить природу государственного материального обеспечения, выяснить понятийные категории и их дефиниции, определить квалификационные характеристики, спектр правоотношений, раскрыть многогранность системных связей, механизм трансформации норм права, как внутригосударственных, так и международных в плоскости изучаемых правоотношений, а также внести конкретные предложения по формированию теоретической основы сегодняшнего дня, современного уровня развития государства.

На данный момент по проблемам материального обеспечения граждан накоплена значительная информация как в области гуманитарных, экономических, естественных наук, так и в области теологии. Что касается научных теорий материального обеспечения, в том числе нетрудоспособных граждан, то они представлены большим количеством научных школ и течений. При этом каждая из них определяет свои основные критерии и параметры как к понятийному аппарату, так и к принципам обеспечения, первопричинам его развития и совершенствования. Существующие теории отличаются различием направлений, порой, диаметрально противоположного характера. Кроме того, в процессе исторического развития научной мысли выработано множество теоретических систем, подсистем и направлений. Объясняется это, с нашей точки зрения, прежде всего тем, что вопросы материального обеспечения возникли как таковые, с момента появления человеческого общества. Если судить по историко-прикладным научным исследованиям, с самого первого момента они

рассматривались с точки зрения аксиологического направления (аксиология от греческого: *axia* – ценность, *logos* – слово – учение о ценностях, о приоритете ценностей духовных над материальными.). Многие философские, правовые, экономические и иные теории строились исходя из дилеммы о том, является ли поддержка нетрудоспособных граждан моральным правом государства, отдельного сообщества, каждого человека, или это обязанность данных субъектов, должен ли данный вопрос решаться каждым субъектом индивидуально или необходим какой-то общий подход, является ли материальное обеспечение исключительно экономической категорией или это категория междисциплинарная и многие другие. Некоторые ученые считают, что социальное, в том числе материальное обеспечение возникли лишь при капитализме и являются формой распределения капитала [6]. Так, Ланцев М.С. рассматривает социальное обеспечение как систему распределительных, то есть материальных отношений и приводит в качестве примера первые системы социального страхования в Европейских государствах в XIX, начале XX веков, считая при этом, что в чистом виде эти отношения возникли с появлением капиталистических отношений. При этом он приводит всю систему социального обеспечения к знаменателю в виде обеспечения материального, представляя ее как совокупность отдельных видов обеспечения нетрудоспособных членов общества. Он отмечает, что возникновение отдельных видов обеспечения, формирование их условий и уровней зависят от экономических условий, складывающихся на определенном этапе развития государства. Между видами существуют различия как в задачах, так и в способах, методах. Определенные различия наблюдаются и во взаимосвязях отдельных видов социального обеспечения, а также в связях с другими экономическими и социальными явлениями.

Однако мы придерживаемся точки зрения Розалии Ивановны Ивановой, считающей, что данные отношения возникли на ранних этапах человеческого развития, и выделяющей общественно-исторические типы социального обеспечения, в полном объеме приемлемые и к типам материально-обеспечительных отношений: родообщинное содержание при первобытнообщинном строе, гратисарное (с лат. «*grates*» – милость, благодетельствование) при рабовладельческом и феодальном строях, капиталистическое, социалистическое. При этом к конститу-

тивным признакам, присущим фактически всем выделенным историческим типам, она относит:

1. Объективные основания, вызывающие потребность в особом механизме социальной защиты по поддержанию (предоставлению) определенного уровня жизнеобеспечения.

2. Особые фонды, источники социального обеспечения.

3. Особые способы создания этих фондов.

4. Особые способы предоставления средств существования.

5. Закрепление правил предоставления социального обеспечения, подчеркивая, что, не смотря на различие оснований социального обеспечения, все они обусловлены потребностью в получении источников жизнеобеспечения не в обмен на затраченный труд [7].

Анализ правовых и иных источников, проведенный нами, фактически подтверждает правильность данных выводов. В связи с этим мы считаем необходимым рассмотреть основные теоретические представления, научные теории различного направления по изучаемой теме, в свете исторического развития, включая так называемый донаучный исторический период и научный, то есть от наиболее ранних теоретических воззрений, включая теологические представления и каноны, до современных, модернистских теорий.

Рассматривая материальное обеспечение в рамках политико-экономических теорий (экономических концепций), следует отметить, что чаще всего вопросы материального обеспечения рассматриваются в контексте экономических показателей, что, с нашей точки зрения, вполне обосновано, поскольку уровень, виды, формы, порядок материального обеспечения являются своего рода индикатором государственной экономической политики. Распределительный характер отношений данного типа находится в тесной зависимости от динамичности государственного развития, своевременности и адекватности правового разрешения ситуаций, порядка формирования и распределения государственного валового продукта и других механизмов экономики государства. Данный вопрос блестяще, с нашей точки зрения, охарактеризован М.Л. Захаровым и Э.Г. Тучковой. Рассматривая современные особенности социального обеспечения, они пишут, что «базовые, основополагающие сущностные признаки социального обеспечения связаны с выполнением им в обществе экономической функции, которая позволяет рас-

крыть экономический аспект данного понятия. Как экономическая категория социальное обеспечение служит определенным инструментом, используемым обществом, государством для решения одной из острейших проблем – социальной проблемы неравенства личных доходов людей... В целях более справедливого распределения национального дохода во всех странах в начале XX в. получает развитие политика перераспределения доходов, осуществляемого государством с помощью фискальной и социальной политики, основным звеном которой как раз и является социальное обеспечение». Вместе с тем это и правовая категория, поскольку перераспределение доходов осуществляется посредством правового механизма.

Следует отметить, что, как правило, сама отрасль «Право социального обеспечения» представляется через призму материального обеспечения, форму распределения материальных благ. В рамках экономических дисциплин проблематика материального обеспечения рассматривается в различных направлениях и аспектах (основы экономики, микро- и макроэкономики, региональная, социальная экономика, налоговые, инвестиционные направления и т.д.). Фундаментальными исследованиями в области материального обеспечения занимались такие известные казахстанские ученые экономисты, как Абишев А.А., исследующий материальные основы функционирования экономического благосостояния и социального прогресса [8], Ашимбаева А.Т., предпринявшая попытку теоретического обоснования происходящих экономических процессов, в том числе и в области материального обеспечения, на примере Республики Казахстан [9], Баймырзаева М.К., анализирующая основные направления социально ориентированной рыночной экономики Казахстана, главной целью которых является удовлетворения материальных потребностей человека, рост доходов и национального благосостояния. Российские ученые – экономисты: Капустин Е.И., Ланцев М.С., Слобожанин В.П., Левин Б.М., Хабиби Р., Микульский К.И., Роик В.Д. и др. Ученые других государств, в том числе СНГ: Благуш И.С., Аниськов И.П. Базарбаева Р.Ш. и др.

Подтверждением актуальности, важности и проблемности рассматриваемого нами вопроса служит и тот факт, что значительное количество работ в области экономики, отмеченных Нобелевской премией, посвящены исследованию тех или иных аспектов именно материального обе-

спечения в контексте разнообразия экономических проблем. Среди лауреатов данной престижной премии можно назвать Полла Самуэлисона (1970 г., США), получившего данную премию за вклад в повышении уровня научного анализа в экономических науках, Саймона Кузнеца (1971 г., США) за эмпирические исследования экономического роста, Джона Хикса и Кеннета Эрроу (1972 г., Англия) за работу по теории общего экономического равновесия и экономики благосостояния, Фридриха фон Хаека (ФРГ) и Гуннара Мюрдаля (1974 г., Швеция) за работы в области теории денег, конъюнктурных колебаний и анализа взаимозависимости экономических, социальных и структурных явлений, Милтона Фридмана (1976 г., США) за исследование в области потребления, истории и теории денег, Артура Льюкса (Англия) и Теодора Шульца (1979 г., США) за работы по экономике развивающихся стран, Лоуренса Клейна (1980 г., США) за создание экономических колебаний и экономической политики, Джорджа Стиглера (1982 г., США), за исследование промышленных структур, функционирования рынков, а также причин и последствий государственного регулирования, Жерара Дебре (1983 г., Франция) за введение новых методов анализа в экономическую теорию и работы по теории общего равновесия, Франко Модильяни (1985 г., Италия) за анализ финансовых рынков и процессов сбережения, Джемса Бьюкенена (1986 г., США) за развитие основ теории принятия экономических и политических решений, Роберта Фогеля и Дугласа Норта (1993 г., США) за работы по экономической истории, Амартья Сена (1998 г., Индия) за вклад в экономический анализ благосостояния населения. Это далеко не полный перечень экономических исследований, отмеченных Нобелевской премией в рамках проводимого нами правового анализа. Кроме того, нами перечислены лишь те исследования, которые касались вопросов правовой политики государства и историко-правовых учений в области материального обеспечения, в том числе нетрудоспособных граждан. Следует отметить, что, в отличие от правовых наук, экономические исследования охватывают более широкий спектр и пласты материального обеспечения. Серьезные научные разработки ведутся по таким направлениям, как разноразмерные особенности материального обеспечения населения, включая микро-, макро-, мезо- и международный уровни. Анализируются причины и последствия кризисных ситуаций в области материального обеспе-

чения с их классификацией по различным основаниям, например, по типам, по широте охвата (отдельные – единичные, локальные или групповые, системные), по причинам возникновения, по силе воздействия, по времени воздействия, по источникам происхождения, по возможности преодоления и другим основаниям. Представляются модели и схемы актуарных и иных расчетов, составляющих оптимальные модели материального обеспечения. То есть практически все экономические исследования строятся на тех или иных аспектах материальных систем и структур, в том числе в области обеспечительных отношений. Многие экономические теории материального обеспечения базируются на категориях «благо» и «антиблаго». В таких случаях именно они закладываются в фундаментальные каноны как экономической, так и правовой теории. Так, например, Гребнев Л.С. и Нуреев Р.М. представляют 12 принципов экономической теории, в том числе материального обеспечения, исходя из вышеназванных категориальных позиций [10]. Как мы полагаем, именно данные экономические теории были заложены в основание многих правовых категорий и явились отправной точкой общераспространенного правового обоснования самого понятия «право

социального обеспечения», представляемого многими учеными юристами как отрасль права по предоставлению материальных благ, а также и самого правового института «материальное обеспечение» как способа предоставления этих материальных благ определенным категориям граждан. Кроме того, без экономических расчетов, прогнозов, индексов систем спроса и предложений, базовых моделей, экономических моделей статистического анализа, взаимозависимости и взаимозаменяемости материальных потоков, других показателей, правовой институт материального обеспечения нетрудоспособных граждан не мыслим. Однако, мы считаем, что данный правовой институт «материальное обеспечение», являясь одним из основных, краеугольных в праве социального обеспечения, находясь в тесной зависимости от любых, даже самых малых экономических колебаний, строящийся на экономических законах и не мыслимый без актуарных расчетов (краткосрочных, долговременных), предопределяемый ими и называемый в силу этого социально-экономической категорией, сам, в свою очередь, оказывает значительное влияние на законы экономики и преддешает цели, задачи, функциональные направления экономической политики.

Литература

- 1 Буянова М.О., Кобзева С.И., Кондратьева З.А. Право социального обеспечения: учебник. – М.: ООО «ТК Велби», 2004. – С. 7, 8.
- 2 Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – Т. 1. – М.: Соцгиз, 1962. – С. 393.
- 3 Захаров М.Л., Цивилев Р.М. Тенденции развития социального обеспечения (1970-1972 гг.) // Сб. научных трудов «Вопросы социального обеспечения», в. 6., МСО РСФСР, Центральный НИИ экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов (ЦИЭТИН). – С. 6.
- 4 Явич Л.С. Сущность права. – Л., 1985. – С. 64.
- 5 Сахаров А.Д. Мир, прогресс, права человека. – Л., 1990. – С. 25-26, 50-62.
- 6 Хансенн М. Доклад Генерального Директора МОТ 1993 г., «Социальное страхование и социальная защита» // ж-л «Человек и труд». – №9. – 1993.
- 7 Ланцев М.С. Об экономической сущности социального обеспечения при социализме // Сб. научн. трудов., НИИ труда. – М., 1977. – С. 4.
- 8 Иванова Р.И. Правоотношения по социальному обеспечению в СССР. – М.: МГУ, 1986. – С. 7-9.
- 9 Абишев А.А. Социально-экономическая эволюция технического способа производства: автореф. д.э.н. – СПб., 2000.
- 10 Ашимбаева А.Т. Структурные сдвиги в экономике: теория, методология, практика регулирования: автореф. д.э.н. – Алматы, 2000. – С. 13.
- 11 Гребнев Л.С., Нуреев Р.М. Экономика. Курс основ. – М.: ВИТА, 2000. – С. 19-68.

References

- 1 Bujanova M.O., Kobzeva S.I., Kondrat'eva Z.A. Pravo social'nogo obespechenija: uchebnik. – М.: ООО «ТК Велби», 2004. – С. 7, 8.
- 2 Smit A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. – Т. 1. – М.: Socjegiz., 1962. – С. 393.

- 3 Zaharov M.L., Civilev R.M. Tendencii razvitija social'nogo obespechenija (1970-1972 gg.) // Sb. nauchnyh trudov «Voprosy social'nogo obespechenija», vp. 6., MSO RSFSR., Central'nyj NII jekspertizy trudospobnosti i organizacii truda invalidov (CIJeTIN). – S. 6.
- 4 Javich L.S. Sushhnost' prava. – L., 1985. – S. 64.
- 5 Saharov A.D. Mir, progress, prava cheloveka. – L., 1990. – S. 25-26, 50-62.
- 6 Hansenn M. Doklad General'nogo Direktora MOT 1993 g., «Social'noe strahovanie i social'naja zashhita» // zh-l «Che-lovek i trud». – №9. – 1993.
- 7 Lancev M.S. Ob jekonomicheskoj sushhnosti social'nogo obespechenija pri socializme // Sb. nauchn. trudov., NII truda. – M., 1977. – S. 4.
- 8 Ivanova R.I. Pravootnoshenija po social'nomu obespecheniju v SSSR. – M.: MGU, 1986. – S. 7-9.
- 9 Abishev A.A. Social'no-jekonomicheskaja jevoljucija tehničeskogo sposoba proizvodstva: avtoref. d.je.n. – SPb., 2000.
- 10 Ashimbaeva A.T. Strukturnye sdvigi v jekonomike: teorija, metodologija, praktika regulirovanija: avtoref. d.je.n. – Almaty, 2000. – S. 13.
- 11 Grebnev L.S., Nureev R.M. Jekonomika. Kurs osnov. – M.: VITA, 2000. – S. 19-68.

Saktaganova I.S.¹, Ayabekova M.N.²

¹Candidate of jurisprudence, associate professor Department of Civil and ecological law, e-mail: aridnis@mail.ru

²master's degree of first course, e-mail: marzhan.1994@bk.ru

ENU after named L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

LEGAL REGULATION OF SOCIAL SECURITY OF DISABLED PERSONS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The article analyzes the theoretical characterization of legal relations arising in the field of social security. In addition, based on the constitution of the Republic of Kazakhstan were compared important issues. The relevance and practical importance of the topic has a number of reasons, not only scientific but also practical significance.

Legal relations in social security arise, modified or terminated in connection with certain events and actions, which are called legal facts. It provides an overview of the accessibility of information and the surrounding area for people with disabilities, the degree of respect for their rights and freedoms in the field of social services, the integration of disabled people into the structure of education.

The work focuses on the peculiarities of the realization of electoral rights of disabled people so that they become full participants in the electoral process. The history of the legal regulation of the electoral rights of disabled people is examined, the current electoral legislation is analyzed and, first of all, the instructions of Kazakhstan, concrete examples of violation of the electoral rights of disabled people are analyzed on the basis of Internet portals, media reports and other sources.

The object of the study are public relations with the participation of disabled people and persons with disabilities.

The subject of the study was the legal norms on the realization of the rights of persons with disabilities in international and national labor law and the law of social security.

Key words: social welfare, legal relationship, pension, aid, disability, capacity, legal facts.

Сактағанова И.С.¹, Аябекова М.Н.²

¹з.ғ.к., азаматтық және экологиялық құқық кафедрасының доценті, e-mail: aridnis@mail.ru

²1 курс магистранты, e-mail: marzhan.1994@bk.ru

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Астана қ.

Қазақстан Республикасында мүгедектерді әлеуметтік қорғауды құқықтық реттеу

Мақалада әлеуметтік қамтамасыздандыру аясындағы қалыптасқан мемлекеттік-құқықтық қатынастардың теоретикалық сипаттамасы қарастырылды. Сонымен қатар, Қазақстан Республикасының Конституциясына негізделі отырып маңызды мәселелер салыстырылды. Зерттелген тақырыптың өзектілігі мен маңыздылығы бүгінгі таңдағы өзгерістерімен тікелей байланысты және оның ғылыми-тәжірибелік маңызы айқын.

Әлеуметтік қамтамасыздандыру аясындағы қалыптасқан құқықтық қатынастардың пайда болуы, өзгерілуі және аяқталуы заңдық фактілерімен тікелей байланысты. Сонымен қатар, мүмкіндігі шектеулі жандар үшін әлеуметтік қызмет көрсету саласындағы өз құқықтары мен бостандықтары дәрежесін, білім құрылымы мүгедектердің біріктіруді қамтамасыз етеді.

Олардың сайлау процесіне толыққанды қатысуға сайлау құқықтарын жүзеге асыру ерекшеліктері туралы құқықтарды қарастырады. Мүгедек адамдардың сайлау ережелерімен толықтай танысып, оны құқықтық реттеуді және талдауды сайлау заңнамасына сүйеніп жүзеге асыра алады. Ең алдымен, Қазақстан нұсқаулары бар Интернет порталдардың, БАҚ баяндамалар мен басқа да көздер негізінде мүгедектігі бар адамдардың сайлау құқықтарын пайдалана алу жөніндегі мәселелер қарастырылады.

Зерттеу объектісі мүгедектер мен мүмкіндіктері шектеулі адамдардың қатысуымен қоғамдық қатынастар болып табылады.

Мақала ғылыми-зерттеу, халықаралық және ұлттық еңбек заңнамасын және әлеуметтік қауіпсіздік құқықтық ережелері мүгедектердің құқықтарын іске асыруға бағытталған.

Түйін сөздер: әлеуметтік қамтамасыздандыру, құқықтық қатынастар, субъектілер, зейнетақы, көмек мөлшерлері, мүгедектілік, құқықтық қабілеттілік, заңдық фактілер.

Сактаганова И.С.¹, Аябекова М.Н.²

¹к.ю.н., доцент кафедры гражданского и экологического права, e-mail: aridnis@mail.ru

²магистрант 1 курса, e-mail: marzhan.1994@bk.ru

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, Астана

Правовое регулирование социальной защиты инвалидов в Республике Казахстан

В статье анализируется теоретическая характеристика правоотношений, возникающих в сфере социального обеспечения. К тому же, основываясь на конституцию РК, были сравнены важные проблемы. Актуальность и практическая значимость исследуемой темы обусловлены рядом причин и имеют не только научное, но и практическое значение.

Правоотношения в социальном обеспечении возникают, изменяются или прекращаются в связи с определенными событиями и действиями, которые принято называть юридическими фактами. Дается обзор доступности информации и окружающего пространства для инвалидов, степени соблюдения их прав и свобод в сфере социального обслуживания, интеграции инвалидов в структуру образования.

В работе сосредоточено внимание на особенностях реализации избирательных прав инвалидов с тем, чтобы они стали полноправными участниками избирательного процесса. Рассматривается история правового регулирования избирательных прав инвалидов, анализируется действующее в настоящее время избирательное законодательство и, в первую очередь, инструкции Казахстана, рассмотрены конкретные примеры нарушения избирательных прав инвалидов на основе интернет-порталов, сообщений СМИ и других источников.

Объектом исследования являются общественные отношения с участием инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья. Предметом исследования стали правовые нормы по реализации прав инвалидов в международном и национальном трудовом праве и праве социального обеспечения.

Ключевые слова: социальное обеспечение, правоотношения, субъекты, пенсии, пособия, инвалидность, дееспособность, юридические факты.

Introduction

In recent years, the subject of disability has attracted considerable attention in Kazakhstan. The primary reason for this interest is the enactment of a law in 2005 protecting the rights of disabled persons and the operation of public programs in 2002-2005 and 2005-2007 intended to rehabilitate those disabled. These programs reflect the Government of Kazakhstan's (GoK's) goals of improving social protection of the disabled, and of implementing antidiscrimination policies to ensure equal opportunity for disabled people. A second reason is the enactment in 2005 of two laws concerning obligatory social insurance and employers' obligatory insurance. These laws aimed foremost to promote the country's new life insurance market, but, by creating an urgent demand for disability tables from life insurance companies, they had implications as well for a better understanding of the nature of disability. Given the limited number of published

research on disability in Kazakhstan and the lack of publicly available disability statistics, these laws have accelerated the need for disability research [1]. Among the questions that need to be answered are: What is the true pattern of disability in Kazakhstan? Is the incidence of disability decreasing? What is the life expectancy of Kazakhstan's disabled?

Main part

In order to address these questions, we attempt first to create an historical picture of disability in Kazakhstan by analyzing government population statistics and studying the evolution of disability determination procedure in the former Soviet Union and independent Kazakhstan. Doing so is not a trivial task, as there has been almost no systematic research, either in Russian or English [2]. However, the effort is useful, as it enables us to cast light on the set of problems concerning disability in Kazakhstan, including those that remain hidden in the official reports.

Furthermore, the legislation of Kazakhstan (law ‘On Social Protection of Disabled Persons in the Republic of Kazakhstan’), provides the following definition of a person/child with disabilities : “disabled person is a person who has health problems with a persistent disorder of body functions, caused by diseases, injuries, and their consequences, defects, leading to a physical dysfunction and the need for his/her social protection”; “disabled child is a person under the age of eighteen years old, with health problems with a persistent disorder of body functions, caused by diseases, injuries, and their consequences, defects, leading to physical dysfunction and the need for his/her social protection; “children with limited abilities” are defined as “children under the age of 18 with physical and (or) mental defects who experience restrictions in vital functions caused by congenital, hereditary, acquired diseases or trauma consequences, confirmed in accordance with due procedures” [3].

As we know, nowadays, the number of disability children are increasing. In that reason, we are trying to describe «why people are disabled?». In the last five years there have been several changes made in the legislation of Kazakhstan pertaining to the rights of children with disabilities. These amendments affected laws such as the Code on ‘Marriage and Family’, ‘On the Rights of the Child in the Republic of Kazakhstan’, ‘On Education’, ‘On social, medical and educational support for children with disabilities’, ‘On special social services’, ‘On national accumulative educational system’, ‘On amendments of the legislation concerning social security’ and ‘On military service and status of military servants’. The recent legislative changes address both definitions and also provide for changes in provision of additional support in the area of social welfare, education and health of children with disabilities. Finally, important changes were introduced to various Decrees of the Ministry of Health of the Republic of Kazakhstan concerning screening procedures for children with disabilities. The law of the Republic of Kazakhstan ‘On the Rights of the Child in the Republic of Kazakhstan’ ensures that children with disabilities have equal rights with children without disability to live in conditions which ensure dignity and promote active inclusion in society. The same Law provides for the right to education, choice of occupation and profession and participation in creative and social activities. The right to social security, including rehabilitation and integration into society is stated under the Law on “Social Protection of Disabled Persons in the RK”. According to this Law, children with disabilities

are also entitled to the right of access to social infrastructure facilities. In accordance with the law “On social, medical and educational support for children with disabilities”, children with disabilities have the right to receive a number of services. This includes free social, medical and educational support; free medical examination in public health organizations, medical and other support from psycho-educational counseling departments or medical-social examination departments and free medical care in accordance with the laws of the Republic of Kazakhstan. It also provides for free-of-charge orthopedic products and footwear, prints with a special font, sound-amplifying equipment and alarms, compensatory technical means in accordance with the laws of the Republic of Kazakhstan; to receive free pre-school and general secondary education in institutions of education or public secondary schools. Given that they qualify on a competitive basis, children with disabilities are also entitled to receive free of charge technical and vocational, post-secondary, higher education in state educational institutions within the public education programs and curricula; employment after graduation. According to the same law, children with disabilities who are also orphans and/or left without parental care, who benefit from full state support, shall be provided with accommodation after graduating from an institution by the local executive authorities. Consistent support from the state for children requiring special attention is envisaged in the National Long Term Action Plan (2012) for ensuring the rights and improving the quality of life for persons with disabilities for 2012-2018 [4].

Lately, the Ministry of Health of Kazakhstan has adopted new regulations on antenatal, perinatal and neonatal screenings. Thus, the medical institutions of Kazakhstan introduced a method for the integrated management of childhood illnesses and early childhood development. Primary health care professionals carry out preventive health supervision of children at risk in accordance with an individual plan. The integrated management of childhood illnesses is carried out for the purposes of diagnosis of disability for children under 5 years old as well as improving their physical and mental development. Besides, in order to identify children at “risk” in the maternity homes, children’s clinics, primary health care institutions, a mass standardized examination, i.e. screening is conducted. With the consent of the parents or other legal representatives, the children “at risk” identified during the screening are sent to the psychological, medical and educational counselling units. One of the official tools

introduced in 2003 is screening of psycho-physical development of young children. It is implemented by means of five screening examinations conducted in three stages. Since 2006, a screening program of prenatal diagnosis and prevention of congenital and hereditary disorders in children has been adopted and is under implementation. Under this screening program, a genetic screening is introduced for possible early (prenatal) identification of children with genetic disorders, in-depth diagnosis of congenital and hereditary diseases and prevention of birth of children with psycho-physical development disabilities. There is an on-going process of integrating activities of social protection, health and education, while also maintaining sectorial specialization. The education sector has a role to play in identifying developmental delays through a pedagogical examination. The health sector holds mass standardized screening of children in the early years with the aim of identifying risks. This sector also does in-depth diagnosis of congenital, hereditary and acquired conditions. In the sector of labour and social protection social surveys are conducted to determine the degree of disability as well as how that affects prospects of inclusion into for example the labour market.

The adoption of the Law on Specialized Social Services (2008) required several changes in regulations for social services. This included for example introduction of standards for the provision of special social services in the sphere of social protection, education and health. All standards describe provision of eight special social services: special routine services, special medical services, special pedagogical services, special psychological services, special legal services, special vocational services and special economic services for different categories of service users. All these services are cross-sectoral and link up with social work. According to the recent statistics from three ministries (Health, Education and Social Welfare), 13,430 social pedagogues, psychologists in education (MOES, January 2012,) 12,101 social workers for children with disabilities (MLSP, 2011) 1,157 social workers and psychologists at primary health care level (MOH, 2011) are introduced into the system to identify the needs of children and families and refer them to professional help. The network of psychological, medical and pedagogical consultation units (PMPC) was expanded, which allowed improving the identification of children with developmental disabilities. According to the Ministry of Labor and Social Protection of Population of the RK (2013), more than 2,000 children with

disabilities currently receive services through NGOs. The day-care facilities provide services to 3,000 children with disabilities. Overall, 88 per cent of the total number of children with disabilities are provided with technical auxiliary aids out of the total number of children who need them. Overall 43 per cent of special education organizations are equipped with modern multi-media educational systems, 41 per cent with a speech pathology training stimulator, and 37 per cent with a speech/hearing training stimulator. Around 95 per cent of children with developmental disabilities have access to the internet.

In 2012, the overall number of children below 18 years of age who were placed in residential care was 10,887[5]. Out of this some 21 per cent were children with disabilities. While the overall number of children in residential care has been decreasing in the last 3 years, this has not been the case for children with disabilities in residential care to the same extent.

In Kazakhstan, currently, social allowances in the form of cash transfers are provided to families raising children, including adopted children, children under guardianship, and children with disabilities. Child benefits can take different forms and are either categorical or targeted to the poor (income dependent). By law, children are directly or indirectly covered under the following types of social assistance benefits: child benefits (social allowances), targeted social assistance (TSA), special social benefits and benefits for children with disabilities[6]. Children with disabilities are provided with other forms of state support, in addition to state benefits. For example, all regions fund provision of material support to children with disabilities who are being raised at home. Depending on the age and disability group, children are currently entitled to children's disability benefits/allowances – from 15,103 KZT (\$ 100) to 24,231 KZT (\$ 161). Besides, there is also parental allowance/ benefit to care for a child with disabilities – 18,660 KZT (\$125). With the introduction of new forms of social service, an opportunity appeared for employment of mothers with children with psycho-neurological disabilities, with disorders of the musculoskeletal system. The government provides tax benefits to all members in a family with a child with disabilities. Thus, income within a threshold of the equivalent of the minimum salary 55-fold or less per year of one of the parents of a child with a disability, disabled since childhood, is not subject to individual income tax. Moreover, families with a child with disabilities are exempted from among other obligations such as land tax.

Since 2010, monthly benefits have been introduced for a person raising a child with disabilities in the amount of the minimum salary rate. These are meant to support parents who have to leave work and engage in caring for a child with disabilities. In 2010, 51,178 families (adoptive parents), guardians (trustees) raising children with disabilities, received allowances in the amount of 14,952.00 KZT (\$98 USD), in 2011 – 54,800 people in the amount of 15,999.00 KZT (\$105 USD), and in 2012 – 58,700 families received care allowances in the amount of 17,439 KZT (\$114 USD). In view of social support for families having children with disabilities in all regions at the expense of local budgets, payment is made for material support to 11,659 children with disabilities, raised and educated at home. Average monthly payments during the period of the child's education are nearly 4,000 KZT (\$27). In 2012, 63,751 children with disabilities were covered.

From the perspective of the disability rights movement, the social model of disability has been widely adopted as a conceptual framework which explains the marginalization of disabled persons. According to the social model of disability, society sets up barriers that include attitudes, policies, physical facilities, technology, learning environments, work opportunities, and cultural representations, however, it does not explain explicitly the role of the disabled person in the quest for social change. A collective identity can provide the knowledge, experience and context to build a foundation which supports social change to more readily reduce barriers for disabled persons in the future. In his thinking about collective identity, Oliver (1994) stated that: it is necessary for oppressed groups to organize collectively to confront oppression. That inevitably means confrontation and conflict with powerful groups, interests and structures for there are few examples in human history of people willingly giving up power to others (p. 18) [6]. In this passage, Oliver is calling disabled persons to unite, to resist the dominant ideology of non-disabled worldviews and disabling social structures which can result in marginalization and oppression. To advance disability rights, equity and citizenship, the investigation of collective identity and the social model of disability can move discussions from being oppressed or marginalized persons to one which envisions the agency of disabled persons through a rights approach. Furthermore, the social model of disability has been critiqued for having a disembodied view of disability, rather than an "embodied experience of impairment as an intercorporeal phenomenon" (Paterson & Hughes, 1999, p. 608). As an intercorporeal phenomenon, I

consider the relationships between disabled and non-disabled persons. This recognition of embodiment is integral to the collective identity theory (Melucci, 1996) within the disability rights movement and the disabled community's relations to society. This gap in understanding has resulted in researchers offering alternative theories to supplement the social model of disability. For example, Peters, Gabel and Symeonidou, (2009) argued for a need for a collective consciousness and common vision as vital components in the acts of resistance. They recommend a paradigm shift from disability as constructed by society to one that constitutes disability as a complex matrix of language, practices, body effects, disposition and aspirations. This matrix also points to the necessity of an embodied approach to collective identity formation. This paradigm of disability is better positioned to support transformation and social change rather than just explaining marginalization and/or oppression as in the social model of disability. This study supports the shift away from the original social model of disability from the 1970s towards the need for a revised 21st century model when social change is the sought after result [7].

Once identified, children with disabilities are assessed by a Psychological, Medical and Pedagogical Commission (PMPC). The assessment results in the delivery of a certificate specifying whether the child can participate in education, and if so the level of education to which s/he should be directed. There is some progress to further ensure the realization of children's right to education. The process of developing inclusive education is comprehensive and requires the participation of government agencies, parents, community, families, educational institutions and organizations, nongovernmental organizations. In order to develop inclusive education in Kazakhstan, the Law of the Republic of Kazakhstan "On education" was amended to ensure the state's responsibility to provide children with disabilities with conditions for "education, correction of developmental disorders and social adaptation" starting from an early age at all levels of education. In 2010-2011 there were reportedly 5,649 children who were not attending school due to some form of disability or health issues. 56.2 per cent of Kazakhstan's 151,216 children registered as 59000. Total number of children with disabilities below 18 years registered in the country Total number of families receiving "care allowance" for child with disability Total number of children and/or families with children with disabilities receiving "disability allowance" 11 living with disabilities have access

to special education programs, even though the 2005 Law on Social Protection of Disabled Persons guarantees children with disabilities access to free primary, basic secondary and general secondary education. Most of the children with disabilities are being taught under home programs that heavily rely on the child's family support. Thus, as per latest data there are: 2,061 children with disabilities below 18 years who attend special boarding schools; 8,758 children with disabilities receiving home schooling; 8,613 children with disabilities who attend special pre-school facilities [8].

Conclusion

The definition of disability in Kazakhstan since independence has approached the WHO ICF definition as result of gradual shifting from a medical to a social model, as well as legal acknowledgement of the rights of all categories of the population, including children. The methodology of determining the presence of disability also has moved toward international norms. However, many tasks remain to be fulfilled in the area of application of the ICF to a national clinical diagnosis and rehabilitation assessment, and in disability data collection. It is a fortunate that Russia and Kazakhstan have the same disability definition and similar criteria for disability determination. In order to keep this important tradition for the purpose of comparability of disability incidence and prevalence, it is necessary to develop a uniform ICF user guide for all former USSR republics and detailed strategy of ICF application on the basis of disability population statistical categories inherited from the Soviet Union. The method of gathering disability incidence data in Kazakhstan, inherited from the Soviet Union and based on population statistics, is highly reliable; correspondingly the reported data are quite accurate. In particular, there are two types of disability data in Kazakhstan that complement each other. The first represents a flow concept, thereby tracking disability incidence, and second one uses a stock concept, thereby reporting disability prevalence. However, the reported disability incidence among working-age adults in Kazakhstan is inaccurate, since when registering newly disabled people, the Ministry of Labor and Social Protection uses old labor classifications in spite of the fact that Kazakhstan accepted ILO standards in 1994 [9]. As a result, the majority of

newly disabled among the self-employed population – who generally cannot provide employment certificates – are inaccurately registered as being “unemployed.” Thus, official disability incidence among unemployed population is overestimated and, correspondingly, disability incidence among the employed is underestimated. As long as the MLSP does not disaggregate the newly disabled into the more commonly recognized categories of self-employed, hired labor, unemployed, or economically inactive, it is important correct for the resulting inaccuracy. The results above suggest large differences between official and corrected data. While it is possible to criticize the health data collection system Kazakhstan inherited from the USSR, it is based on population data and events registration, and both health and disability are registered according to rules of the International Classification of Diseases (ICD). This allows analysts to compare trend of incidences of disease and disability occurring in the whole population over any period of time. To summarize briefly, historical analysis shows that disability in Kazakhstan in the post-Soviet era exhibited the following new patterns:

- A high rate of disability incidence among the unemployed population, which did not exist in the Soviet era, due to full employment.
- Disability incidence among the employed population is much lower than among the unemployed. In particular, the disability incidence today among regular employees is only one-third that of the 1992 peak, and also far below Soviet levels.
- There is almost certainly substantial hidden disability resulted from deteriorating access to medical examination, especially for the sizeable rural population that has migrated from rural to urban area in search of employment, and most of all for immigrants from southern Central Asian republics working, often without official status, in agriculture, construction, and service activities. Our bottom line assessment is that it is implausible that declining adult disability incidence reported in official data reflected real improvements in either underlying health or pace of rehabilitation. Given the trends of increased morbidity and death rates among adult population, the optimistic official picture almost certainly reflects growing underreporting rather than improvement in health conditions related to disability.

References

- 1 LAW REPUBLIC OF KAZAKHSTAN/On the social protection of disabled people in the Republic of Kazakhstan (With amendments and additions as of December 3, 2015) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30008935
- 2 USSR, 1990 (December 11), Law on the Basic Principles of Social Security of Disabled Persons in the USSR. Moscow: Kremlin, law No. 1826-1. (Закон “Об основных началах социальной защищенности инвалидов в СССР. N 1826-1 Москва, Кремль. СССР. 11 декабря 1990 года N 1826-1.)
- 3 Law of the Republic of Kazakhstan of April 25, 2003 No. 405-I/On compulsory social insurance (With amendments and additions as of 06/04/2016) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1039354
- 4 Republic of Kazakhstan, Cabinet of Ministers, 1992 (July 16), “The basic criteria of determination of disability and medical evidence for the provision of technical and other means of transportation”. Order N 531.
- 5 Keetie Roelen and Franziska Gassmann, Child Wellbeing in Kazakhstan, UNICEF, July 2012
- 6 Oliver, M. (2006). Changing the Social Relations of Research Production, In Barton, L. (Ed.), *Overcoming Barriers: 18 years of Disability and Society* (pp. 267-282), New York: New York: Routledge.
- 7 Wallace, J. & Fenwick, T. (2010). Transitions in Working Dis/Ability: Able-ing Environments and Disabling Policies, In P. Sawchuk & A. Taylor (Eds.). *Challenging Transitions in Learning and Work: Reflections on Policy and Practice*, pp. 309-324. Rotterdam/Taipei: Sense Publishers.
- 8 Kudajbergenova R.E. // Vysshee obrazovanie dlja ljudej s ogranichennymi vozmozhnostjami v Juzhnoj Koree (opublikovana v Vestnike KazNU. Serija vostokovedenija, №3, 2013, s. 29-34)
- 9 Sansyzbaeva G. N.// Zarubezhnyj opyt trudoustrojstva i social'noj zashhity invalidov Kazahskij Nacional'nyj Universitet imeni Al'-Farabi gorod Almaty, Kazahstan <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=0ahUKewims7bAqOrUAhWmIJoKHcnXDyoQFgghMAA&url=http%3A%2F%2Fpps.kaznu.kz%2Fkz%2FMain%2FFileShow%2F26272%2F100%2F2%2F3%2F0%2F%2F>

Адилгазы С.¹, Жатқанбаева А.Е.²

¹PhD докторанты, І. Жансүгіров атындағы Жетісу мемлекеттік университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: serikhan@mail.ru

²з.ғ.д., әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің кафедра меңгерушісі,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: aizhan_2210@mail.ru

**ҚАРТ АДАМДАРДЫҢ ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУДЫҢ
ЖАЙ-КҮЙІНІҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІН ЕСКЕРЕТІН
НОРМАТИВТІК БАЗАНЫ ҚАЛЫПТАСТЫРУ**

Бұл мақалада қарт азаматтардың құқықтықтарын қорғауға байланысты туындайтын мәселелерді шешудің кешенді жүйесін дайындау. Сонымен қатар қарт азаматтардың құқықтарын қорғаудың халқаралық деңгейде қорғауға байланысты шет мемлекеттердің және отандық ғалымдардың қарт азаматтардың құқықтарын қорғау бойынша ғылыми еңбектеріне талдау жасалып, ұлттық заңнаманың халықаралық стандарттарға сәйкестігіне талдау жасау халықаралық құқық қорғау шарттарын имплементациялау және стандарттарды есепке ала отырып, Қазақстан Республикасында қарт азаматтардың құқықтарын қорғауға байланысты мемлекеттік органдармен басқа да ұйымдардың қарт адамдардың құқықтарын қорғауға байланысты заңды өкілеттіліктеріне талдау жасалды.

Біздің елімізде барлық азаматтардың жасына қарамастан құқықтарын сақтайтын құқықтық нормалар, сондай-ақ егде жастағы адамдарға қатысты нормативтер – құқықтық мемлекеттің құрылуының негізі болып табылады. Зейнетақылар мен ішінара әлеуметтік қызмет көрсету саласында қарт азаматтардың құқықтарын жеткілікті толық реттеу бар. Сонымен қатар, қазіргі уақытта жұмыс берушінің де, тұтастай мемлекеттің де зейнеткерлікке шыққаннан кейін қарт адамдар жұмысқа орналасуына және жұмысқа орналасуына үлкен қызығушылық танытпайтынын атап өткен жөн. Осылайша, фактілердің шынайылығы қарт азаматтарды ерекше қорғаныспен қамтамасыз етудің аздығына байланысты көптеген жазаланатын әрекеттердің нысаны болып табылатын осал топ ретінде ерекше қарауды талап етеді.

Түйін сөздер: құқық, қарт азаматтар, заң, мемлекеттік әлеуметтік қорғау, зейнетақымен қамсыздандыру.

Adilgazy S.¹, Zhatkanbaeva A.E.²

¹Doctoral student PhD of Zhetysu State University named after I. Zhansugurov,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: serikhan@mail.ru

²doctor of law, head of the department, al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: aizhan_2210@mail.ru

**Formation of a regulatory framework that takes into account
the protection of the rights of older persons**

This article discusses the integrated system solutions to the issues to protect the rights of senior citizens. at the international level is also considered the scientific work of both foreign and domestic scientists tested national legislation on line with international standards on the basis of the implementation and standardization of international human rights protection treaties the rights of older people and analyzed the legal representation of state bodies and other organizations in the Republic of Kazakhstan on protection of elderly rights of people.

In our country, the legal norms that perpetuate the rights of all citizens regardless of age, as well as norms specifically relating to the elderly, is one of the foundations for building a rule-of-law state. In the spheres of pensions and partially social services, there is a sufficiently detailed regulation of the rights of

elderly citizens. At the same time, it should be noted that at present neither the employer nor the state as a whole is very much interested in employment and employment of older people after their retirement. Thus, the reality of the facts calls for special consideration of elderly citizens as a vulnerable group that is the object of many punishable acts, but with fewer means to provide adequate protection.

Key words: law, elderly people, law, state, social protection, pensions.

Адилгазы С.¹, Жатқанбаева А.Е.²

¹докторант PhD, Жетысуский государственный университет имени И. Жансугурова, Казахстан, г. Алматы, e-mail: serikhan@mail.ru

²Доктор юридических наук, заведующий кафедрой Казахского национального университета имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: aizhan_2210@mail.ru

Формирование нормативной базы, учитывающей особенности защиты прав пожилых людей

В этой статье рассматривается комплексная система решений вопросов по защите прав пожилых граждан. Также на международном уровне рассматривались научные работы как иностранных, так и отечественных ученых, проверялось национальное законодательство на соответствие международным стандартам на основе имплементации и стандартизации международных правозащитных соглашений защиты прав пожилых граждан и анализировались юридические представительства государственных органов и других организации в Республике Казахстан по защите прав пожилых людей.

В нашей стране правовые нормы, закрепляющие права всех граждан независимо от возраста, а также нормы, особо касающиеся пожилых людей, является одной из основ построения правового государства. В сферах пенсионного обеспечения и частично социального обслуживания существует достаточно детальная регламентация прав граждан пожилого возраста. Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время ни работодатель, ни государство в целом не слишком заинтересованы в трудоустройстве и занятости пожилых людей после их выхода на пенсию. Таким образом, реальность фактов вызывает необходимость особого рассмотрения престарелых граждан в качестве уязвимой группы, являющейся объектом многих наказуемых деяний, но с меньшим количеством средств для обеспечения соответствующей защиты.

Ключевые слова: право, пожилые люди, закон, государство, социальная защита, пенсионное обеспечение.

Қазақстанда қарт адамдардың құқығы, мәртебесі мен жағдайын бекітетін нормативтік-құқықтық база жалпы және арнайы заңнамамен айқындалған. Қарт адамдардың әлеуметтік құқықтық жүйесін бекітетін заңнаманың даму негіздері Қазақстан Республикасының Конституциясына көрініс тапқан болатын.

Қарт адамдардың әлеуметтік құқықтық жүйесіндегі құқық нормаларын екі үлкен топқа бөліп қарастырсақ болады:

Біріншіден, жас ерекшеліктеріне қарай барлық зейнеткерлердің құқықтарын бекітетін жалпы құқық нормалар жиынтығы.

Екіншіден, қарт адамдардың ішінде арнаулы топтардың (Ұлы Отан соғысы ардагерлері, тылда еңбек еткен қарт адамдар, Ауған соғысының ардагерлері, мүгедек қарт адамдар т.б.) құқықтарына қатысты арнайы құқық нормаларының жиынтығы деп екі топқа бөліп қарастырсақ болады.

Қарттарға қатысты мемлекеттік саясаттың негізгі ережелері Қазақстан Республикасының Конституциясына, Қазақстан Республикасының

«Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі туралы», «Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы», ҚР Еңбек кодесінде, Қазақстан Республикасының «Қазақстан Республикасында зейнетақымен қамтамасыз ету туралы», «Қазақстан Республикасында мүгедектігі бойынша, асыраушысынан айрылу жағдайы бойынша және жасына байланысты берілетін мемлекеттік әлеуметтік жәрдемақылар туралы», «Қазақстан Республикасындағы арнаулы мемлекеттік жәрдемақы туралы», «Қазақстан Республикасында мүгедектерді әлеуметтік қорғау туралы», «Арнайы әлеуметтік қызметтер туралы», «Халықты жұмыспен қамту туралы», «Ұлы Отан соғысының қатысушылары мен мүгедектеріне және соларға теңестірілген адамдарға берілетін жеңілдіктер мен оларды әлеуметтік қорғау туралы», «Қоғамдық бірлестіктер туралы» және т.б. заңдарында негізделеді.

Қазақстан Республикасы Конституциясының 1 бабына сәйкес өзін әлеуметтік мемлекет ретінде орнықтырады және мемлекеттің ең қымбат қазынасы адам және адамның өмірі,

құқықтары мен бостандығы деп бекіткен. Бұл мемлекеттік саясат халыққа жағдай жасауға бағытталған және адамның еркін дамуы мен жақсы өмір сүруін қамтамасыз етеді [1, 28 б.]

Конституция бойынша, қарт адамдардың әлеуметтік құқықтары мен бостандықтары Қазақстанның басқа да азаматтарымен бір деңгейде болуына кепілдік береді. Ол – қарт адамдардың әлеуметтік құқықтар жүйесіне кіретін жалпы нормалар.

ҚР Конституциясына сәйкес, әрбір азаматқа жас мөлшеріне сай әлеуметтік көмекпен қамтамасыз ету, сырқат жағдайы, мүгедектік, асыраушысынан айырылу жағдайы, балаларды тәрбиелеу және басқа әлеуметтік топтағы азаматтардың құқықтары айқындалған. [3. 29 б.]

ҚР Конституциясының 28 бабына сәйкес, егде жастағы адамдар, барлық азаматтар сияқты мемлекеттік муниципалды мекемелерден тегін медициналық көмек пен денсаулық күзетіне құқықтары бар.

ҚР конституциясының 14 бабына сәйкес жынысына, нәсіліне, ұлтына, дініне қарамастан мемлекеттік және муниципалды білім беру орындарында тегін білім алуына және қолжетімділігіне кепілдік береді.

ҚР Конституциясына сәйкес қарт азаматтарға маңызды құқық берілген, ол әркім мәдени өмірге қатысу құқына ие және мәдени орындарды қолдануға құқығы бар, мәдени құндылықтарға қол жетімді болуы. Сонымен бірге кәсіби құқықтық көмек қол жетімді.

ҚР конституциясының 28 бабына сәйкес әлеуметтік құқық, қарт адамдардың жеке өзі өтініш беру құқығы, сондай-ақ мемлекеттік органдар мен жергілікті өзін-өзі басқару органдарына жеке және топтық өтініштер. Өздерінің ұсыныстарымен, ескертулерімен, жеткіліксіздік сындарымен, жеке басы мәселелерімен өтініш бере отырып, қарт адамдар өздерін мемлекеттік істерде басқаруда белсенді мүшесі екенін сезіне алады.

ҚР Азаматтық кодексі егде жастағы тұлғалардың қатысуы жүзеге асатын қатынастарды реттеуге бағытталған арнайы нормаларды қамтымайды. Тек мұрагерлік қатынастар сияқты нормалар кездеседі.

ҚР Еңбек кодексі ардагерлерінің демалысына құқығын бекітетін әлеуметтік заңдардың ішіндегі ең маңыздысы болып табылады. Осы заңға сәйкес, ардагерлер демалысы, оның ішінде көбісі қарт адамдар, ардагерлердің экономикалық және моральдық әл-ауқатына жағдай жасауға бағытталған іс-шаралар жүйесін

іске асыруды қадағалайды, оларға қосымша жеңілдіктер мен құқықтар береді.

ҚР-дың азаматтарды зейнетақымен қамтамасыз етумен байланысты заңнамасы қарт адамдар арасында үлкен орын алады. Ол 2013 жылы 21 маусымдағы «Қазақстан Республикасында зейнетақымен қамтамасыз ету туралы» № 105-V Заңы.

Атап кететін жағдай, бұрынғы зейнетақы заңнамасына қарағанда, жаңа заң жұмысын жалғастырған зейнеткерлер зейнетақыны толықтай мөлшерде алады. Бірақ Зейнетақы мөлшерін есептеуді реттейтін нормалар шынайы өмірден мүлдем алыс болып келеді. Қазіргі таңдағы зейнетақы қарт адамдардың ең керекті қажеттіліктерін қанағаттандыратын шығындарды толық көлемде қамтамасыз етпейді.

Қазақстан Республикасының 2009 жылғы 18 қыркүйектегі Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі туралы N 193-IV Кодексі егде жастағы азаматтардың құқықтарын бекітетін құқықтарды қамтиды. Ол бапта, ҚР заңнамасында көзделген қарт азаматтар, үй жағдайында медико-әлеуметтік көмек алуға құқықтары бар, мемлекеттік немесе муниципалды жүйедегі денсаулық сақтау орындарында, сондай-ақ қоғамдық демалыс жүйесі орындарында және курорттық емдеу санаторияларында ақылы немесе тегін жағдайда оналту.

Қарт азаматтарды әлеуметтік қолдауға бағытталған тағы бір заң «міндетті әлеуметтік сақтандыру» туралы Қазақстан Республикасының заңын ерекше атап өту керек, себебі, қарт адамдардың көбісі төмен жағдайды азаматтар санатына жатады және олар осы заңның негізінде мемлекеттік әлеуметтік көмек алушылар қатарына жатады.

Адамдардың әлеуметтік құқықтарын реттейтін құжаттар қатарына «Қазақстан Республикасында мүгедектігі бойынша, асыраушысынан айырылу жағдайы бойынша және жасына байланысты берілетін мемлекеттік әлеуметтік жәрдемақылар туралы», «Қазақстан Республикасындағы арнаулы мемлекеттік жәрдемақы туралы», «Қазақстан Республикасында мүгедектерді әлеуметтік қорғау туралы», «Арнайы әлеуметтік қызметтер туралы», «Халықты жұмыспен қамту туралы», «Ұлы Отан соғысының қатысушылары мен мүгедектеріне және соларға теңестірілген адамдарға берілетін жеңілдіктер мен оларды әлеуметтік қорғау туралы». Бұл заңдар мемлекеттік биліктегі федералды өңірлік орган өкілеттігін, құқықтары

іске асырылуына кепілдік беруді, азаматтарға әлеуметтік қызмет көрсетудің негізгілерін, олардың құқықтарын бекітеді.

Сонымен қатар, «Нұрлы жол» бағдарламасын атап өтуге болады. Бұл бағдарламаны жасауға оннан астам министрліктер мен ведомстволар, бірқатар академиялық және салалық ғылыми ұйымдар, көптеген органдар қатысады. Онда көптеген сұрақтар, әсіресе қарт адамдарға қатысты мәселелерді кешенді шешудің жолдары қарастырылған. Бұл – денсаулық сақтауды, қарт адамдардың өмірге қабілеттілігі мен белсенділігін, материалдық қамтамасыз етуді көтеруді, жас ерекшелігі мен денсаулық

жағдайларын есепке ала отырып көмек көрсетуді қолдау мен жетілдіру, сонымен қатар егде жаста интеллектуалды, мәдени және тұлғалық әлеуетті іске асыруға қолайлы жағдайлар туғызу.

«Нұрлы жол» бағдарламасы егде жастағы тұрғындардың мынадай категорияларының осал жерлеріне басымдылық көрсетеді: жалғызбасты қарт адамдар мен қартайған ерлі-зайыптыларға, өзін-өзі күту мүмкіндігінен толықтай немесе жартылай айырылғандар, ауыр сырқаттағы соғыс ардагерлері, алыс-шалғай ауылды жерлерде немесе шеткей солтүстікте тұратын қарт адамдар, мәжбүрмен көшірілген егде жастағы адамдар, маргинальдық топтағы егде адамдар.

Әдебиеттер

- 1 ҚР-дың Конституциясы, 30.08.1995.
- 2 Қазақстан Республикасындағы Адам құқықтары жөніндегі Уәкіл органының ресми сайты. <http://www.ombudsman.kz/kz/about/>
- 3 Шмарин А.Г. Конституционно-правовые основы формирования социального государства в Республике Казахстан: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Алматы, 2004. – 29 с.
- 4 1948 жылғы 10 желтоқсандағы БҰҰ бас Ассамблеясының 217 А (III) қарары
- 5 Холостова Е.И. Социальная работа с пожилыми людьми. – М., 2004.

References

- 1 QR-nyng Konstitucijasy, 30.08.1995.
- 2 Qazaqstan Respublikasyndagy Adam quqyqtary zhonindegi Uәkil organynyng resmi sajty. <http://www.ombudsman.kz/kz/about/>
- 3 Shmarin A.G. Konstitucionno-pravovye osnovy formirovanija social'nogo gosudarstva v respublike Kazahstan: Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskix nauk, Almaty. 2004. – 29 s.
- 4 1948 zhylygy 10 zheltoksandagy BUU bas Assamblejasynyng 217 A (III) qarary
- 5 Holostova E.I. Social'naja rabota s pozhilymi ljud'mi. M., 2004

Алдашев С.М.¹, Нурахметова Г.Г.², Жаншуакова Г.Н.³

¹к.ю.н., доцент, e-mail: Sarsengaly.Aldashev@kaznu.kz

²к.ю.н., доцент, e-mail: Gulmyra.Nurahmetova@kaznu.kz

³магистрант 2 года обучения, e-mail: zhan07_g@hotmail.com

кафедра гражданского права и гражданского процесса, трудового права,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

ЗНАЧЕНИЕ СЛИЯНИЯ И ПРИСОЕДИНЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В данной статье рассматривается значение термина «слияние и присоединение» в гражданском праве. Многие ресурсы и управляющие учитывают, что слияние и присоединение повысят эффективность рынка путем захвата процесса взаимодействия между предприятиями. Настоящая статья описывает новую концепцию равновесия, предназначенную для объяснения и прогнозирования поглощения в этой обстановке в разных секторах в Казахстане. Так же данная статья имеет показатели реорганизации наших отечественных предприятий с зарубежными, включая реорганизацию местных организаций, так как на данный момент реорганизация для многих бизнес-предприятий является проблематичной. На данный момент исследование в данной области показывают только положительные стороны для нашей страны. Но экспериментально можно сравнить что данный термин не только приносит выгоды для всех коммерческих юридических лиц, но и находится выгодным и для некоммерческих предприятий. В этой статье мы так же рассмотрим, что большие предприятия в Казахстане в разных отраслях, как нефтегазовая, горнодобывающая и финансовая, показывают большую заинтересованность в данном термине. Это говорит о том, что наша страна может поднять экономику благодаря таким реорганизациям.

Ключевые слова: слияние, присоединение, реорганизация, коммерческие юридические лица, зарубежные предприятия.

Aldashev S.M.¹, Nurahmetova G.G.², Zhanshuakova G.N.³

¹candidate of jurisprudence, associate professor, e-mail: Sarsengaly.Aldashev@kaznu.kz

²candidate of jurisprudence, associate professor, e-mail: Gulmyra.Nurahmetova@kaznu.kz

³2nd year master student, e-mail: zhan07_g@hotmail.com

department of civil law and civil procedure, labor law,
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

The meaning of mergers and acquisitions in labor law

This article examines a new term for the Kazakh companies called mergers and acquisitions. Many resources and managers say that mergers and acquisitions help to increase market efficiency by capturing the interaction between the firms. However, the seizures are also imposed on external factors (both positive and negative) on the other firms in different industries. This article describes a new concept of equilibrium, intended to explain and predict the absorption in this situation in the different sectors in Kazakhstan's entities. As this article has shown the reorganization of our domestic and foreign enterprise. At the time of the mergers and acquisitions, studies show only the positive aspects for our country. Nevertheless, the experiment can be compared this term that does not only bring the benefits to all commercial entities. In this paper, we also consider that large enterprises in Kazakhstan in various sectors, such as: oil and gas, mining and financial sectors that showing big interest to this concept. This shows that our country can lift the economy through such reorganizations.

Key words: mergers, acquisitions, reorganizations, commercial entities, foreign entities.

Алдашев С.М.¹, Нурахметова Г.Г.², Жаншуакова Г.Н.³

¹з.ғ.к., доцент, e-mail: Sarsengaly.Aldashev@kaznu.kz

²з.ғ.к., доцент, e-mail: Gulmyra.Nurahmetova@kaznu.kz

³2-курс магистранты, e-mail: zhan07_g@hotmail.com

азаматтық құқық және азаматтық процесс, еңбек құқығы кафедрасы,
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Қосылу және біріктірудің азаматтық құқықтағы мағынасы

Бұл мақалада қазақстандық заңды тұлғалар үшін қосылу және біріктіру деген жаңа ұғымды қарастырады. Көптеген ресурстар мен фирмалардың басқарушылары арасындағы өзара бір түсінік, ол іс-қимылды сақтау арқылы қоғамдағы заңды тұлғалардың тиімділігін арттыру деп есептеледі. Сондай-ақ әр түрлі салаларындағы басқа фирмалар (оң және теріс) сыртқы факторларға жүктейді. Бұл мақалада Қазақстанда түрлі секторларындағы жағдайдың сіңуін түсіндіруге және болжауға арналған тепе-теңдік жаңа тұжырымдамасын сипаттайды. Сондықтан да, қазіргі уақытта қосылу және бірігу ұғымы көптеген Қазақстандағы заңды тұлғалар үшін өте маңызды. Сондай-ақ біздің отандық және шетелдік кәсіпорын қайта ұйымдастыруындағы біздің отандық кәсіпорындарға оң септігі қарастырады. Бұл дегеніміз, шетелдік заңды тұлғалардың қазақстандық заңды тұлғаларға деген көзқарасын өзгерткені көрінеді. Қосылу және жұтылу терминін зерттеулер уақытында біздің елімізге тигізіп жатқан тек оң аспектілерін ғана аңғарамыз. Бұл мақалада сонымен қатар бұл терминге үлкен қызығушылық танытып отырған біраз салаларды қарастырады, олар: мұнай және газ, тау-кен және қаржы секторлары. Бұл біздің елімізде осындай қайта ұйымдастыру арқылы экономиканы көтеруге болады деп біраз болжам жасалынған.

Түйін сөздер: қосылу, жұтылу, қайта ұйымдастыру, коммерциялық заңды тұлға, шет елдік заңды тұлға.

Слияния и присоединение являются одними из наиболее эффективных способов ускорить реализацию плана. Компании во всех отраслях промышленности росли очень быстро, отчасти из-за агрессивной стратегии слияния и присоединения. Влияние технологий и Интернета лишь еще больше увеличили темп и размер сделок. Покупатели всех форм и размеров имеют многие из тех же стратегических целей, в числе которых построить долгосрочную акционерную стоимость и воспользоваться синергией. Это значит, что объединенные фирмы будут создавать свои специфические задачи своих отраслей.

С юридической точки зрения, слияние является юридическим объединением двух субъектов в одно целое, в то время как приобретение происходит, когда один субъект становится владельцем акций, долей участия или активов другого субъекта. С коммерческой и экономической точек зрения, оба вида сделок, как правило, приводят к консолидации активов и обязательств в рамках одного юридического лица. Сделка юридически структурирована, как слияние, может иметь эффект размещения бизнеса одной из сторон под косвенные собственности акционеров другого участника, в то время как сделка юридически структурирована как приобретение может дать акционерам каждой из сторон частичное владение и контроль над объединенной компанией. Сделка может быть эвфемизмом и

называться «слияние равных», если оба руководителя соглашаются, что, объединяясь в интересах обеих своих компаний, в то время, когда сделка недружественным образом (то есть, когда управление целевой компании выступает против сделки) может рассматриваться как «присоединение».

Корпоративные приобретения можно охарактеризовать для юридических целей либо как «покупки активов», где продавец продает бизнес-активы, или «долевые покупки», где покупатель приобретает доли участия в приобретаемой компании из одного или нескольких продающих акционеров. Покупки активов являются общими в технологических операциях, где покупатель наиболее заинтересован, в частности, в праве на интеллектуальную собственность, но не хочет иметь обязательства или другие договорные отношения. Структура покупки активов также может быть использована, когда покупатель хочет купить конкретный отдел или подразделение компании, которое не является самостоятельным юридическим лицом. Существуют многочисленные проблемы, специфические для данного вида сделки, в том числе выделения конкретных активов и обязательств, которые относятся к блоку определения, зависит ли блок услуг от других подразделений компании, занимающейся продажей, переноса сотрудников, переноса разрешения и лицензия, а также обеспечение того, чтобы

продавец не конкурировал с покупателем в той же сфере бизнеса в будущем.

Структурирование продажи в трудном финансовом положении компании однозначно сложно из-за стремления недопущения конкуренции фактов, консультационных соглашений, а также деловой репутации в таких сделках.

Слияния, покупки активов и покупки справедливости облагаются налогом по-разному, и наиболее выгодная структура для целей налогообложения является весьма ситуационно-зависимой. Одна гибридная форма, которая часто используется для целей налогообложения, – треугольное слияние, где целевая компания сливается с подставной компанией полностью, которая принадлежит покупателю, таким образом, став дочерним предприятием покупателя.

В «прямом треугольном слиянии» покупатель приводит к целевой компании, чтобы объединить дочерние компании; «обратное треугольное слияние» аналогично за исключением того, что дочерняя компания сливается с целевой компанией.

Так же хотелось бы предоставить пять наиболее распространенных способов оценить бизнес, которыми являются:

- оценка активов,
- оценка исторических доходов,
- будущая оценка обслуживаемой прибыли,
- сравнительная оценка (сравнимых компаний и сопоставимых сделок),
- оценка дисконтированных денежных потоков (DCF).

Профессионалы, которые оценивают предприятия, как правило, не используют только один из этих методов, а сочетание нескольких упомянутых выше, а также, возможно, других, которые не упомянуты выше, для того, чтобы получить более точное значение. Информация, содержащаяся в отчете баланса или дохода, получается одним из трех бухгалтерских мер: примечание для читателя, обзор боевых действий или аудита.

Объективно оценивая историческую и предполагаемую производительность бизнеса, можно выявить проблему, с которой сталкиваются многие. Как правило, стороны полагаются на независимых третьих сторон для проведения исследований, в результате комплексного обследования или оценки бизнеса. Для того, чтобы дать максимальную отдачу от оценки бизнеса, цели должны быть четко определены и правильные ресурсы должны быть выбраны для проведения оценки в имеющихся временных рамках.

В синергии это играет большую роль в оценке приобретений, она имеет первостепенное значение для получения значения синергии правых. Синергизм отличается от «цены продажи» оценки фирмы, так как они будут начисляться покупателю. Таким образом, анализ должен быть сделан с точки зрения приобретающей фирмы. Синергия – это процесс создания инвестиций, запускается по выбору приобретателем, и поэтому он не является обязательным, что делает их по существу реальным.

Термины «слияние» и «присоединение» часто путаются и используются как взаимозаменяемые термины в бизнесе финансовыми руководителями. На первый взгляд кажется, что это схожие значения: две компании (или более), которые имели отдельную собственность, а теперь работают совместно, как правило, чтобы получить некоторые стратегические или финансовые цели. Тем не менее, стратегическое, финансовое, налоговое и даже культурное воздействие сделки может быть очень разным, в зависимости от того, как структурирована сделка. Слияние компаний относится к двум присоединенным компаниям (как правило, путем обмена акций), чтобы стать одним юридическим лицом. Присоединение происходит, когда покупатель одной компании покупает активы или акции другой компании, заплатив наличными или другими активными ценностями.

В случае сделки купли-продажи акции не обязательно, чтобы они объединились с существующей компанией покупателя. Они могут существовать отдельно в качестве нового дочернего или операционного подразделения. В сделке покупки активов они должны быть переданы продавцом покупателю с дополнительными активами компании покупателя, с надеждой и ожиданием того, что стоимость приобретенных активов со временем повысится в результате стратегических или финансовых сделок для выгоды.

Слияние и присоединение на практике в развивающихся странах отличается от более развитых, хотя управление транзакциями и инструменты оценки имеют общую базовую методологию. В Китае, Индии или Бразилии, например, различия оказывают влияние на формирование цен на активы и на структурирование сделок. Рентабельность ожидания, а также риск представленной учетной ставки должны быть правильно отрегулированы. С точки зрения слияния и присоединения, различия между менее и более развитой экономикой включают в себя следующие факто-

ры: а) менее развитая система прав собственности, б) менее надежная финансовая информация, в) культурные различия в переговорах, г) более высокая степень конкуренции за лучшие цели.

Международная политическая и экономическая среда продолжает существенно влиять на рынок слияния и присоединения в Казахстане. Такие факторы, как резкое падение цен на нефть, высокая инфляция и дальнейшая девальвация казахстанского тенге, препятствовали восстановлению инвестиционной деятельности, входящих сделок и возрождению интереса иностранных инвестиций. Банковский сектор по-прежнему сталкивается с трудностями доступа к иностранному финансированию. Это не оставляет практически места для приобретения долей заемных средств. Эти факторы, общая неопределенность в отношении возможности дальнейших санкций или их отмены, а также вектор развития политической напряженности неизбежно повлияли на доверие инвесторов в регионе.

Как отражение законодательной офшорной тенденции, некоторые из отечественной транзакционной активности в 2015 году в связи с реструктуризацией казахстанских групп, с целью перемещения холдинги казахстанских активов из иностранных юрисдикций в Казахстан. Хотя некоторые из таких сделок участвуют в передаче права собственности над многомиллиардными долларовыми активами, не все из них будут отражены в общедоступных статистических данных.

Недвижимость и строительство остаются наиболее активными секторами. Другими активными секторами являются энергетика, транспорт и финансы. В прошлом году заметно было также некоторое увеличение активности в инновационном и технологическом секторах. Сельское хозяйство является одним из секторов, который также продемонстрировал ускоренную активность слияния и присоединения, которая иллюстрирует заявленный переход фокуса государственной политики к поэтапному отказу от импорта. По данным KPMG, в Казахстане инновации в технологический сектор привлекли наибольшую долю выездного слияния и присоединения, движимый частных инвесторов, которые составляли большую часть сделок в этом секторе.

Учитывая значительную долю нефтегазового сектора в казахстанской экономике, падение цен на нефть вызвало снижение в ряде других секторов, от производства оборудования для секторов недвижимости до развития услуги. Тем

не менее, аналитики считают, что цены на нефть имели большое влияние в конце 2014 и начале 2015 гг. на предприятия, адаптированные к новой реальности, и, следовательно, падение в слияния и присоединение рынка не был столь драматичным, как в предыдущий период. Можно ожидать, что девальвация казахстанского тенге привела к потере финансовых ресурсов, необходимых для сделок слияния и присоединения, что может иметь дальнейшее серьезное влияние на снижение активности слияния и присоединения в Казахстане в недавнем будущем.

Слияния и присоединение представляют интересные направления для изучения различных аспектов корпоративных финансов, корпоративного управления, управленческого поведения и реагирования рынка. В этой статье мы рассмотрим, в каком качестве и количестве используется данный термин в Казахстане. Процессы слияния и присоединения становятся более динамичными в Казахстане и показали значительные изменения с точки зрения качества и количества за прошедший год. Тенденция является важным показателем развития отраслевых рынков и является отражением текущих процессов.

На данный момент одной из главных особенностей слияния и присоединения в Казахстане является то, что это в основном частный рынок сделки. Слияния и присоединение являются редкими и большинство из сделок структурированы куплей-продажей акций. В течение многих лет другой основной особенностью слияния и присоединения было то, что предпочтительным способом структурирования сделок было за счет иностранных холдингов и иностранных совместных предприятий. Более благоприятный налоговый режим в некоторых иностранных юрисдикциях была одной из причин такого предпочтения. Другие важные причины, стоящие за ней, были возможность выбора иностранного права в качестве регулирующего закона документации сделки, а также возможность применения международного признанных правовых документов, разработанных в иностранных юрисдикциях. До недавнего времени казахстанский закон не предлагал эффективных инструментов риска распределения важнейших для сделок слияния и присоединения.

При использовании казахстанского законодательства в слиянии и присоединении активность была ограничена в основном для малого и среднего размера сделок, где не требуется применение сложных современных правовых механизмов. Было бы справедливо отметить, что,

как дело с практикой прошлых лет, в более существенных сделках участники рынка предпочитали структурировать сделки таким образом, что это позволило бы применение иностранного права. Различные источники в юридическом сообществе дают различные оценки, но все согласны с тем, что в последние несколько лет процент слияния и присоединения сделок с участием казахстанских активов, которые регулируются законодательством Республики Казахстан, был гораздо ниже, чем есть сейчас.

При этом надо признать, что Казахстане заметен огромный прогресс в последние годы. Это показывают крупные организации Казахстана, которые составляют значительную часть Казахстанской экономики при слиянии с иностранными крупными организациями. Так же они часто оказываются ограничены в своих вариантах в связи с политикой казахстанского правительства и ограничительных санкций.

Как говорилось ранее, мы рассмотрим слияние и присоединение в разных лидирующих отраслях в Казахстане и сравним их с менее лидирующими разделами бизнеса. Так как название слияние и присоединение является не таким уж и развитым в нашей стране, многие развивающиеся компании не стараются использовать данный термин, опасаясь потерять акции. Большая часть слияния и присоединения была в нефтегазовой отрасли, финансовой и горнодобывающей и металлургической промышленности. Общая стоимость сделок слияний и поглощений в каждом секторе превысила \$ 1 млрд, на данный момент это один из высоких показателей, что горно-металлургическая отрасль достигла такого результата. Во всех остальных секторах бизнеса активность слияния и присоединения не была такой значительно высокой, часто они даже и не превышали чем \$ 200 млн.

Если мы сравним слияния и присоединения в США, то увидим, что по сравнению в 2015 годом от общего внутреннего рынка слияния и присоединения в 2016 году доля увеличилась на 12%. Трансграничные приобретения казахстанскими компаниями являются наиболее ярким выражением этой тенденции. Казахстанские компании инвестировали около \$ 7 млрд в трансграничные поглощения, это в 6,2 раза больше, чем в 2014 году. Большая часть этого была в нефтегазовой отрасли. Такие показатели изменили статус самой большой нефтекомпании Центральной Азии КазМунайГаз. За ним следуют горнодобывающая и металлургическая промышленности на сумму более \$ 1 млрд.

Это показывает, что отечественные компании в настоящее время объединили усилия в борьбе за сырьевые ресурсы во всем мире. Тенденция в финансовом секторе со стоимостью около \$ 300-400 показывает, что ситуация осталась на уровне, насколько были заинтересованы иностранные присоединения казахстанских банков.

Иностранное приобретение казахстанских компаний снизилось до \$ 3,7 млрд. В отличие от ранних лет. Снижение доли нефтегазовой отрасли было частично компенсировано значительным увеличением активности в финансовом секторе. Основной сделкой последних лет для экономического роста Казахстана было присоединение АТФ Банка с итальянской UniCredit. Несмотря на нестабильность международных финансовых рынков, сектор продолжает привлекать иностранные банки. В последнее время многие австралийские и российские банки проявляют интерес к казахстанскому рынку. Также надо отметить, что многие иностранные финансовые учреждения имеют большой интерес к казахстанской, чем наши финансовые учреждения к зарубежным.

Горнодобывающие и металлургические промышленности также представляют большой интерес. Иностранцы инвесторы также заинтересованы в средствах массовой информации и теле- и радиовещания бизнеса.

Нестабильность на мировом рынке прямо или косвенно влияет на развитие казахстанского бизнеса. В этой ситуации игроки вынуждены брать определенный тайм-аут для того, чтобы скорректировать свою стратегию и провести переоценку факторов роста и риска. Трудности, которые возникают, должны выступать в качестве стимула для казахстанских юридических лиц в поисках новых торговых точек и рычагов развития. Инвесторы должны искать новые направления для своих капиталовложений. Это означает, в первую очередь, что приобретения реальных активов, металлов, горнодобывающей и нефтяной промышленности остаются весьма привлекательными.

Крупные промышленные гиганты обладают значительными финансовыми ресурсами и капитализацией, что позволит им приобретать зарубежные активы как за счет собственных средств, так и за счет кредитов. Государство снова обещает стать главным игроком в нефтяной и газовой промышленности в виде КазМунайГаза или ее дочерних структур. Как и прежде, государство намерено усилить свою роль в стратегических секторах экономики. Если нефтяная и газовая

промышленности уже продемонстрировали это, то, возможно, создание национальной горнодобывающей компании указывает на активизацию этого процесса в горнодобывающей и металлургической промышленности.

Высокий уровень рентабельности в горнодобывающей и металлургической промышленности, наряду с ростом цен на все базовые металлы и сырье, делает этот сектор особенно привлекательным для сделок слияния и присоединения. Общая стоимость сделок слияний и присоединения в этом секторе показала наибольший рост среди главных рынков, что в восемь раз превышает показатель за 2016 год.

Среди наиболее заметных сделок в горнодобывающей и металлургической промышленности Казахстана стало приобретение 10% акций Казатомпрома компанией Westinghouse, 77% которой принадлежат Toshiba. Американская дочка японского промышленного гиганта специализируется на строительстве атомных электростанций и контролирует свыше 50% мирового рынка атомных реакторов. Сумма сделки составила \$ 540 млн. Важность сделки по казахстанской компании заключается в возможности получить доступ к технологиям и мировым рынкам сбыта ядерного топлива. С точки зрения стратегического и политического значения, предполагается продолжить движение на рынок для производства замкнутого цикла товаров и, как следствие, снизить технологическую и производственную зависимость от России. Думаю, что наша страна имеет большие возможности и перспективы для того, чтобы самостоятельно расширить свои горизонты в этом новом термине слияния и присоединения. Ведь, слияния и присоединения имеют мотивы реорганизации коммерческих юридических лиц на территории РК и за пределами.

Как я упоминала ранее, наиболее важными для казахстанской экономики и развития термина «слияние и присоединение» являются нефтегазовые отрасли нашей страны. Ведь наше законодательство не запрещает реорганизовываться с зарубежными коммерческими юридическими лицами. Принимая во внимание, что конкуренция между странами за энергоресурсы стала намного жестче, сделки в таких сферах деятельности имеют стратегическое значение для Казахстана. Высокая рентабельность и благоприятные рыночные условия делают Европейский нефтеперерабатывающий сектор слияния и присоединения очень привлекательным, и именно поэтому крупная нефтяная компания Казах-

стана КазМунайГаз часто делает попытки для иностранного приобретения.

Интерес к нефтяным активам со стороны иностранных инвесторов, в частности, на китайском и русском языках, указывает на то, что имеет дело с другими иностранными компаниями, контролирующими нефтегазовые активы в Казахстане и, вероятно, в центральноазиатском регионе.

Финансовый сектор, который страдает от плохой текущей ситуации на мировых рынках, выглядит очень перспективным с точки зрения процессов слияния и присоединения. Вполне естественно, что в свете нынешней ситуации казахстанские банки могут быть недооцененными, но добавление иностранных стратегических инвесторов из числа крупных финансовых институтов, наименее пострадавших от проблем, связанных с суб-стандартных ипотечных кредитов увеличит шансы развития на банковские учреждения за счет расширения фондируемой возможности.

Ссылаясь на показатели в данной статье, можно догадаться, что показатель применения термина слияния и присоединения на данный момент положительный для нашей страны. В этой статье так же рассмотрено, что данные на основе учета и событий исследований неоднозначны. В то время как некоторые предполагают, что слияния и присоединение приводят к созданию благосостояния акционеров, другие утверждают, что слияния и поглощения не приводят к созданию благосостояния акционеров. Но большинство исследований показывают, что слияния и присоединение не приводят к созданию богатства акционеров. Существует необходимость в проведении дальнейших исследований, которые будут определять более адекватные методы изучения слияний и присоединения.

Предполагается, что различные точки зрения, которые поддерживают или выступают против слияния и присоединения, будут составлять основу, на которых будет проводиться данное исследование. Думаю, что отрицательная сторона данного исследования в нашей стране может возникнуть только по той причине, что наши предприятия еще не готовы реорганизовываться с другими. Как мы уже отметили ранее, только большие предприятия реорганизовываются с другими лидирующими компаниями мира, так как у них больше возможности. Но это так же не говорит о том, что малые предприятия нашей страны не могут позволить себе слиться и присоединиться с другими, но надо учитывать, что у них станет больше риска.

Заключая данную статью я бы хотела отметить что, слияния и присоединения могут быть одними из тех лидирующих секторов для того, чтобы поднять экономику нашей страны. Ведь многие компании считают, что лучший способ выйти вперед, чтобы расширить границы владения за счет слияний и присоединения. Для других, отделяя государственную собственность дочернего или бизнес-сегмента, предлагается больше преимуществ. По крайней мере в теории слияния компаний создаются синергия и экономия за счет эффекта масштаба, расшире-

ния операций и сокращения расходов. Многие инвесторы утешаются тем, что слияние усилит рыночную власть. Нашим казахстанским владельцам предприятия и инвесторам необходимо учитывать сложные вопросы, связанные со слиянием и присоединением. Самая полезная форма структуры капитала включает в себя полный анализ затрат и выгод, связанных со сделками. Думаю, что слияния и присоединения позволят нашим казахстанским предприятиям расширить свои горизонты в разных секторах, благодаря данному термину.

Литература

- 1 Aldabergenova B. (2007), Mergers and acquisitions in Kazakhstan [Sliyanie i prisoedinenie v Kazakhstane]
- 2 Berezina UG, (2011), Mergers and acquisitions as a consolidating shape reorganization of legal entities: historica-legal and modern aspects [Sliyanie i prisoedinenie kak konsolidiruiushie formy uridicheskikh lic: istorika-pravovoi i sovremennye aspekty] #2.
- 3 “Deloitte Kazakhstan” Internet website, (2016), “Mergers and acquisitions in the global chemicals industry expected to continue strong momentum in 2016”. <https://www2.deloitte.com/kz/en/pages/about-deloitte/articles/m-and-a-global-chemicals-industry-outlook-2016-pr.html>
- 4 Gabov AV, Jan.(2016), Formation of the bodies of the company, created as a result of reorganization in the form of merger [Formirovanie organov akcionernogo onshestva, sozdavaemogo v rezyltate reorganizacii v forme sliyaniya] page 10-11.
- 5 “Global Legal Insights” Internet magazin, (2016), “Mergers and acquisitions 2016, 5th Edition” <http://www.globallegalinsights.com/practice-areas/mergers-and-acquisitions/global-legal-insights---mergers-and-acquisitions-5th-ed/russia>
- 6 “Kazakhstan Business magazin” Internet magazin, Jan.(2008), “Mergers and Acquisitions. What Kazakhstan Sold over Six Months”. <http://investkz.com/en/journals/58/500.html>
- 7 “Kazakhstan Business magazin” Internet magazin, Jan.(2008), “The Mergers and Acquisitions Market: M&A Kazakh Style”. <http://www.investkz.com/en/journals/55/462.html>

4-бөлім
**ТАБИҒИ РЕСУРСТАР ЖӘНЕ
ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ҚҰҚЫҚ**

Раздел 4
**ПРИРОДОРЕСУРСОВОЕ
И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО**

Section 4
**NATURAL RESOURCES
AND ECOLOGY LAW**

Ускеленова А.Т.¹, Айгаринова Г.Т.², Шадиев К.Х.³

¹д.э.н., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Казахстан, г. Астана, e-mail: assol_74_leo@mail.ru

²к.ю.н., доцент кафедры Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: gulnar_80@mail.ru

³к.э.н., Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: shadiev@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ АПК И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА
В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ**

В статье рассмотрены особенности аграрной политики в различных развитых странах (США, Японии, Австралии, Новой Зеландии) и на их фоне раскрываются проблемы, указывающие на низкий уровень конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции на внутреннем рынке Казахстана: неразвитость инфраструктуры АПК, мелкотоварность сельхозпроизводства, износ основных средств, малоэффективное использование земельных ресурсов, слабая продуктивность животноводческого сектора и другие. Приведены объемы производства некоторых видов сельхозпродукции в сравнении с другими развитыми странами. Рассмотрены формы реализации политики государственного регулирования развития АПК в Казахстане. Представлены ключевые инновационные методы государственной поддержки сельского хозяйства Республики Казахстан в государственных программах по развитию АПК, в частности в Программе по развитию агропромышленного комплекса в Республике Казахстан на 2013-2020 годы «Агробизнес – 2020». Высказана необходимость пересмотра приоритетов аграрной политики посредством приведения её в соответствие с общемировой практикой, где ключевым принципом станет обеспечение равных конкурентных условий для всех субъектов сельхозпроизводства с соблюдением принципов справедливости и равнодоступности мер государственной поддержки. Указана необходимость переосмысления роли крестьянских (фермерских) хозяйств и создания условий для их становления и поступательного развития.

Ключевые слова: аграрная политика, конкурентоспособность сельхозпродукции, государственная поддержка сельского хозяйства, продовольственная безопасность, региональная политика, зерновой рынок, диверсификация зернопроизводства.

Uskelenova A.T.¹, Ajarinova G.T.², Shadiyev K.Kh.³

¹Doctor of Economic Sciences L.N. Gumilyov Eurasian national university,
Astana, Kazakhstan, e-mail: assol_74_leo@mail.ru

²candidate of jurisprudence, associate professor of al-Farabi KazNU,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: gulnar_80@mail.ru

³Candidate of Economic Sciences, Kazakh National Pedagogical University named after Abai,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: shadiev@mail.ru

**Problems of the AIC and ways to improve agrarian policy
of Kazakhstan in conditions of integration**

The article deals with the peculiarities of agrarian policy in various developed countries (USA, Japan, Australia, New Zealand) and on their background problems are revealed that indicate the low level of competitiveness of agricultural products in the domestic market of Kazakhstan: underdeveloped infrastructure of the agroindustrial complex, small-scale agricultural production, depreciation of fixed assets, inefficient use of land resources, poor productivity of the livestock sector, and others. The volumes of

production of some types of agricultural products are compared with other developed countries. The forms of implementing the policy of state regulation of the agro-industrial development complex in Kazakhstan are considered. Key innovative methods of state support for agriculture of the Republic of Kazakhstan in government programs for the development of the agroindustrial complex are presented, in particular, in the Program for the Development of the Agro-Industrial Complex in the Republic of Kazakhstan for 2013–2020 “Agrobusiness 2020”. The necessity of revising the priorities of the agrarian policy by bringing it into the line with the worldwide practice, where the key principles will be to ensure equal competitive conditions for all subjects of agricultural production, observing the principles of fairness and equal access to government support measures. The necessity of rethinking the role of peasant (farm) economies and creating the conditions for their formation and progressive development is indicated.

Key words: agrarian policy, competitiveness of agricultural products, state support of agriculture, food security, regional policy, grain market, diversification of grain production.

Ускеленова А.Т.¹, Айгаринова Г.Т.², Шадиев К.Х.³

¹Э.ғ.д., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Қазақстан, Астана қ., e-mail: assol_74_leo@mail.ru

²Э.ғ.к., Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің доценті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: gulnar_80@mail.ru

³Э.ғ.к., Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: shadiev@mail.ru

АӨК мәселелері және интеграция тұрғысынан Қазақстанның аграрлық саясатын жетілдіру жолдары

Мақалада түрлі дамыған елдердегі (АҚШ, Жапония, Австралия, Жаңа Зеландия) аграрлық саясаттың ерекшеліктері қарастырылған және олардың ішкі мәселелері бойынша Қазақстанның ішкі нарығындағы ауылшаруашылық өнімдерінің бәсекеге қабілеттілігінің төмен деңгейі көрсетілген: агроөнеркәсіп кешені инфрақұрылымының дамымағандығы, ауыл шаруашылығындағы өнімнің шағын өндірісі, негізгі құралдардың құнсыздануы, жер ресурстарын тиімсіз пайдаланылуы, мал шаруашылығы секторының төмен өнімділігі және т.б. өзге дамыған елдермен салыстырғанда кейбір ауыл шаруашылығы өнімдері түрлерінің өндіріс көлемі келтірілген. Қазақстанда АӨК дамытудағы мемлекеттік реттеу саясатын іске асырудың нысандары қарастырылған. Агроөнеркәсіптік кешенді дамытудың мемлекеттік бағдарламаларында Қазақстан Республикасының ауыл шаруашылығындағы мемлекеттік қолдаудың негізгі инновациялық әдістері ұсынылған, атап айтқанда 2013-2020 жылдарға арналған «Агробизнес-2020» Қазақстан Республикасындағы Агроөнеркәсіптік кешенді дамыту бағдарламасы. Аграрлық саясаттың басымдықтарын әлемдік тәжірибеге сәйкестендіру жолымен қайта қарау қажеттігі туралы айтылады, онда негізгі қағидаттар әділеттілік қағидаттарына және мемлекеттік қолдау шараларына тең қол жеткізуді қамтамасыз ете отырып, ауыл шаруашылығы өндірісінің барлық субъектілері үшін тең бәсекелестік жағдайларды қамтамасыз ету болып табылады. Шаруа (фермер) шаруашылықтарының рөлін қайта қарау және оларды қалыптастыру мен прогрессивті дамуы үшін жағдайлар жасау қажеттілігі көрсетілген.

Түйін сөздер: аграрлық саясат, ауыл шаруашылығы өнімдерінің бәсекеге қабілеттілігі, мемлекеттің ауыл шаруашылығы секторын қолдауы, азық-түлік қауіпсіздігі, аймақтық саясат, астық нарығы, астық өндірісін әртарапандыру.

Введение

Новые тенденции мировой аграрной экономики и демографии, региональные интеграционные процессы, происходящие глобальные климатические изменения, создание Таможенного союза и вхождение Казахстана во Всемирную торговую организацию предопределяют необходимость переосмысления государственных подходов в реализации аграрной политики. Аграрная политика направлена на динамичное и эффективное развитие не только сельскохозяй-

ственного производства и отраслей агробизнеса, но и обеспечение жизненного уровня населения и общественного процесса в стране. Роль сельского хозяйства для обеспечения страны продовольствием, роста занятости населения и экономического развития республики неоднократно подчеркивалась в Посланиях Президента РК Н.А.Назарбаева народу Казахстана.

Реформирование аграрного сектора и его государственное регулирование являются ключевыми факторами формирования рыночного механизма АПК. Однако анализ рыночных пре-

образований в сельском хозяйстве показывает, что лишь малая часть сельхозпроизводителей вышла на путь устойчивого экономического развития, используя факторы предпринимательской активности, территориальное расположение или высокий уровень почвенно-климатических факторов. При этом необходимо помнить о базовых принципах формирования теорий государственного регулирования сельского хозяйства.

Материал и методы

Методологическим основанием исследования послужили такие методы научного познания как метод анализа рядов динамики, графический метод и метод теоретического обобщения. С помощью абсолютных и относительных показателей проанализирована и выявлена тенденции влияние трёх экономических центров – Северной Америки, Западной Европы и Азии.

Результаты и обсуждение

Аграрная политика в различных странах имеет особенности в постановке ее целей и методов осуществления стратегических задач. Развитые страны являются основной группой стран в мировом хозяйстве. Они занимают доминирующее положение и в мировой агропродовольственной системе. На их долю приходится свыше 60% мирового производства и потребления сельскохозяйственной продукции, а также большая часть мировой торговли и международного движения капитала. Сельское хозяйство сохраняет роль одной из ведущих отраслей материального производства развитых стран. На современном этапе в сельском хозяйстве развитых странах произошел переход аграрного производства на машинную стадию развития. Для аграрного сектора характерно широкое внедрение достижений НТП, который сопровождается перестройкой материально-технической базы сельского хозяйства, комплексной механизацией и автоматизацией аграрного производства. Характерно усиление концентрации и кооперации аграрного производства.

Однако со второй половины 90-х годов в мире наметилась устойчивая тенденция к сокращению удельного веса развитых стран в мировой агропродовольственной системе по причине высоких темпов развития аграрного сектора в ряде развивающихся стран, особенно Китая и Индии. Практически во всех развитых странах наблюдается снижение доли сельского хозяйства в ВВП

и она колеблется в пределах 3-10%, доля занятых в аграрном секторе тоже невысока – 3-5%.

В мировом сельском хозяйстве, как и в мировой экономике в целом, особенно сильно прослеживается влияние трёх экономических центров – Северной Америки, Западной Европы и Азии.

Особую роль в развитии сельского хозяйства в развитых странах играет аграрная политика государства, которая представляет собой совокупность мероприятий экономического, социального, законодательного характера, осуществляемых государством с целью изменения положения агросектора и занятых в нём людей.

В целом аграрная политика развитых стран основывается на создании и поддержании максимально благоприятных условий для развития сельскохозяйственного производства. Это отрабатанная система государственных правовых и экономических гарантий: субсидии, дотации, кредиты в рамках государственных программ на развитие малого и среднего бизнеса, ценовая политика, стимулирование кооперации, развитая система материально-технического обеспечения, переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции. Аграрная политика в развитых странах характеризуется следующими особенностями:

- преемственность и непрерывность совершенствования аграрной политики;
- продуманность и многовариантность;
- системный научный подход к решению проблем;
- многолетняя практическая апробация государственных мероприятий;
- гласность и открытость;
- полное финансовое обеспечение принятых государственных программ;
- одновременное решение экологических проблем.

Тем не менее, в различных развитых странах аграрная политика имеет свои особенности.

В США на всех этапах формирования АПК создаются предпосылки для его успешного развития. Одной из важных черт является детальный анализ и продуманность внедряемых мероприятий. Любые формы государственного вмешательства не должны сдерживать развитие АПК, а наоборот, способствовать его развитию. Характерной особенностью государственной аграрной политики является всесторонняя поддержка фермерских хозяйств, поддержание социальной стабильности в обществе.

В Японии сельскохозяйственные производители являются наиболее защищенными со

стороны государства. Наблюдаются самые крупные бюджетные ассигнования из всех развитых стран.

Для Австралии и Новой Зеландии характерны наименьшая степень государственного вмешательства. Аграрная политика направлена на самостоятельность развития сельского хозяйства. Государством поддерживаются только четкие проекты по повышению эффективности работы фермерских хозяйств, а также те хозяйства, которые сильно пострадали в результате стихийных бедствий и неблагоприятных природно-климатических обстоятельств:

- кооперирование отраслей сельскохозяйственного комплекса;
- внедрение современных технологий;
- обучение кадров методам современного аграрного производства;
- установление баланса цен на продукцию промышленности, перерабатывающих производств и сельского хозяйства;
- снижение учетных ставок на кредитование;
- оказание поддержки в привлечении инвесторов и создание фонда государственного инвестирования;
- закупки продовольственной продукции в государственный резерв;
- передача социальной сферы органам сельского самоуправления и развитие этой сферы;
- предоставление налоговых льгот.

Изучение опыта фермерских хозяйств США показало, что крупное фермерское производство значительно эффективнее, чем мелкое. Мелкие фермерские хозяйства составляют 72% всех фермеров США и производят 10% дохода, а 28% крупных фермеров – 90% дохода. При этом мелкие фермеры используют в 4 раза больше земельных ресурсов и основных средств и в 7 раз больше рабочей силы. У мелких фермеров недостаточно финансовых ресурсов для внедрения передовых и инновационных технологий. Низкая конкурентоспособность мелких фермеров по сравнению с крупными часто приводит к их банкротству. Изучение опыта США позволило проанализировать последствия поспешной приватизации и пойти по пути создания крупного сельскохозяйственного производства, что было особенно важно в условиях дефицита финансовых, трудовых и технических ресурсов.

Глобальный финансовый кризис помешал выполнению задач аграрной политики. В посткризисный период разработан ряд законодательных актов, направленных на развитие фундаментальной науки и прикладных исследований

в сфере агропромышленного комплекса, регулирование рынка, развитие различных отраслей сельскохозяйственного производства, разработку стратегии его обеспечения современными технологиями.

Сельское хозяйство РК интегрировалось в мировые рынки продовольствия и активно участвует в формировании торгового баланса. Однако необходимо подчеркнуть, что, несмотря на положительную тенденцию развития сельского хозяйства, доля аграрного сектора в ВВП республики в объеме 5,1% явно недостаточна для решения продовольственной безопасности страны. В связи с низким уровнем конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции на внутреннем рынке страны сохраняется высокая доля импорта основных продуктов питания.

Важным фактором успешного вступления Казахстана в ВТО является повышение общего уровня конкурентоспособности экономики республики, в том числе аграрного ее сектора. За период независимости РК в АПК страны достигнуты значительные результаты: наблюдается постоянный рост производства на базе рыночных отношений, увеличиваются продуктивность и производительность труда, производятся обновление основных фондов и восстановление инфраструктуры отрасли, достигнута самообеспеченность по основным продуктам питания, произошел значительный рост экспорта зерновых, масличных культур, продукции рыболовства.

Доля сельскохозяйственного производства в объеме валового внутреннего продукта страны в последние 5 лет находится в диапазоне 6-8%. В 2016 г рост валовой продукции сельского хозяйства составил 5,5% за счет увеличения производства продукции растениеводства на 7,8%. Выпуск продукции животноводства вырос на 2,7%. Также выросло производство продуктов питания – на 3,9%.

Сельское хозяйство традиционно играет важную роль в Казахстане. В сельской местности проживает порядка 43% населения республики. Около 18% от всего экономически активного населения страны занято в сельском, лесном и рыбном хозяйстве. В сельском хозяйстве наблюдается существенный рост инвестиций (*на 46,7%, до 252,9 млрд. тенге*).

Экспорт сельскохозяйственной продукции из Казахстана показывает положительную динамику. Так, за счет девальвации в 2015 году доля сельского хозяйства в общем объеме экспорта выросла до 27%. Казахстан вносит зна-

чимый вклад в обеспечение мировой продовольственной безопасности. Страна занимает лидирующие позиции в мире по производству и экспорту пшеницы. По международным оценкам, в 2016-2017 годах производство зерновых культур в стране оценивается на уровне 18,5 млн. тонн.

Уникальное географическое расположение и наличие разных климатических зон создают благоприятные условия для всестороннего развития агропромышленного комплекса страны. Казахстан занимает девятое место в мире по территории (2 724 902 км²) и посевные площади под сельскохозяйственные культуры в республике составляют на конец 2015 года 21022,9 тыс. гектар.

Разработан стратегический план Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан на 2014-2018 годы. Согласно этому плану в Казахстане создаются условия для повышения конкурентоспособности агропромышленного комплекса, устойчивого развития водного, лесного хозяйств и животного мира путем эффективного формирования и реализации государственной политики. Реализуется программа по развитию агропромышленного комплекса в Республике Казахстан на 2013-2020 годы (Агробизнес 2020). Правительством республики принимаются соответствующие меры по повышению конкурентоспособности аграрного сектора страны.

По итогам деятельности сельскохозяйственной отрасли Казахстана за 6 месяцев 2016 года валовый выпуск продукции (услуг) сельского хозяйства в целом по республике составил 794,0 млрд. тенге, что выше уровня соответствующего периода предыдущего года на 2,7%. Рост объема производства продукции сельского хозяйства обусловлен увеличением стоимости продукции растениеводства на 1,5% и продукции животноводства – на 2,7%. За шесть месяцев 2016 года в основной капитал сельского хозяйства было направлено 96 284 453 тыс. тенге или почти на 50 % больше в сравнении с аналогичным периодом прошлого года. Вместе с тем в сельскохозяйственной отрасли Казахстана наблюдается отток иностранных капиталовложений. Так, за анализируемый период отток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из агропромышленного комплекса республики составил 3,3 млн. долл. США.

Показатели животноводства в целом демонстрируют стабильную динамику. На 1 июля 2016 г. по сравнению с аналогичной датой прошлого года во всех категориях хозяйств числен-

ность лошадей увеличилась на 7,1 % и составила 2474,5 тыс. голов, крупного рогатого скота – соответственно на 2,7% и 7 617,5 тыс. голов; верблюдов – на 2,6% и 195,5 тыс. голов; овец – на 1,2% и 20,9 млн. голов; свиней – на 2,8% и 1017,8 тыс. голов. поголовье коз уменьшилось на 2,1% и составило 3112,7 тыс. голов, птицы – соответственно на 4,6% и 38,5 млн. голов.

Увеличение выпуска сельскохозяйственной продукции отмечается в большинстве регионов Казахстана. Так, объемы производства сельскохозяйственной продукции в январе – июне 2016 года по сравнению с аналогичным периодом 2015 года выросли в 12 регионах республики. Лидерами по данному показателю являются Восточно-Казахстанская, Западно-Казахстанская и Алматинская области. Вместе с тем, спад производства сельскохозяйственной продукции отмечен в Павлодарской (-0,9%) и Мангистауской (-22,1%) областях [4].

Однако, несмотря на это, проблем в сельском хозяйстве не становится меньше. Сохраняются проблемы недоиспользования бюджетных средств, выделяемых для внедрения передовых технологий в сельскохозяйственное производство. До сих пор не были достигнуты объемы производства сельхозпродукции дореформенного советского периода (таблица 1).

Каковы проблемы агросферы РК в настоящее время?

1. Незрелость инфраструктуры АПК.

Главной проблемой зернового рынка страны остается нехватка мощностей для хранения зерна. Все крупные элеваторы введены в эксплуатацию до 1991 года. Сегодня в основном строятся мини-комплексы, которые способны вместить до 30 тыс. тонн зерна.

В 2011 г. был небывало большой урожай зерна. Сравнить можно только с советским периодом. Однако для фермеров это был «праздник со слезами на глазах», так как возникла большая проблема с хранением урожая. Выращенный хлеб оставляли гнить на токах и открытых площадках. Цена за тонну пшеницы упала до 10 тыс. тенге, а многие крестьянские хозяйства попросту разорились. Решением проблемы могло стать только развитие отечественной мукомольной промышленности и новые рынки сбыта зерна.

Но для того, чтобы Казахстану экспортировать зерно и муку, необходимо иметь отлаженную транспортную систему. По данным АО «НК «Қазақстан Темір Жолы», инвентарный парк

зерновозов в республике в настоящее время составляет 5,2 тыс. единиц вагонов, из которых лишь чуть более 4000 отвечают всем требова-

ниям. При этом потребность в зерновозах в Казахстане ежегодно исчисляется 9-10,5 тысячами единиц [6].

Таблица 1 – Объемы производства сельхозпродукции

Вид продукции	Годы		
	1990	2012	2016*
Зерновые и бобовые культуры (тыс. тонн)	28 487.7	12 864.8	23698,6*
Сахарная свекла (тыс. тонн)	1 043.7	151.6	
КРС (тыс. голов)	9 757.2	5 690.0	6481,3*
Овцы и козы (тыс. голов)	35 660.5	17 633.3	19194,8*
Свиньи (тыс. голов)	3 223.8	1 031.6	1 017,8
Птица (млн. голов)	59.9	33.5	39022,4*
Мясо (тыс. тонн)	2 633.7	1 637.0	817,2*
Молоко (тыс. тонн)	5 641.6	4 851.6	4979,6*

Примечание – составлено по данным Агентства РК по статистике [4]
*составлено по данным за 11 месяцев 2016 г. [5]

Инвесторы будут больше вкладывать денег в наше сельское хозяйство, убедившись в том, что в Казахстане нет проблем с инфраструктурой и транспортировкой. А это, в свою очередь, положительно скажется на экономике страны в целом.

2. Диверсификация зернопроизводства.

Проблемы монокультурной направленности зерновой отрасли ставят задачу: диверсифицировать растениеводство или нет. Минсельхоз предлагает выращивать больше кормовых культур, масличных и т.д. Однако в стране не хватает предприятий по переработке масличных и других видов культур, нет зарубежного рынка сбыта, отсутствует достаточное количество специальной техники и удобрений.

3. Проблемы животноводства.

В советский период Казахстану принадлежал статус одной из основных животноводческих республик, на чью долю приходилось порядка 20% от общего объема выпускаемой продукции. В последние годы происходит немалый процесс сокращения объемов продукции животноводства. По данным Агентства РК по статистике, в октябре 2011 года в Казахстане по сравнению с 2010 годом допущено сокращение поголовья крупного рогатого скота более чем на 7%.

Последние 4 года в среднем на 2,5% снижается и объем производства молока [6].

В январе-декабре 2012 года объем выпущенной сельхозпродукции был на 17,8% меньше, чем в аналогичном периоде 2011 года [4].

В животноводстве объем выпущенной продукции составил 1,016 триллиона тенге (снижение на 3,9%), в растениеводстве – 917,6 миллиарда тенге (снижение на 27,7%).

По состоянию на 1 января 2013 года по сравнению с аналогичной датой 2012 года поголовье крупного рогатого скота снизилось на 0,6% (до 5,7 миллиона голов), овец – на 1,1% (15,3 миллиона голов), коз – на 2,4% (2,6 миллиона), свиней – на 12,3% (1,1 миллиона голов), верблюдов – на 0,4% (172,6 тысячи голов) [4].

Несмотря на снижение основных показателей животноводства, Президент страны Н.Назарбаев обозначил сельхозпроизводителям задачу – к 2016 году поставить на экспорт свыше 60 тыс. тонн мяса, а к 2020 году – 180 тысяч тонн.

Для сравнения, в 2011 году Казахстан смог экспортировать только 300 тонн мяса. Напрашивается вопрос: каким образом Казахстан будет наращивать свой мясной потенциал за такой короткий срок, если все, на что нас хватило за 20 лет независимости – это в 600 раз сократить экспорт мяса? Даже по самым скромным подсчетам, на то, чтобы выйти на намеченный уровень, казахстанскому животноводству нужно как минимум лет 8 кропотливой работы. А если учитывать тот факт, что мы даже внутреннюю

потребность в мясе не покрываем полностью, а вынуждены завозить его из Аргентины и других стран, то Казахстану может потребоваться и десятилетие [6].

В настоящее время в стране невозможно производство мяса в промышленных масштабах, так как основной скот сосредоточен в домашних хозяйствах.

Причинами слабой продуктивности животноводства Казахстана являются низкая доля племенного поголовья, дефицит качественных кормов, несоответствующие условия содержания. В связи с тем, что большая часть поголовья

сосредоточена в хозяйствах населения, отрасли животноводства присущи такие характеристики, как низкий генетический потенциал животных и связанные с этим низкая продуктивность, отсутствие использования современных технологий содержания, кормления и других технологий, обеспечивающих продуктивность и качество продукции, недостаточны ветеринарные мероприятия и уход за здоровьем животных. Некоторые сравнительные показатели продуктивности животноводства отдельных стран, на фоне которых Казахстан выглядит не в лучшем свете, приведены на рисунке 1.

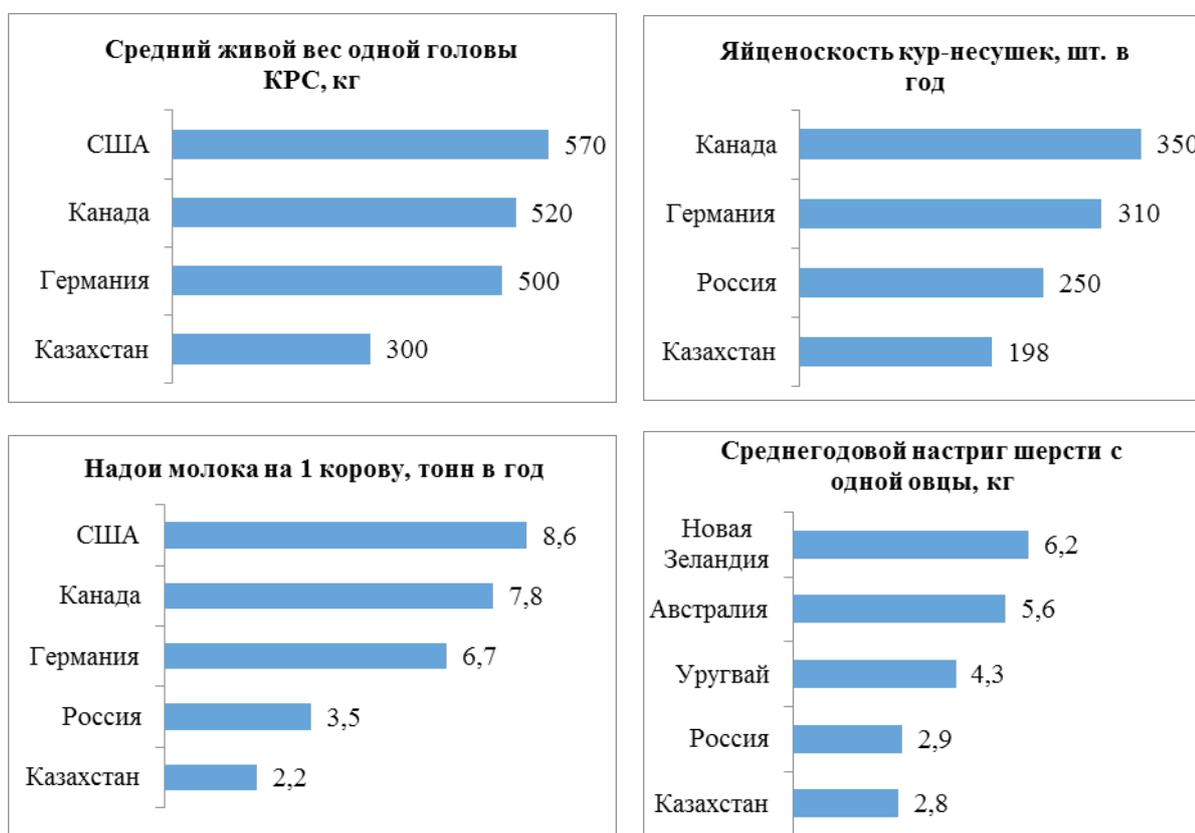

Рисунок 1 – Показатели продуктивности животноводства

В результате проводимой аграрной политики доля импорта в потреблении продуктов в Казахстане остается очень высокой (таблица 2).

4. Износ основного капитала.

По информации МСХ республика обеспечена достаточным количеством сельхозтехники для проведения сезонных сельскохозяйственных работ. Однако на практике наблюдается большой дисбаланс потенциала сельского хозяйства

с уровнем технической обеспеченности АПК страны.

Существующий парк сельхозтехники имеет износ в пределах 87%, что отрицательно влияет на сроки и качество проведения сельскохозяйственных работ [6]. Основной проблемой в части обновления сельхозтехники для СХТП является недоступность действующих программ лизинга, отсутствие собственного произ-

водства сельхозтехники (имеющееся сборочное производство не покрывает потребности в сельхозтехнике).

5. Эффективное использование земельных ресурсов.

По поручению Президента РК была начата инвентаризация сельскохозяйственных угодий. Срок инвентаризации – 2012-2014 годы.

Территория Республики Казахстан составляет 272,49 млн.га, из них площадь сельскохозяйственных угодий составляет 222,24 млн.га. В целом, по стране 40% общей площади сельско-

хозяйственных угодий, или 91 млн.га, вовлечены в сельскохозяйственный оборот. В 2012 году инвентаризация была проведена на площади более 31 млн.га. Инвентаризацией охвачена 1/3 часть территории всех регионов [8].

В ходе инвентаризации выявлено 7 тыс. неиспользуемых земельных участков сельхозназначения на площади более 3 млн.га, из которых 400 тыс. составляют пашни [18].

Таким образом, десятки тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий не используются по назначению.

Таблица 2 – Доля импорта в потреблении продуктов в Казахстане в среднем за 2009-2011 гг., тыс. тонн [7]

Продукт	Импорт	Потребление	Доля импорта в потреблении
Зерно	110,0	11 973,7	0,92%
Продукты переработки зерна	43,8	1 989,8	2,20%
Рыба и рыбопродукты	67,2	88,7	75,72%
Яйца и яйцепродукты, млн. штук	33,4	3 565,5	0,94%
Молоко и молочные продукты	870,6	5 756,8	15,12%
Мясо и мясопродукты	209,2	1 122,2	18,64%
Овощи, бахчевые культуры и продукты их переработки	193,2	3 169,0	6,10%
Семена подсолнечника	28,7	316,4	9,06%
Растительное масло и маслосодержащие продукты	165,4	342,3	48,33%
Сахарная свекла	0,0	173,6	0,00%
Картофель и продукты его переработки	145,3	2 518,7	5,77%
Фрукты, виноград и продукты их переработки	573,6	678,3	84,57%

6. Мелкотоварность сельхозпроизводства.

Основной объем сельхозпродукции производится разрозненными домашними или мелкими крестьянскими хозяйствами. Основными производителями всех видов мяса по-прежнему являются хозяйства населения, в которых содержится 82,4% голов крупного рогатого скота, 70,2% овец и коз, 78,6% свиней, 72% лошадей и 47,6% птицы. Однако мировая практика показывает большую эффективность крупных сельхозформирований. Из-за своей разрозненности и мелкотоварности крестьяне не имеют доступа к государственным субсидиям и другим формам господдержки, не могут внедрять инновационные технологии и т.д.

Однако фермеры не торопятся объединяться в более крупные формирования из-за несовершенства налогообложения. Если крестьянское хозяйство облагается одним земельным

налогом размером в 0,1 кадастровой стоимости земли как физическое лицо, то при кооперации и образовании юридического лица налоги возрастают в несколько раз. В настоящее время крестьянские хозяйства несут налоговую нагрузку намного меньше сельхозформирований – юридических лиц, что уже приводит к созданию крестьянских хозяйств вокруг некоторых сельхозформирований и к уклонению от уплаты налогов.

7. Урожайность сельхозкультур.

В сравнении с мировыми показателями урожайность по основным культурам в Казахстане находится на низком уровне (рисунок 2).

Таким образом, проблема повышения урожайности становится во главу угла.

8. Развитие тепличного хозяйства.

За период с 1970 по 1990 год в целом по Казахстану было построено более 150 гектаров

блочных теплиц голландской конструкции. Во всех областях республики имелись тепличные комбинаты площадью от 6 до 30 гектаров. С развалом СССР строительство теплиц было прекращено, а из ранее существовавших осталось порядка 30 гектаров [9]. Остальные теплицы по ряду причин пришли в негодность и были демонтированы, что сказалось на производстве овощной продукции в несезонное время.

К 2010 году в Казахстане функционировало 19 теплиц и около 1 тыс. парников, дающих всего 3% плодовоовощной продукции от обще-

го объема. Для сравнения: в России в теплицах производится 5,4% овощей и фруктов, в Польше – около 8%. В Казахстане до 70% овощей выращивается в домашних хозяйствах [9]. По этой причине ранней весной Казахстан осуществляет массовые закупки овощей в Китае, Кыргызстане и Узбекистане. Такая ситуация устраивала власти до финансового кризиса. Во время кризиса они были вынуждены проанализировать некоторые факторы роста инфляции в стране. Высокие цены на ранние овощи как раз и стали одним из таких факторов.

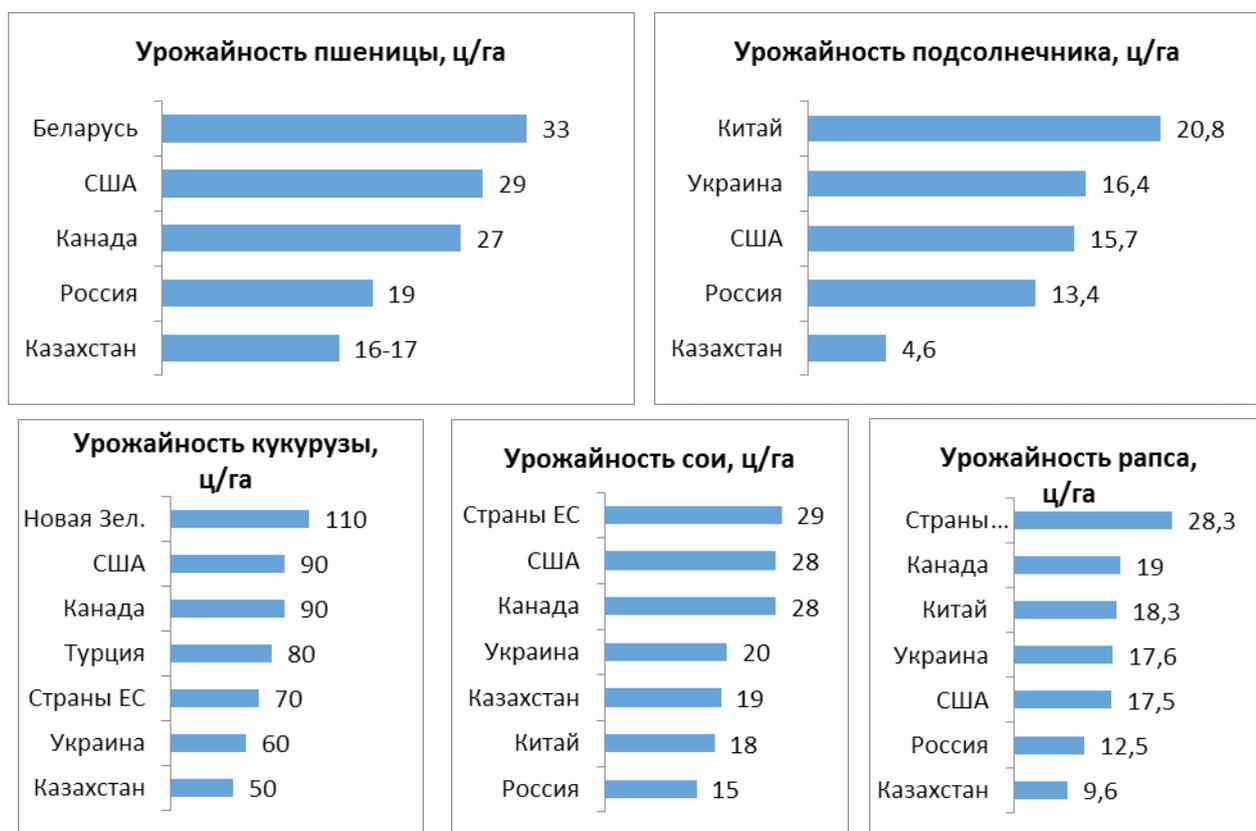

Рисунок 2 – Сравнение урожайности основных с-х культур, ц/га [7]

Казахстанская продукция теплиц в ценовом отношении неконкурентоспособна из-за высоких тарифов на тепло и свет. Так, еще летом 2009 года высокотехнологичная теплица в ЮКО, специализирующаяся на томатах, вырастила очень дорогую продукцию: себестоимость 1 кг томатов составила 120 тенге. Директор ТОО «Азия-Трейд-1» (который управлял теплицей) М.Снабаев сослался на дороговизну газа. Только за 1 день его сжигали на 40-50 тыс. тенге [9].

9. Качество продовольственной продукции РК
 Казахстанская продукция с маркой соответствия государственному общесоюзному стандарту, устанавливаемому государством, ушла с витрин, потому что производить качественный продукт стало чересчур затратным делом из-за постоянно растущей стоимости сырья, запросов чиновников и т.д. В настоящее время купить качественную тушенку казахстанского производства, которая отвечает нормам государственного

стандарта качества, достаточно сложно, тогда как в советские годы петропавловскую тушенку ели даже в Германии. Такая же ситуация и с колбасами, сырами, макаронами и другими продуктами. Отметим, что государственный стандарт на продукты питания существует и их никто не отменял, но многие товаропроизводители во имя сиюминутной прибыли игнорируют их соблюдение, что сказывается на качестве продуктов, а иногда и на здоровье потребителей, не говоря уже о конкурентоспособности выпускаемой продукции.

Возникает вопрос об эффективности аграрной политики в Казахстане, если Казахстан за 20 лет не достиг уровня 1990 года.

В данной связи необходимо представить анализ и особенности функционирующего государственного регулирования агропромышленного комплекса Казахстана.

В настоящий момент политика государственного регулирования развития АПК реализуется в следующих формах:

1) предоставление различных форм государственной поддержки среди субъектов АПК в форме субсидий, государственных закупок и т.д.;

2) применение финансовых инструментов, поддерживающих условия для обновления основных производственных средств – парка сельскохозяйственной техники, оборудования, поголовья скота;

3) обеспечение доступности финансово-кредитных инструментов для субъектов АПК;

4) создание необходимых условий для привлечения инвестиций в проекты развития АПК;

5) поддержка экспорта продукции;

6) оказание государственных услуг в сфере ветеринарной и фитосанитарной безопасности;

7) сохранение и развитие инфраструктуры, необходимой для развития АПК РК, – транспортной, водной, хранения, переработки и пр.;

8) развитие отраслевой науки и распространение агротехнологических знаний;

9) контроль над расходованием бюджетных средств.

В Казахстане доминируют в основном денежные и финансовые инструменты поддержки. Структура бюджетных средств, выделенных на развитие АПК в 2007 – 2011 годы, представлена в таблице 3.

Имеющаяся ситуация в аграрной политике не в полной мере учитывает интересы малого и среднего сельского бизнеса, не отвечает ожиданиям сельского населения, а главное – не спо-

собствует динамичному развитию аграрного сектора экономики. Всемирная поддержка крупнотоварных производств является просчетом государственной аграрной политики в Казахстане, так как в большинстве своем крестьянские (фермерские) хозяйства по своей природе мелкотоварны (за исключением зернового производства). Это подтверждается тем, что на крупный сельский бизнес приходится 86% всех средств, выделяемых на финансирование сельского хозяйства из различных источников, тогда как на мелкий и средний – только 14%. Именно мелкие и средние хозяйства, а также личные подсобные хозяйства населения обеспечивают продовольственную безопасность страны, поставляя на стол казахстанцев основную массу овощебахчевой, плодово-ягодной, масличной и мясомолочной продукции. Кроме того, на малый и средний агробизнес приходится преобладающая доля производства кормов, хлопка, табака, шерсти и кожсырья. Об этом свидетельствует статистика, и это необходимо не только признать, но и учитывать при разработке и реализации аграрной политики.

Таблица 3 – Денежные и финансовые инструменты поддержки АПК

Направление финансирования	Доля, %
Субсидии	28
Кредиты	20
Инвестиции и инвестиционные проекты	30
Услуги для растениеводства, животноводства и переработки	20
НИОКР и консультации	2
Итого	100
Примечание: составлено автором по данным [

В странах, где приоритет мелкотоварному производству сочетается с высокой эффективностью труда фермеров, существует феномен перепроизводства. У нас же совершенно иная ситуация – основных видов сельскохозяйственного сырья не хватает, производительность труда – чрезвычайно низкая. В связи с этим многие отечественные предприятия пищевой и обрабатывающей промышленности работают в режиме неполной загрузки мощностей. Некоторые из них простаивают либо работают на импортируемых мясе, сухом молоке, концентрате плодово-овощных культур.

Сдерживающим фактором развития сельского хозяйства в стране является чрезмерная бюрократизация процессов по оформлению и выдаче кредитов на нужды агробизнеса. Институты «КазАгро» (АКК, КАФ, ФФП, «Продкорпорация», «КазАгроГарант», «Казагрооним»), призванные облегчить доступ сельских товаропроизводителей к финансовым ресурсам и средствам мер господдержки, вместо либерализации условий и механизмов их предоставления в последние годы значительно их ужесточили [11].

Развитие сельскохозяйственной отрасли национальной экономики происходит благодаря государственной поддержке и закрытости по многим позициям для иностранной конкуренции. Данная тенденция из года в год была относительно стабильной. Однако со вступлением во Всемирную торговую организацию аграрный сектор становится практически открыт для развитых стран мира, где огромные средства, выделяемые на поддержку агросферы, позволяют значительно снизить цены на сельхозпродукцию. Так, например, в 2000 году почти вся поддержка сельского хозяйства в рамках ВТО была распределена между производителями сельхозтоваров стран Европейского союза (39%), США (36%) и Японии (15%). На эти страны приходится более 90% от объема субсидий всех участников ВТО, а удельный вес государственной поддержки в валовом выпуске сельского хозяйства составлял более 36% в ЕС, в Японии – почти 37% и в США 39% [12]. В таких условиях Казахстану необходимо усовершенствовать механизм государственной поддержки АПК в направлении введения инновационных методов.

Вступление Казахстана в Таможенный союз и в ВТО ставит отечественное сельское хозяйство в более жесткие условия конкуренции как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Одним из важнейших факторов конкурентоспособности национального аграрного производства является его научная обеспеченность. Устойчивое развитие агропродовольственного рынка может быть достигнуто лишь на основе инновационного развития.

Развитие АПК Казахстана в современных условиях невозможно без международного сотрудничества, которое осуществляется по нескольким направлениям. Это, в первую очередь, совместные исследования с зарубежными научно-исследовательскими организациями, повышение квалификации и подготовка кадров в зарубежных центрах, использование исходных

материалов зарубежной селекции для создания новых сортов и пород животных, гибридов сельскохозяйственных культур с учетом адаптации их к условиям Казахстана.

При вступлении Казахстана в Таможенный союз уровень господдержки сельскохозяйственной отрасли нужно поднять до 10% от стоимости валовой продукции сельхозпроизводства [13].

Отметим, что в периоды депрессии экономика восприимчива к инновациям. Депрессия заставляет искать возможности для выживания, а инновационный процесс может их предоставить. Впервые этот факт установил немецкий исследователь Герхардт Менш и назвал его «триггерным эффектом депрессии», имея в виду, что депрессия запускает инновационный процесс [14]. Согласно данной теории успех государственной инновационной политики зависит от способности правительства предвидеть и содействовать инновационному процессу в периоды депрессии и оживления. В 2008 году создано АО «КазАгроИнновация» – структура, обладающая сильным научным интеллектуальным потенциалом, располагающая необходимой научно-исследовательской и опытно-экспериментальной инфраструктурой для научного обеспечения развития АПК. В составе компании 23 научно-исследовательских организации с 26 филиалами, 14 опытных хозяйств и 6 специализированных центров.

В системе «КазАгроИнновации» в разных регионах Казахстана действует 8 центров по распространению знаний на базе научно-исследовательских институтов. Это способствует внедрению научных разработок в сельское хозяйство и сферу переработки, повышению конкурентоспособности отечественного агропромышленного производства [15].

Акционерным обществом «КазАгроИнновация» создана соответствующая нормативная база, подписан 31 меморандум с международными центрами, зарубежными академиями аграрных наук и научно-исследовательскими организациями. Научно-исследовательские организации активно взаимодействуют с 37 НИО Российской Федерации. Приняты соглашения для углубления научной кооперации и интеграции с НИО России и Белоруссии в рамках Таможенного союза.

Стратегическими зарубежными партнерами Казахстана являются такие организации, как Консультативная группа международных сельскохозяйственных исследований (КГМСХИ), объединяющая четырнадцать научных центров

разных направлений, Международный центр сельскохозяйственных исследований в засушливых зонах – ИКАРДА, Международный центр улучшения пшеницы и кукурузы – СИММИТ, Международный институт генетических ресурсов растений – IPGRI, Международный центр картофелеводства – СР, Всемирный центр овощеводства (АЦИРО), Австралийский центр функциональной геномики растений и др.

В отрасли животноводства осуществляется сотрудничество с Национальным центром сельскохозяйственных исследований Франции – ИНРА. На уровне ДНК определяется продуктивность, создаются новые породы животных, адаптированные к казахстанским условиям.

Ведется работа по созданию казахстанско-израильского фонда по аграрным исследованиям. Основное направление работы фонда – это проведение совместных исследований и продвижение прогрессивных технологий в сферу агроиндустрии, в том числе передовых систем орошения в сельском хозяйстве.

Согласно правилам ВТО, обязательства в области сельского хозяйства стран, вступающих в ВТО, охватывают внутреннюю поддержку, доступ на рынок и экспортные субсидии, при этом налоговые льготы не рассматриваются как субсидии.

В силу объективных особенностей сельскохозяйственное производство нуждается в разнообразных мерах государственной поддержки, что является общепринятым в аграрной политике стран-членов ВТО.

Присоединение к ВТО имеет как положительные стороны, так и негативные последствия.

К положительным моментам присоединения к ВТО следует отнести приведение норм национального законодательства, регулирующих внешнеторговую деятельность, в соответствие с международными требованиями, что обеспечивает стабильные и предсказуемые условия деятельности экспортерам и импортерам сельскохозяйственной продукции.

Благодаря внедрению цивилизованных рыночных отношений в агропромышленном комплексе улучшится инвестиционный климат, что будет способствовать притоку инвестиций, внедрению новых технологий. Необходимо помнить, что инновации обеспечивают значительный прирост экономики, если они проникают во многие ее сферы и являются универсальными. К. Фридмен писал: «Задача разумной экономической и социальной политики состоит в том, чтобы найти пути для стимулирования

технических нововведений, сочетать их соответствующими социальными переменами и сократить тем самым продолжительность депрессии» [16].

Снижение таможенных пошлин, устранение различных торговых барьеров обеспечивает поступление дешевых импортных товаров. Казахстан, как и любая страна, разрабатывает свою систему поддержки сельхозпроизводства, главное, чтобы эта поддержка стимулировала производителей, повышала продуктивность земледелия и животноводства, стимулировала экспорт собственной продукции.

Анализ современных тенденций развития ведущих в аграрном отношении стран показал, что дальнейшее развитие АПК Казахстана должно ориентироваться на повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции за счет повышения эффективности государственной поддержки и создания равных благоприятных условий для развития агробизнеса.

Ключевые инновационные методы государственной поддержки сельского хозяйства Республики Казахстан представлены в государственных программах по развитию АПК. Так, в Программе по развитию агропромышленного комплекса в РК на 2013-2020 годы (Агробизнес-2020) планируется не только увеличение бюджетных расходов на поддержку АПК, но и целый ряд новых механизмов поддержки. В целом предусматривается внедрение шести финансовых инструментов поддержки сельхозпроизводителей: это инвестиционные субсидии, гарантирование займов субъектов АПК, фондирование банков второго уровня, субсидирование ставки вознаграждения будет расширено на лизинг сельхозтехники, субсидии на консультационные затраты, маркетинг и внедрение научно-исследовательских и конструкторских разработок [7].

Инновационной формой господдержки сельхозпроизводителей являются инвестиционные субсидии, которые будут достигать 30 % от стоимости проектов [7]. Государственные инвестиции в АПК должны стать основой его инновационного развития, источником роста материально-технической оснащенности отрасли, т.е. источником роста средств производства как государственной, так и частной собственности (а также на условиях государственно-частного партнерства).

Инвестиционная субсидия – это субсидия, предоставляемая правительством компании, для того чтобы поощрить ее, сделать капитальные

вложения в машины, оборудование, производственные здания и т.д. [17].

Инвестиционная субсидия – это новый для Казахстана инструмент, однако он давно апробирован в странах Западной Европы и СНГ.

Важность такого инструмента, особенно для фермеров, занимающихся таким сложным производством как молочное скотоводство, не вызывает сомнений.

В период фазы инвестирования программы по выделению денежных субсидий окупаемость прямых капиталовложений осуществляется путем предоставления безвозмездных грантов. После запуска проекта в действие программы субсидий, связанного с трудоустройством, компаниям оказывают поддержку на всех этапах привлечения рабочей силы. Научно-исследовательская деятельность получает поддержку сразу в рамках нескольких программ [18].

Согласно программе «Агробизнес-2020» в Республике Казахстан для снижения капиталоемкости и сроков окупаемости инвестиционных проектов будет внедрена государственная поддержка в виде частичной компенсации расходов (строительно-монтажные работы, приобретение оборудования, сельскохозяйственной и специальной техники) при инвестиционных вложениях, направленных на создание новых либо расширение действующих производственных мощностей в приоритетных отраслях АПК [7]. Это будет важным инструментом для активного стимулирования субъектов сельского хозяйства к реализации инвестиционных проектов в приоритетных отраслях агропромышленного комплекса РК.

Новой формой субсидирования, внедряемой в Казахстане, является субсидирование расходов на страхование и гарантирование займов для субъектов АПК. Несмотря на то, что в соответствии с правилами Национального банка любой банк второго уровня вправе выдать кредит в случае предоставления заемщиком страхового сертификата страховой компании рейтингом не ниже ВВ-, из-за больших рисков в сельскохозяйственной сфере и чрезмерно большой процентной ставке этот механизм почти не работает. Поэтому в программе «Агробизнес-2020» планируется установить размер субсидий в 15 %, эта ставка будет постепенно снижаться по мере развития страхового рынка [7].

В рамках программы «Агробизнес-2020» Министерством сельского хозяйства РК плани-

руется субсидировать затраты перерабатывающих предприятий на закуп сырья для производства белого сахара, сухого молока, сливочного масла и сыров. Эта мера позволит к 2015 году увеличить объем валового сбора сахарной свеклы с 368 тыс. тонн до 488 тыс. тонн, сохранить более 20,0 тысяч рабочих мест, повысить конкурентоспособность и сократить долю импорта во внутреннем потреблении. В рамках программы планируется увеличить объемы производства конкурентоспособной молочной продукции почти в 2 раза, что, в свою очередь, снизит импортозависимость по продуктам глубокой переработки молока и соответственно сократит долю импорта во внутреннем потреблении на 15% [7].

Таким образом, накопленный мировой опыт позволяет реализовывать в Казахстане новые инновационные программы субсидирования сельского хозяйства и смежных с ним отраслей, что позволит отечественным фермерам с меньшими потерями включиться в процесс интеграции в рамках ВТО.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, обозначим ключевой вывод о том, что необходимо пересмотреть приоритеты аграрной политики посредством приведения её в соответствие с общемировой практикой, где ключевым принципом станет обеспечение равных конкурентных условий для всех субъектов сельхозпроизводства с соблюдением принципов справедливости и равнодоступности мер государственной поддержки. Следует также переосмыслить роль крестьянских (фермерских) хозяйств и создать условия для их становления и поступательного развития. Фермеры с их бизнес-интересами и мотивациями к высокопроизводительному труду при надлежащей государственной поддержке способны реально обеспечить выполнение намеченных целей и темпов развития сельского хозяйства.

В рамках новой Программы развития агропромышленного комплекса страны до 2020 года будет начата масштабная модернизация сельского хозяйства, направленная на повышение конкурентоспособности аграрного сектора и развитие сельской экономики [19]. Реализация программы позволит агропромышленному комплексу страны с меньшими издержками включиться в интеграционный процесс в рамках Таможенного союза и Всемирной торговой организации.

Литература

- 1 Развитие страны в МСХ. – [электронный ресурс]: <http://konspekts.ru/>
- 2 Электронный ресурс: <http://worldofeconomy.ru/>
- 3 Краткий обзор сельскохозяйственной отрасли Казахстана по итогам 6 месяцев 2016г., Электронный ресурс: <http://rfcaratings.kz/wp-content/uploads/2015/11/Obzor-selskohozyajstvennoj-otrasli-RK-po-itogam-6-mesyatsev-2016-goda.pdf>
- 4 Агентство РК по статистике. – [электронный ресурс]: <http://stat.gov.kz/>
- 5 Данные за 11 месяцев 2016 г. – Доклад Мырзахметова А.И. «Об итогах социально-экономического развития АПК Республики Казахстан за 11 месяцев 2016 года» www.minagri.gov.kz.
- 6 Абилямжинов К. Казахстан: 20 лет галопом или утиным шагом? – [электронный ресурс]: <http://kazakh-zerno.kz/>
- 7 Программа по развитию агропромышленного комплекса в Республике Казахстан на 2013-2020 годы «Агробизнес – 2020». – [электронный ресурс]: <http://minagri.gov.kz/>
- 8 На заседании Правительства РК рассмотрены итоги инвентаризации сельскохозяйственных угодий в 2012 году. – [электронный ресурс]: <http://www.nomad.su/>
- 9 О некоторых странностях битвы за ранние овощи. – [электронный ресурс]: <http://kapital.kz/>
- 10 Государственная поддержка в животноводстве. Данные МСХ РК, 2012г. [электронный ресурс]: <http://minagri.gov.kz/>
- 11 Ауезхан Даринов, президент РФО «Союз фермеров Казахстана». Фермеров Казахстана не устраивает государственная аграрная политика // [электронный ресурс]: <http://meta.kz/>
- 12 Абдимолдаева Н.Л. Поддержка сельского хозяйства в странах-членах ВТО и интеграция аграрных рынков стран Таможенного союза в мировую экономическую систему // Евразийская экономическая интеграция. – №2 (7), май 2010. – С. 61-72.
- 13 Новости 10 июня 2010. Алматы. Круглый стол по вопросам деятельности ТС. Business Resource. – [электронный ресурс]: <http://www.cear.kz/index>
- 14 Mensch G. Stalemate in Technology – Innovations overcame the Depression. – New York: Ballinger Publishing Company, 1979.
- 15 АО «Казагроинновация». – [электронный ресурс]: <http://www.agroinnovations.kz>.
- 16 Freeman C. Technical Innovation Diffusion and Long Cycles of Economics Development // The Long-Wave Debate. – Berlin
- 17 Словари и энциклопедии на Академике. – [электронный ресурс]: www.dic.academic.ru
- 18 Субсидии в Германии – поддержка вашего инвестиционного проекта. -[электронный ресурс]: www.gtai.de
- 19 Послание Главы государства народу Казахстана от 14 декабря 2012 года «Стратегия «Казахстан-2050». – [электронный ресурс]: <http://el.kz/>

References

- 1 Razvitye strany v MSH. – [jelektronnyj resurs]: <http://konspekts.ru/>
- 2 Jelektronnyj resurs: <http://worldofeconomy.ru/>
- 3 Kratkij obzor sel'skohozyajstvennoj otrasli Kazahstana po itogam 6 mesjacev 2016 g., Jelektronnyj resurs: <http://rfcaratings.kz/wp-content/uploads/2015/11/Obzor-selskohozyajstvennoj-otrasli-RK-po-itogam-6-mesyatsev-2016-goda.pdf>
- 4 Agentstvo RK po statistike. – [jelektronnyj resurs]: <http://stat.gov.kz/>
- 5 Dannye za 11 mesjacev 2016 g. – Doklad Myrzahmetova A.I. «Ob itogah social'no-jekonomicheskogo razvitija APK Respubliki Kazahstan za 11 mesjacev 2016 goda» www.minagri.gov.kz.
- 6 Abil'mazhinov K. Kazahstan: 20 let galopom ili utinym shagom? – [jelektronnyj resurs]: <http://kazakh-zerno.kz/>
- 7 Programma po razvitiju agropromyshlennogo kompleksa v Respublike Kazahstan na 2013-2020 gody «Agrobiznes – 2020». – [jelektronnyj resurs]: <http://minagri.gov.kz/>
- 8 Na zasedanii Pravitel'stva RK rassmotreny itogi inventarizacii sel'skohozyajstvennyh ugodij v 2012 godu. – [jelektronnyj resurs]: <http://www.nomad.su/>
- 9 O nekotoryh strannostyah bitvy za rannie ovoshhi. – [jelektronnyj resurs]: <http://kapital.kz/>
- 10 Gosudarstvennaja podderzhka v zhivotnovodstve. Dannye MSH RK, 2012g. [jelektronnyj resurs]: <http://minagri.gov.kz/>
- 11 Auezhan Darinov, prezident RFO «Sojuz fermerov Kazahstana». Fermerov Kazahstana ne ustraivaet gosudarstvennaja agrarnaja politika // [jelektronnyj resurs]: <http://meta.kz/>
- 12 Abdimoldaeva N.L. Podderzhka sel'skogo hozjajstva v stranah-chlenah VTO i integracija agrarnyh rynkov stran Tamozhenogo sojuza v mirovuju jekonomicheskiju sistemu. – Evrazijskaja jekonomicheskaja integracija, №2 (7), maj 2010, s. 61-72

- 13 Novosti 10 ijunja 2010. Almaty. Kruglyj stol po voprosam dejatel'nosti TS. Business Resource. – [jelektronnyj resurs]: <http://www.cear.kz/index>
- 14 Mensch G. Stalemate in Technology – Innovations overcame the Depression – New York: Ballinger Publishing Company, 1979
- 15 АО «Kazagroinnovacija». – [jelektronnyj resurs]: <http://www.agroinnovations.kz>.
- 16 Freeman C. Technical Innovation Diffusion and Long Cycles of Economics Development // The Long-Wave Debate. – Berlin
- 17 Slovarei i jenciklopedii na Akademike. – [jelektronnyj resurs]: www.dic.academic.ru
- 18 Subsidii v Germanii – podderzhka vashego investicionnogo proekta. -[jelektronnyj resurs]: www.gtai.de
- 19 Poslanie Glavy gosudarstva narodu Kazahstana ot 14 dekabnja 2012 goda «Strategija «Kazahstan-2050». – [jelektronnyj resurs]: <http://el.kz/>

5-бөлім
**ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ
КРИМИНАЛИСТИКА**

Раздел 5
**УГОЛОВНОЕ ПРАВО
И КРИМИНАЛИСТИКА**

Section 5
**CRIMINAL LAW AND
CRIMINALISTICS**

Маликова Ш.Б.¹, Омарова А.Б.², Маликов Д.Б.³

¹ к.ю.н., доцент, e-mail: Sholpan.Malikova@kaznu.kz

² к.ю.н., профессор, e-mail: omar_17@mail.ru

³ преподаватель, e-mail: Dauren.Malikov@kaznu.kz

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В СФЕРЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ: ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В настоящей статье исследованы проблемы уголовной политики в сфере обеспечения информационной безопасности, развития уголовного законодательства в этой сфере.

Цель настоящей статьи – исследовать проблемы уголовной политики в сфере информатизации или обеспечения информационной безопасности и теоретических основ противодействия компьютерной преступности. В рамках исследования уточняется понятийный аппарат и теоретические основы уголовной политики в сфере обеспечения информационной безопасности и противодействия компьютерной преступности, изучено состояние, структура динамики компьютерной преступности в современном Казахстане, криминогенных факторов, генерирующих их развитие.

Проблема уголовной политики в сфере информационной безопасности есть комплексная, системная социально-политическая и правовая проблема современного Казахстана, обусловленная общими и специальными экономическими, политическими, духовными, методологическими, юридическими, уголовно-правовыми, криминологическими и иными факторами. Она охватывает и смежные нормы уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иных отраслей законодательства, обеспечивающих правовое регулирование такой разнородной сферы общественной жизни, как борьба с преступностью в сфере информатизации. Многочисленные исследования не привели пока к выработке достаточно точного и полного представления о феномене соответствующей государственной политики в сфере информатизации. При этом вопросы уголовной политики остаются неизученными. Последнее определяет новизну настоящего исследования. Предлагаемое исследование содержит научно обоснованные положения и выводы о теоретических основах профилактики преступлений в сфере информатизации и это определяет его научную значимость. Кроме того, обозначены основные проблемы по теме и обозначены основные направления их решения, что обуславливает его практическую значимость.

Методологическую основу исследования составляют научные положения уголовного права и криминологии о сущности преступления и преступности, их влиянии на состояние государственной и общественной безопасности. В ходе исследования современные концепции определения сущности преступления и преступности, выводы получены посредством качественного и количественного анализа социально-правовых, уголовно-правовых явлений и процессов.

Проведенный авторами правовой анализ позволяет представить рекомендации определению новых перспективных направлений уголовной политики Казахстана в сфере информационной безопасности и противодействия компьютерной преступности. Предполагаемые исследования могут внести реальный вклад в решение и преодоление международного аспекта имеющегося в сфере обеспечения информационной безопасности кризисного состояния. Преступления в сфере информационных технологий – особая сфера, поскольку сложившаяся система телекоммуникаций не имеет границ. Преступление может быть задумано в одной стране, пройти по коммуникациям трех-четырех других стран и совершиться в пятой. Эта обстоятельство предполагает необходимость налаживания взаимодействия с другими государствами.

Результаты, полученные в настоящей статье, можно использовать в учебном процессе, для написания учебников или учебных пособий и публикации статей по данной проблематике.

Ключевые слова: уголовная политика, информационная безопасность, компьютерная преступность, противодействие преступности.

Malikova Sh.B.¹, Omarova A.B.², Malikov D.B.³

¹Candidate of Juridical Sciences, docent, e-mail: Sholpan.Malikova@kaznu.kz

²Candidate of Juridical Sciences, docent, e-mail: omar_17@mail.ru

³teacher, e-mail: Dauren.Malikov@kaznu.kz

al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

The Criminal Policy of the Republic of Kazakhstan in the Sphere of Informatization: Issues of Counteracting Computer Crime

The present article explores the problems of criminal policy in the field of information security, the development of criminal legislation in this area. The purpose of this article is to investigate the problems of criminal policy in the field of informatization or ensuring information security and the theoretical basis for countering computer crime. Within the framework of the research, the conceptual apparatus and theoretical foundations of the criminal policy in the field of information security and computer crime counteraction are clarified, the status and the structure of computer crime dynamics in modern Kazakhstan and criminal factors that generate their development are studied.

The problem of criminal policy in the sphere of information security is a complex, systemic socio-political and legal problem of modern Kazakhstan, conditioned by general and special economic, political, spiritual, methodological, legal, criminal, criminological and other factors. It also covers related norms of the criminal procedure, criminal executive and other branches of legislation that provide legal regulation of such a diverse sphere of public life as the fight against crime in the field of informatization. Numerous studies have not yet led to the development of a sufficiently accurate and complete picture of the phenomenon of the corresponding state policy in the field of informatization. At the same time questions of criminal policy remain unexplored. The latter determines the novelty of this study. The proposed study contains scientifically substantiated provisions and conclusions on the theoretical basis for the prevention of crimes in the field of informatization and this determines its scientific significance. In addition, the study identifies the main problems on the topic and outlines the main directions for their solution, which determines its practical importance.

The methodological basis of the research is the scientific provisions of criminal law and criminology on the nature of crime and criminality, their impact on the state and public security. In the course of the research, modern concepts of determining the nature of crime and criminality, the conclusions were obtained through a qualitative and quantitative analysis of socio-legal, criminal-legal phenomena and processes.

The legal analysis carried out by the authors makes it possible to provide recommendations for the definition of new promising avenues of the criminal policy of Kazakhstan in the field of information security and combating computer crime. Prospective studies can make a real contribution to solving and overcoming the international aspect of the crisis situation in the sphere of information security. Crimes in the field of information technology are a special sphere, since the existing telecommunications system have no borders. The crime can be conceived in one country, go through the communications of three or four other countries and be accomplished in the fifth. This circumstance presupposes the need to establish cooperation with other states.

The results obtained in this article can be used in the educational process, for writing textbooks or training manual and publishing articles on this topic.

Key words: criminal policy, information security, computer crime, counteraction to crime.

Маликова Ш.Б.¹, Омарова А.Б.², Маликов Д.Б.³

¹з.ф.к., доцент, e-mail: Sholpan.Malikova@kaznu.kz

²з.ф.к., профессор, e-mail: omar_17@mail.ru

³оқытушы, e-mail: Dauren.Malikov@kaznu.kz

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Ақпараттандыру саласындағы Қазақстан Республикасының қылмыстық саясаты: компьютерлік қылмыстылыққа қарсы іс-қимыл мәселелері

Аталған мақалада ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету аясындағы қылмыстық саясаттың, осы саладағы қылмыстық заңнаманы дамыту мәселелері зерттелген. Мақаланың мақсаты – ақпараттандыру немесе ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету аясындағы және компьютерлік қылмыстылыққа қарсы түрудің теориялық негіздерінің мәселелерін зерттеу. Зерттеу шеңберінде

ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету аясындағы ұғымдық аппарат, осы саладағы қылмыстық саясаттың және компьютерлік қылмыстылыққа қарсы тұрудың теориялық негіздері нақтылаған, қазіргі Қазақстандағы компьютерлік қылмыстылықтың жай-күйі зерделеніп, динамикасы мен құрылымына, олардың дамуына әсер ететін криминогендік факторлар талданған.

Ақпараттық қауіпсіздік аясындағы қылмыстық саясат мәселесі жалпы және арнайы экономикалық, саяси, рухани, методологиялық, заңи, қылмыстық-құқықтық, криминологиялық және басқа да факторлармен шартталған заманауи Қазақстанның кешенді, жүйелі әлеуметтік-саяси және құқықтық мәселесі. Ол ақпараттандыру аясындағы қылмыстылықпен күрес сынды қоғамдық өмірдің әртүрлі саласын құқықтық реттеуді қамтамасыз ететін аралас қылмыстық-процестік, қылмыстық атқару заңнамасының және басқа да салаларының нормаларын қамтиды. Алуан түрлі зерттеулер ақпараттандыру аясындағы сәйкес мемлекеттік саясат феномені туралы нақты және жеткілікті көзқарасты қалыптастырған жоқ. Яғни, қылмыстық саясат сұрақтары әзірге жеткілікті дәрежеде зерттелмеген қалпында. Осы мән-жай аталған зерттеудің жаңалығын анықтайды. Ұсынылып отырған зерттеу ақпараттандыру аясындағы қылмыстардың алдын алудың теориялық негіздері туралы ғылыми негізделген ұсыныстар мен қорытындыларды беріп, оның ғылыми маңызын айқындайды. Сонымен қатар, тақырып бойынша негізгі мәселелер белгіленген және оларды шешудің негізгі бағыттары айқындалып, тақырыптың тәжірибелік құндылығын шарттаған.

Зерттеудің методологиялық негізін қылмыс және қылмыстылықтың мәні туралы, олардың мемлекеттік және қоғамдық қауіпсіздіктің жағдайына әсері туралы қылмыстық құқық және криминологияның ғылыми ережелері құрайды. Зерттеу барысында қылмыс және қылмыстылықтың мәнін анықтаудың заманауи тұжырымдамалары, қорытындылар әлеуметтік-құқықтық, қылмыстық құқықтық құбылыстар мен үдерістерді сапалық және сандық талдау жолымен алынған.

Авторлар арқылы жүргізілген құқықтық талдау ақпараттық қауіпсіздік және компьютерлік қылмыстылыққа қарсы тұру аясындағы Қазақстанның қылмыстық саясатының жаңа бағыттарын анықтауға қатысты ұсыныстар жасауға мүмкіндік береді. Аталған зерттеулер ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету аясындағы халықаралық аспектіні шешу және жеңуге қатысты нақты үлес қосуы мүмкін. Ақпараттық технологиялар аясындағы қылмыстар – орын алып отырған телекоммуникациялар жүйесі шексіз болғандықтан ерекше ая болып табылады. Қылмыс бір елде ойластырылып, үш-төрт елдің коммуникацияларынан өтіп, бесінші елде жасалуы мүмкін. Аталған жағдай басқа мемлекеттермен өзара ынтымақтастықты қалыптастыру қажеттілігін білдіреді.

Мақалада алынған нәтижелерді оқу үдерісінде, оқулықтар мен оқу құралдарын және аталған мәселеге қатысты мақалалар жариялау барысында қолданыла алынады.

Түйін сөздер: қылмыстық саясат, ақпараттық қауіпсіздік, компьютерлік қылмыстылық, қылмыстылыққа қарсы тұру.

Сложившийся за последние годы эмпирический опыт противодействия преступности в сфере информатизации характеризуется превентивными средствами и нуждается в научном обобщении и интерпретации. Его научное осмысление приобретает особую актуальность с принятием нового Уголовного кодекса РК, поскольку в настоящее время практика предупреждения преступности в сфере информатизации складывается во многом стихийно, без единой руководящей идеи, нередко представляет собой импульсивные реакции на вызовы преступной среды и обострение криминальной ситуации. В этой связи возникает необходимость своевременного глубокого теоретического изучения новых правовых явлений в сфере уголовной политики, каковыми и являются компьютерная преступность и информационная безопасность.

Актуальность исследования обусловлена, в первую очередь, ростом компьютерных престу-

плений. За последние десять лет сети Интернет превратились в виртуальную площадку, в пространство, где люди имеют возможность выражать идеи, заниматься общественной деятельностью и пр. На сегодняшний день сети Интернет играют важную роль в сфере коммуникаций: мы проводим различные операции с денежными средствами как с использованием компьютера, так и банкомата, и других платежных систем, прокладываем маршруты, ищем хорошие рестораны, узнаем любую интересующую нас информацию. Конечно, понятно, что все эти действия зависят от информационных технологий. В связи с этим многие пользователи Интернета подвергаются атакам со стороны киберпреступников. По материалам сайта www.crime.vl.ru. котики, проституция и насильственная преступность, безусловно, останутся, но большинство преступников из иных сфер переориентируются в компьютерную.

На сегодняшний день отсутствует научно обоснованная целостная концепция уголовной политики в сфере обеспечения информационной безопасности, поскольку научные исследования практически не проводились. Многие вопросы требуют изучения, поэтому необходимо разработать научно обоснованный терминологический аппарат. До сих пор не раскрыто полностью, что относится к сфере информационных технологий в казахстанском законодательстве, хотя этим термином правоохранительные органы оперируют. К примеру, часто используется термин «преступления в сфере информационных технологий». Само понятие информации вызывает много споров и наиболее распространенными определениями являются те, которые содержатся в словарях [1]. При этом нет единого и достаточно точного представления о понятии, предмете и структуре этого феномена и в научной литературе. Многочисленные исследования понятия «уголовная политика» не привели пока к выработке достаточно точного и полного представления о феномене соответствующей государственной политики в сфере информатизации. Само понятие уголовной политики является предметом научных исследований и вызывает дискуссии [2-4]. Деятельность государства в сфере борьбы с преступностью (целиком либо в той или иной ее части) принято именовать уголовной политикой [3]. Однако, несмотря на многочисленные исследования, до сих пор отсутствует единство мнений в вопросе о содержании этого понятия, его значении и соотношении с иными родственными, так называемыми смежными понятиями. Требуют изучения и вопросы определения направлений установления социального контроля над соответствующими видами преступности в сфере информатизации с помощью правовых и организационно-тактических средств.

Объектом исследования выступили общественные отношения, складывающиеся между субъектами по вопросам противодействия компьютерной преступности и их отражение в уголовно-правовой теории и правоприменительной практике.

Предметом исследования стало состояние, структура и проблемы противодействия компьютерной преступности и вопросы совершенствования уголовного законодательства.

Целью исследования является изучение состояния, структуры, динамики компьютерной преступности в современном Казахстане, анализ криминогенных факторов, генерирующих раз-

витие компьютерной преступности в современном Казахстане.

Методологическую основу исследования составили положения общенаучного диалектического метода познания социальных явлений. В процессе исследования использовались классические методы исследования, в том числе методы сравнительного, правового, системного и институционального анализов.

Область применения – деятельность законодательных органов по совершенствованию нормативных актов, деятельность правоохранительных органов по совершенствованию мер противодействия компьютерной преступности, учебный процесс, сфера юридической науки.

Высокая общественная опасность преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации, большое количество потерпевших, установленный и более значительный скрываемый материальный ущерб делают борьбу с этим негативным явлением актуальной, как и то, что преступность в сфере компьютерной информации все шире используется в контексте организованной преступной деятельности и, особенно, деятельности террористических организаций, которые все активнее начинают использовать в своей противозаконной деятельности новейшие информационные технологии и компьютерную технику. Террористические акты в США 11 сентября 2001 года, которые сегодня называют «цифровым Перл-Харбором», и другие теракты, имевшие место в последние годы, ярчайшее тому подтверждение [5].

Вышеуказанные проблемы подверглись изучению в рамках проекта.

В первую очередь исследовано состояние компьютерной преступности в Республике Казахстан. При этом установлено, что Интернет, с одной стороны, позволил более эффективно и безнаказанно совершать ранее существовавшие традиционные преступления, с другой – породил новые, неизвестные еще совсем недавно мировому сообществу виды общественно опасных посягательств. По статистике, за последние десять лет отмечается постоянный рост количества пользователей Интернетом в Казахстане, в частности, отмечается, по данным TNS Web Index, что интернет – единственный растущий медиаканал в Казахстане, охват которого почти в 2 раза превышает охват прессы. В июле 2015 года количество интернет-пользователей в РК достигло 3,47 млн. То есть 71% населения страны в возрасте от 12 до 54 лет заходят в сеть минимум не реже одного раза в месяц. В 2016 году этот

показатель по прогнозам специалистов может достигнуть 4,5 млн. человек [3].

В ходе сбора и анализа литературы нами были использованы не только работы разных специалистов, статистические данные, опубликованные в интернет-источниках, но и научные труды известных отечественных и зарубежных ученых, в которых отмечается, что если ранее считалось, что компьютерная преступность – явление, присущее только развитым компьютеризированным зарубежным странам, и по причине слабой компьютеризации, т.е. недостаточного внедрения в производственные и общественные отношения информационных технологий, у нас отсутствует. Именно это обстоятельство и привело к отсутствию сколько-нибудь серьезных научных исследований вообще. Вместе с тем особенно теперь известная проблематика стала предметом широкого научного диспута и не только в кругах отечественной правовой науки [6; 7].

Определенное внимание уделено современному состоянию компьютерной преступности в нашей стране. В результате исследования сформулированы выводы, основной из которых сводится к тому, что по мнению большинства специалистов, в настоящее время мощный прогресс технологии привел к изменению структуры и качества компьютерных преступлений и, соответственно, картины компьютерной преступности. Это само по себе заслуживает интенсивного научного внимания, в том числе и со стороны криминологов. Преступность в сфере компьютерной информации, и особенно в Интернете, имеет тенденцию к значительному росту в части статей УК РК, предусматривающих неправомерный доступ к компьютерной информации и создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ. Отмечается, что состояние современной компьютерной преступности во многом определяется тенденцией переноса центра тяжести на совершение компьютерных преступлений с использованием компьютерных сетей и, прежде всего, Интернета, в котором в результате развивается нелегальный рынок [8].

Преступления в сфере компьютерной информации чаще всего стали совершаться организованно (группой компьютерных преступников), а также все шире используются в контексте организованной преступной деятельности и, прежде всего, в сфере экономической деятельности. С повышением уровня компьютеризации общества может усилиться киберактивность террористов. В связи с этим рекомендуется определять пре-

ступления в сфере компьютерной информации (компьютерные преступления) как предусмотренный уголовным законом противоправный, виновный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ, а также нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сетей, связанное с использованием, модификацией, уничтожением компьютерной информации, причинившее вред либо создавшее угрозу причинения вреда, подлежащим уголовно-правовой охране [9].

Сегодня все осложняется еще, главным образом тем, что и изучение, и расследование данного вида преступления требует обязательных знаний в области информационных технологий. И в науке, и на практике ощущается острая нехватка юристов, обладающих глубокими знаниями в этой сфере. Это само по себе представляет собой серьезную проблему, над решением которой нужно работать системно, постоянно с учетом постоянного развития информационных технологий.

Кроме того, в настоящее время недостаточно изучены личность участника и причины преступлений в сфере компьютерной информации, а также меры противодействия такому виду преступности. В этой связи эти вопросы были изучены в рамках проекта. В итоге сделан вывод, что компьютерный преступник (хакер) – это, как правило, мужчина в возрасте от 18 до 24 лет (отмечается тенденция снижения возраста); с высоким уровнем образования, часто технического. Компьютерный преступник проявляет склонность к совершению компьютерных преступлений на продолжающейся основе, хотя статистически это сложно выявить, можно даже сказать, что не выявляется. Вместе с тем единой характеристики личности участника преступности в сфере компьютерной информации быть не может, что связано с их типологическим многообразием [10]. В связи с этим проведена типологизация компьютерных преступников по особенностям мотивации преступного поведения и степени устойчивости антиобщественной направленности, по уровню подготовленности и преступной специализации. Одной из характерных особенностей лиц, совершающих киберпреступления, является устойчивое стремление к паразитическому образу жизни, отсутствие какой-либо профессии, постоянного места работы, определенного места проживания. Составление обобщенного криминологического портрета личности компьютерного преступника в ходе

исследования проведено на основе материалов судебной и следственной практики, а также изучения зарубежного опыта обеспечения информационной безопасности [11; 12].

В ходе исследования структуры и динамики компьютерной преступности в Республике Казахстан выяснилось, что структура и динамика компьютерной преступности в разных странах существенно отличается друг от друга. В юридическом понятии компьютерных преступлений как преступлений специфических не существует.

Анализ криминогенных факторов, генерирующих развитие компьютерной преступности в современном Казахстане, показал, что значительное место в продуцировании компьютерной преступности также занимает виктимность обладателей компьютерной информации вследствие слабой организации охраны компьютерной информации и того, что ЭВМ характеризуется технической уязвимостью, в этой связи приоритет борьбы с компьютерной преступностью должен быть отдан мерам профилактического свойства. Под факторами в ходе исследования понимаются детерминанты, которые определяющим образом влияют на развитие известного рода преступности. Исследование показало, что факторы преступности в сфере компьютерной информации заложены в социально-экономической, социально-политической и социально-психологической сферах. В связи с уменьшающейся стоимостью и возрастающей миниатюризацией электронных компонентов сегодня возможным сделали самые современные технические средства стали доступными для широких слоев насе-

ления. Вместе с тем эта в целом положительная тенденция несет в себе и негативный потенциал, о чем свидетельствуют рост их статистической выявляемости, который по всем подсчетам будет усиливаться по мере увеличения концентрации вычислительных ресурсов, их территориальной распределенности, одновременного доступа к ресурсам многих пользователей [11]. Поэтому действенные меры борьбы с преступностью в сфере компьютерной информации, как представляется, состоят в преодолении ограниченности национального законодательства в русле формирования единой правовой базы, направленной против компьютерной преступности, а также в русле усиления гражданской, административной и уголовной ответственности. Основная рекомендация сводится к определению в качестве основного направления борьбы с преступностью в сфере компьютерной информации становление и развитие правового фундамента в сфере Интернета путем принятия Закона «О правовом регулировании использования сети Интернет». И поскольку абсолютной защиты компьютерной информации не существует, значительное место в предупреждении компьютерной информации должно принадлежать мерам технического и организационного характера. Важнейшее место в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации должно отводиться политико-организационным, организационно-административным и организационно-администраторским мерам. Однако все меры предупреждения компьютерных преступлений будут эффективными только тогда, когда они будут использоваться все вместе, т.е. комплексно.

Литература

- 1 Сабитов Д. Информационная безопасность Казахстана: защита данных и смыслов. – Астана, 2015. – 68 с.
- 2 Назаров Р.И. Роль информации об этнической принадлежности в борьбе с дискриминацией: опыт государств. Этнологический мониторинг переписи населения / под ред. В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2011. – 552 с.
- 3 Турлаев А.В., Шәкірова А.Б. Правовое обеспечение информационной безопасности в Республике Казахстан // Вестник КазГУ, 2013 // <https://articlekz.com/article/6210>
- 4 Ernst & Young. (n.d.). Global Information Security Survey. Retrieved 12 3, 2012, from
- 5 [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Fighting_to_close_the_gap:_2012_Global_Information_Security_Survey/\\$FILE/2012_Global_Information_Security_Survey___Fighting_to_close_the_gap.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Fighting_to_close_the_gap:_2012_Global_Information_Security_Survey/$FILE/2012_Global_Information_Security_Survey___Fighting_to_close_the_gap.pdf)
- 6 Gary McGraw, S. M. (2012, September). BSIMM. Retrieved from <http://bsimm.com/download/>
- 7 Gerber, M., & Solms, R. v. (2008). Information security requirements – Interpreting the legal aspects. *Computers & Security*, 124-135.
- 8 Höne, K., & Eloff, J. (2002). Information security policy – what do international information security standards say. *Computers & Security*, 402-409.
- 9 Polkinghorne, D. E. (2005). Language and Meaning: Data Collection in Qualitative Research. *Journal of Counseling Psychology*, 52 (2), 37-145.
- 10 Susanto, H., Almunawar, M.N., & Tuan, Y.C. (2011). Information Security Management System Standards: A Comparative Study of the Big Five. *International Journal of Electrical & Computer Sciences*, 23-29 .

11 Taleb, N.N. (2001). *Foiled by Randomness: The Hidden Role of Chance in Life and in the Markets*. New York: Random House.

12 Verheul, E. (2011). Introduction to information security Lecture #1. Radboud University, Nijmegen. von Solms, B., & von Solms, R. (2004). The 10 deadly sins of information security. *The information management journal*, 371-376.

References

1 Danyar Cabitov. (2015). *Informatsionaya bezopasnost Kazahstana: zachita dannyh I smyslov*. – p.68.

2 Nazarov R.I. (2011). Rol informatsii ob ietnichescoi prinadlejnosti v borbe s descriminatsiei: opyt gosudarstv. Ietnologichescii monitoring perepisi naseleniya – M.: RAN – 552 p.

3 Turlaev A.B. Shakirova A.B. (2013). Pravovoe obespechenie informatsionnoi bezopasnosti v Respublike Kazahstan. *Vestnik KarGU* // <https://articlekz.com/article/6210>

4 Ernst & Young. (n.d.). *Global Information Security Survey*. Retrieved 12 3, 2012, from

5 [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Fighting_to_close_the_gap:_2012_Global_Information_Security_Survey/\\$FILE/2012_Global_Information_Security_Survey__Fighting_to_close_the_gap.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Fighting_to_close_the_gap:_2012_Global_Information_Security_Survey/$FILE/2012_Global_Information_Security_Survey__Fighting_to_close_the_gap.pdf)

6 Gary McGraw, S. M. (2012, September). BSIMM. Retrieved from <http://bsimm.com/download/>

7 Gerber, M., & Solms, R. v. (2008). Information security requirements – Interpreting the legal aspects. *Computers & Security*, 124–135.

8 Höne, K., & Eloff, J. (2002). Information security policy – what do international information security standards say. *Computers & Security* , 402–409.

9 Polkinghorne, D. E. (2005). Language and Meaning: Data Collection in Qualitative Research. *Journal of Counseling Psychology* , 52 (2), 37–145.

10 Susanto, H., Almunawar, M. N., & Tuan, Y. C. (2011). Information Security Management System Standards: A Comparative Study of the Big Five. *International Journal of Electrical & Computer Sciences* , 23–29 .

11 Taleb, N. N. (2001). *Foiled by Randomness: The Hidden Role of Chance in Life and in the Markets*. New York: Random House.

12 Verheul, E. (2011). Introduction to information security Lecture #1. Radboud University, Nijmegen. von Solms, B., & von Solms, R. (2004). The 10 deadly sins of information security. *The information management journal* , 371–376.

Алимова Э.А.

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, подполковник полиции, магистр юриспруденции, Казахстан, г. Алматы, e-mail: elvira.alimova.77@mail.ru

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье рассматривается процессуальный статус специалиста педагога, психолога, участвующего в следственных и иных процессуальных действиях с участием несовершеннолетнего. Функции педагога и психолога очень близки между собой, именно в силу этого момента они рассматриваются некоторыми исследователями как самостоятельные категории процессуальных лиц, отличных от специалиста в уголовном процессе. Изучение действующего уголовно-процессуального законодательства и практики его применения позволяет обосновать авторскую дефиницию правильного определения цели и задач участия педагога, психолога в допросе несовершеннолетнего.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, правосудие, ювенальная юстиция, специалист, специальные знания, уголовный процесс.

Alimova E.

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, lieutenant colonel of police, master of jurisprudence, Almaty, Kazakhstan, e-mail: elvira.alimova.77@mail.ru

Participation of a specialist in the criminal procedure as a guarantee of ensuring and protecting the rights and freedoms of minors

The article deals with the procedural status of a specialist of a teacher, a psychologist participating in investigative and other procedural actions involving a minor. The functions of a teacher and a psychologist are very close to each other, it is precisely this reason that is considered by some researchers and it is proposed to separate legislatively the teacher, the psychologist as an independent category of procedural persons that are different from the specialist in the criminal process. The study of the current criminal procedural legislation and the practice of its application allows us to justify the author's definition of the correct definition of the purpose and objectives of the participation of a teacher and a psychologist in the interrogation of a minor.

Key words: evidence, proving, justice, juvenile justice, specialist, special knowledge, criminal procedure.

Алимова Э.А.

Қазақстан Республикасы ІІМ М. Есболатов атындағы Алматы академиясының қылмыстық іс жүргізу және криминалистика кафедрасының доценті, полиция подполковнигі, юриспруденция магистрі, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: elvira.alimova.77@mail.ru

Кәмелетке толмағандардың құқықтары мен бостандықтарын қорғау және қорғау кепілдігі ретінде маманның қылмыстық процесте қатысуы

Мақалада кәмелетке толмағандардың қатысуымен тергеу және өзге де процессуалды іс-әрекеттерге қатысатын психолог пен маман мұғалімнің процессуалды мәртебесі қарастырылады. Мұғалім мен психологтың функциялары бір-біріне өте жақын, дәл осы себепті кейбір

зерттеушілер тарапынан қылмыстық процестегі маманнан айырмашылығы бар процедуралық тұлғалардың тәуелсіз санаты ретінде мұғалімді, психологты заңнамалық түрде бөлу ұсынылады. Қазіргі қолданыстағы қылмыстық процесс заңнамасын және оны қолдану практикасын зерделеу барысында кәмілетке жасы толмаған адамды жауапқа тарту кезінде мұғалім мен психологтың қатысуының мақсаты мен міндеттерін дұрыс анықтау туралы автордың анықтамасын негіздеуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: дәлелдемелер, дәлелдеу, сот төрелігі, ювеналды әділет, маман, арнайы білімдер, қылмыстық процесс.

Современный этап развития Республики Казахстан характеризуется стратегическим курсом на построение развитого демократического и правового государства. Вопросы формирования действенной уголовно-правовой политики при этом являются особо актуальными, ведь непременным условием функционирования любого демократического государства является эффективная защита прав и свобод граждан.

Участие специалиста, а точнее, участие педагога, психолога, можно расценивать как значимые гарантии обеспечения и защиты прав и свобод несовершеннолетних.

Психолог, педагог могут оказать значительную помощь в определении особенностей восприятия, запоминания, воспроизведения информации, свойств, состояний нервной системы, акцентуаций характера, интеллектуальных особенностей, разъясняя сущность психологических особенностей несовершеннолетних разных возрастных групп. Психолог и педагог помогают устанавливать психологический контакт с несовершеннолетними, вырабатывают вместе со следователем, используя свои специальные знания в психологии, верную тактику проведения следственных действий, формулируют вопросы с учетом особенностей психики несовершеннолетних.

Отсутствие четкого понимания цели и задач педагога (психолога), участвующего в допросе, является одной из причин отрицательного отношения некоторых следователей, дознавателей, судей к этому участнику уголовного процесса. И как результат – пассивное поведение педагогов в ходе следственно-судебных действий, зачастую сводящееся лишь к формальному присутствию. Бессмысленно винить в этом самих педагогов. Нужно зреть в корень проблемы и бороться не с таким поведением педагогов, а с причинами, которые его обуславливают.

Поскольку педагог (психолог) вовлекается в орбиту уголовного судопроизводства по требованию следователя (дознателя), выбор методов и средств его деятельности в допросе несовершеннолетнего зависит в первую оче-

редь и большей частью от самого следователя (дознателя), который обязан до проведения следственного действия (или в его подготовительной части) выяснить, нет ли обстоятельств, препятствующих участию педагога (психолога) в допросе, рассказать ему о процедуре допроса и допустимом поведении, подробно проинформировать его о правах и обязанностях, поставить перед ним конкретные задачи, ознакомить педагога (психолога) с обстоятельствами уголовного дела, имеющими значение для допроса. По нашему мнению, это будет способствовать достижению назначения участия педагога (психолога) в допросе несовершеннолетнего. Но проблема в том, что следователи и дознаватели, а также судьи нередко не называют и не всегда разъясняют педагогам их задачи либо называют их неправильно, не имея, в свою очередь, четкого представления о назначении участия педагога (психолога) в допросе.

В качестве педагогов, по сложившейся годами практике, чаще всего привлекаются школьные учителя, которые, не владея знаниями в области уголовно-процессуального права, так же, как и многие следователи, дознаватели, судьи, имеют неправильное представление об их функции на допросе либо не имеют его вообще.

Необходимо активное развитие теории участия педагога (психолога) в производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних. Правоприменителям нужны рекомендации о том, для чего и как эффективно использовать специальные знания педагогов и психологов не только в допросе, но и в других следственных действиях, особенно вербальных. Необходимы исследования особенностей участия педагога и психолога в различных стадиях уголовного процесса. Бесспорно, эти особенности существуют. Например, участие педагога в стадии предварительного расследования и в стадии судебного разбирательства будет иметь отличия, обусловленные в первую очередь процессуальной формой этих стадий. В частности, допросы несовершеннолетних, проводимые следователем (дознателем) и в суде, проходят в разных

процессуальных условиях. И даже процессуальный статус допрашиваемого несовершеннолетнего может накладывать свой отпечаток на выбор методов и средств деятельности педагога (психолога).

В стремлении как можно быстрее приблизить уголовно-процессуальную действительность к общепризнанным принципам и идеям ювенальной юстиции многие исследователи приписывают педагогу (психологу) несвойственные задачи, которые он якобы должен выполнять в уголовном процессе. Так, в научной литературе можно встретить высказывания о том, что следователь обязан приглашать педагога на допрос несовершеннолетнего в целях обеспечения реальной защиты прав и законных интересов допрашиваемого, что педагог является гарантом правильного проведения допроса и обеспечения прав допрашиваемого, что он привлекается для изучения нравственно-психологических свойств подростка либо для выявления психологических мотивов и причин его действий, решения вопроса о целесообразности проведения судебно-психологической экспертизы и определения предмета экспертного исследования, а также возможной реабилитации ребенка [1, с. 37].

Полагаем, что перечисленные функции имеют отношение к защитнику, законному представителю или к эксперту, специалисту, но не к педагогу (психологу), участвующему в допросе несовершеннолетнего.

Откуда педагогу, не владеющему знаниями уголовно-процессуального права, может быть известно, как правильно должен проводиться допрос несовершеннолетнего? Ответ на этот вопрос очевиден, поэтому участие педагога вряд ли может гарантировать правильное проведение допроса. Таким гарантом необходимо считать, прежде всего, защитника. Если несовершеннолетним является потерпевший, то согласно УПК РК к участию в уголовном деле обязательно привлекается законный представитель.

Реальная защита прав и законных интересов допрашиваемого также является прерогативой, в первую очередь, защитника и законного представителя несовершеннолетнего, которые именуется участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты, а не иными участниками процесса, к числу которых относится специалист (педагог, психолог).

Изучение нравственно-психологических свойств подростка едва ли может быть основной задачей педагога в допросе несовершеннолетнего. Эти свойства должны изучаться в рамках

иных процессуальных действий (например, экспертизы, допроса педагога в качестве свидетеля). Поскольку допрос направлен на получение полных и достоверных показаний, то и деятельность участников допроса, особенно тех, кто не заинтересован в исходе дела, должна быть ориентирована на оказание содействия следователю в их получении. Результатом допроса могут быть только показания допрашиваемого несовершеннолетнего, закрепленные в протоколе. Никакие иные доказательства, в частности, выявляющие нравственно-психологические свойства подростка с участием педагога (психолога), получить в ходе допроса невозможно. А если педагог и диагностировал какие-то характерные черты личности, наблюдая за допрашиваемым, то сообщить о них следователю (дознавателю) он может по окончании допроса – в непроцессуальной (в неофициальной беседе) либо процессуальной форме (в рамках допроса педагога как специалиста).

Правовая защита охватывает всю сферу жизнедеятельности несовершеннолетних: воспитание, образование, здравоохранение, труд, социальное обеспечение, досуг.

Правовая защита несовершеннолетних включает защиту прав и интересов детей, попавших в сферу отправления правосудия по уголовным делам. Такая защита в мировой практике осуществляется в рамках специализированной системы правосудия для несовершеннолетних (ювенальной юстиции).

Исследователи вопросов, связанных с введением ювенальной юстиции в Казахстане, рассматривают термин «ювенальная юстиция» в широком и узком смысле этого слова. «В широком смысле это означает и профилактику преступности и правонарушений среди несовершеннолетних, статику и динамику подростковой преступности и меры борьбы с ними, статус и деятельность правоохранительных органов в борьбе с преступностью несовершеннолетних. В узком смысле под «ювенальной юстицией» понимается статус государственных правоохранительных органов, обеспечивающих профилактику и меры борьбы с преступностью и правонарушениями, совершенными в среде несовершеннолетних» [2, с. 3].

Какие бы мнения не высказывались учеными, практиками в области ювенальной юстиции, можно уверенно сказать, что политика правосудия в отношении несовершеннолетних не может быть признана соответствующей международным стандартам, если она не включает в

себя, помимо собственно процесса отправления правосудия и мер, обеспечивающих социальную реинтеграцию несовершеннолетних правонарушителей, действенную систему профилактики. Именно систему, а не отдельные инициативы или программы, которые не способны изменить воздействие педагогической запущенности, различные формы зависимости. Поэтому сотрудники правоохранительных органов должны подходить к делам о правонарушениях несовершеннолетних не с карательной, а с педагогической позиции» [3, с. 210-211].

Надо отметить, что впервые законодательное закрепление процессуальная фигура «педагога» получила только в УПК КазССР 1959 года.

В ст. 150 УПК КазССР 1959 г. были закреплены обязательные случаи участия педагога при допросе свидетеля (в возрасте до четырнадцати лет) и факультативные случаи, решаемые по усмотрению следователя (допрос свидетеля в возрасте до шестнадцати лет). В соответствии со ст. 410 УПК КазССР 1959 года закреплялось также положение о том, что «при предъявлении обвинения несовершеннолетнему, не достигшему шестнадцати лет или признанному отсталым в умственном развитии, и его допросе, по усмотрению следователя, прокурора либо по ходатайству защитника могут присутствовать педагог или врач, родители или другие законные представители несовершеннолетнего» [5].

Заметим, что и при этом участие педагога все еще являлось факультативным, поскольку вопрос о его привлечении оставался на усмотрение следователя, прокурора, защитника.

Фигура «психолога» в УПК КазССР 1959 года вовсе отсутствовала. Привлечение к уголовному процессу психолога стало возможным лишь с принятием УПК Республики Казахстан 1997 года.

В соответствии со ст. 488 УПК РК 1997 года были закреплены основания обязательного участия педагога или психолога:

– производство процессуальных действий с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего шестнадцатилетнего возраста,

– производство процессуальных действий с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, достигшего шестнадцатилетнего возраста, но имеющего признаки отсталости в психическом развитии [6].

По делам об остальных несовершеннолетних, достигших шестнадцатилетнего возраста, педагог или психолог допускались к участию в

деле по усмотрению следователя, суда либо по ходатайству защитника, законного представителя.

Несмотря на то, что рассмотренная статья 488 УПК РК 1997 года говорит об участии «педагога или психолога», т.е. об участии приравненных по функциям субъектов, ст. 84 УПК РК 1997 г. «Специалист» не содержала указаний на фигуру психолога. В норме было закреплено лишь, что «специалистами являются также педагог, участвующий в следственных и иных процессуальных действиях с участием несовершеннолетнего, а равно врач, участвующий в следственных и иных процессуальных действиях, за исключением случаев назначения его экспертом» [6].

Вопрос о расширении правового статуса психологов в уголовном процессе был затронут в Концепции развития системы ювенальной юстиции на 2009-2011 годы, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 19 августа 2008 г. В данном документе, в частности, отмечалось, что «развитие системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан предполагает создание одной из моделей социальной службы – социальные психологи защиты несовершеннолетних в уголовном процессе» [7].

На основании указанной Концепции Правительством Казахстана в 2012 году был разработан проект Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования ювенальной юстиции». При этом предусматривалось внесение ряда изменений в УПК РК 1997 года с целью закрепления процессуального статуса социального психолога.

Так, предлагалось изложить статью 84 «Специалист» в следующей редакции:

1. В качестве специалиста для участия в производстве по уголовному делу может быть привлечено не заинтересованное в деле лицо, обладающее специальными знаниями, необходимыми для оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств путем разъяснения участникам уголовного процесса вопросов, входящих в его специальную компетенцию, а также применения научно-технических средств. Специалистами являются также педагог, *социальный психолог*, участвующий в следственных и иных процессуальных действиях с участием несовершеннолетнего, а равно врач, участвующий в следственных и иных процессуальных действиях, за исключением случаев назначения его экспертом» [8].

Кроме того, предлагалось дополнить статью 7 УПК РК 1997 года подпунктом 44) следующего содержания:

«44) социальный психолог – это специалист, изучающий закономерности поведения и деятельности несовершеннолетних в процессе включения их в социальные группы и оказывающий им моральную, социальную и психологическую поддержку» [8].

Несмотря на несомненную значимость предлагаемых изменений, данный законопроект так и остался нерассмотренным. Более того, в 2014 году Правительство по своей инициативе отозвало законопроект из Мажилиса Парламента. Причиной стало, несомненно, ожидаемое принятие нового УПК Республики Казахстан [7].

Вместе с тем, УПК РК 2014 года не стал изменять термин «психолог» на предлагавшийся термин «социальный психолог». Не содержит новый УПК и толкования термина «психолог».

Важным новшеством стало только закрепление фигуры психолога непосредственно в статье 80 УПК РК 2014 г., посвященной статусу специалиста. Кроме того, был расширен возраст свидетеля или потерпевшего, на допрос которых по усмотрению лица, осуществляющего досудебное расследование, вызываются педагог и (или) психолог – от 14 до 18 лет. По УПК РК 1997 года возраст определялся в границах от 14 до 16 лет.

По мнению А.Г. Кана, «присутствие при допросе психолога может помочь следователю взять показания у несовершеннолетнего, у которого имеется отставание в психическом или общем развитии и т.п. С одной стороны, психолог, являясь специалистом в своей области, может помочь сформулировать вопросы следователя к допрашиваемому несовершеннолетнему, активизировать память несовершеннолетнего и т.д., то есть, его присутствие помогает повысить эффективность допроса. С другой стороны, присутствие психолога при допросе направлено на обеспечение защиты прав и интересов несовершеннолетнего» [8, с. 118].

Объективная необходимость в участии психолога при проведении допроса несовершеннолетних участников уголовного процесса несомненна. Как отмечает А.С. Айтбаев на основании проведенных им исследований, специалист-психолог, учитывая все следственные действия, приглашается в 75% для участия именно в допросе [9, с. 10].

Схожие с психологом функции выполняются и привлекаемым в уголовный процесс педагогом. По мнению С.П. Варениковой, «педагог

выполняет специфические функции в уголовном судопроизводстве, т.к. с учетом возрастных (прежде всего психологических) особенностей подростка помогает следователю (дознавателю) определить последовательность и форму постановки вопросов, оптимальную продолжительность допроса, выбрать правильный стиль допроса с точки зрения педагогики, установить психологический контакт с допрашиваемым и т.д. – для того, чтобы получить от несовершеннолетнего полные и достоверные показания» [10, с. 30].

В периодической печати и специальной литературе США и Канады проблема участия специалиста при допросе несовершеннолетних до сих пор активно обсуждается, поскольку в странах англосаксонской правовой системы эксперта принято рассматривать не только как сведущее лицо, но и как учителя, переводчика и психолога. [11,12 с.21].

Педагога в процессуальном смысле можно определить как лицо, обладающее специальными педагогическими знаниями и привлекаемое к допросу и другим следственным действиям, связанным с получением вербальной информации от несовершеннолетних, в целях использования этих знаний для создания надлежащей обстановки допроса и предотвращения возможности применения приемов допроса, не соответствующих положениям психологической науки, а также для предотвращения неполноты и неточности фиксации результатов допроса [12, с. 240].

На первый взгляд, анализ правового статуса специалиста и педагога, психолога показывает их существенные различия. Функции педагога и психолога очень близки между собой и при этом несколько отличаются от функций специалиста. Именно в силу этого момента некоторыми исследователями предлагается законодательно обособить педагога (психолога) как самостоятельной категории процессуальных лиц, отличных от специалиста в уголовном процессе [13, с. 332; с. 240].

Вместе с тем, педагог (психолог) в соответствии со ст. 80 УПК РК обладает правовым статусом специалиста. Из этого вытекает, что задачей педагога (психолога) является оказание содействия в обнаружении доказательств посредством использования своих специальных знаний, навыков и научно-технических средств. Поскольку такое содействие реально оказывается педагогом (психологом), привлеченным к участию в уголовном процессе, полагаем, что нет какой-либо необходимости в закреплении

отдельных процессуальных статусов специалиста и педагога (психолога).

По нашему мнению, для правильного определения цели и задач участия педагога (психолога) в допросе несовершеннолетнего необходимо учитывать цели и задачи самого следственного действия. Его целью является установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, а за-

дачей – получение полных и достоверных показаний несовершеннолетнего. Поэтому цель участия педагога в допросе можно обозначить как способствование более полному установлению обстоятельств. Основной задачей педагога (психолога) в допросе следует считать содействие получению полных и достоверных показаний несовершеннолетнего.

Литература

- 1 Тетюев С.В. Зачем уголовному процессу педагог? // Российская юстиция. – 2010. – № 6. – С. 37-40.
- 2 Жетписбаев Б.А. Ювенальная юстиция. – Алматы: Данекер, 2001. – 341 с.
- 3 Кегембаева Ж.А. Конституционные основы уголовного законодательства Республики Казахстан: дис. ...докт. юрид. наук. – Бишкек, 2012. – 268 с.
- 4 Уголовно-процессуальный кодекс Казахской ССР от 22 июля 1959 года. – Режим доступа: URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K590001000_
- 5 Уголовно-процессуальный кодекс Казахской ССР от 22 июля 1959 года. – Режим доступа: URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K590001000_
- 6 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года № 206. – Режим доступа: URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000206_
- 7 Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 июня 2014 года № 751 «Об отзыве из Мажилиса Парламента Республики Казахстан проекта Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования ювенальной юстиции». – Режим доступа: URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1400000751>
- 8 Кан А.Г. Допрос на предварительном следствии: уголовно-процессуальные и тактические направления его оптимизации: дис. ...канд. юрид. наук. – Алматы, 2009. – 193 с.
- 9 Айтбаев А.С. Использование специальных психологических знаний на стадии предварительного расследования: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Алматы, 2008. – 25 с.
- 10 Вареникова С.П. Институт сведущих лиц в уголовном судопроизводстве: генезис и современное состояние // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1. – С. 23-34.
- 11 Speight J.G. The Scientist or Engineer as an Expert Witness. – N.Y.: CRC Press, 2009. – 210 p.
- 12 Pearson Education Inc., 2003. – 560 p.
- 13 Петровская М.С. Педагог и психолог в системе участников процесса // Вестник Самарского гос. ун-та. – 2011. – №1-2 (82). – С. 235-241.
- 14 Тетюев С.В. Участие педагога (психолога) в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ: сб-к материалов междунар. научно-практ. конф. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. – С. 330-333.

References

- 1 Tetjuev S.V. Zachem ugovolnomu processu pedagog? // Rossijskaja justicija. – 2010. – № 6. – S. 37-40.
- 2 Zhetpisbaev B.A. (2001) Juvenal'naja justicija. – Almaty: Daneker. – 341 s.
- 3 Kegembaeva Zh.A. (2012) Konstitucionnye osnovy ugovolnogo zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan: dis. ...dokt. jurid. nauk. – Bishkek. – 268 s.
- 4 Ugolovno-processual'nyj kodeks Kazahskoj SSR ot 22 ijulja 1959 goda. – Rezhim dostupa: URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K590001000_
- 5 Ugolovno-processual'nyj kodeks Kazahskoj SSR ot 22 ijulja 1959 goda. – Rezhim dostupa: URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K590001000_
- 6 Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 13 dekabnja 1997 goda № 206. – Rezhim dostupa: URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000206_
- 7 Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 30 ijunja 2014 goda № 751 «Ob otzyve iz Mazhilisa Parlamenta Respubliki Kazahstan proekta Zakona Respubliki Kazahstan «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazahstan po voprosam sovershenstvovanija juvenal'noj justicii». – Rezhim dostupa: URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1400000751>

- 8 Kan A.G. (2009) Dopros na predvaritel'nom sledstvii: ugovolno-processual'nye i takticheskie napravlenija ego optimizacii: dis. ...kand. jurid. nauk. – Almaty. – 193 s.
- 9 Ajtbaev A.S. (2008) Ispol'zovanie special'nyh psihologicheskikh znanij na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: avtoref. dis. ...kand. jurid. nauk. – Almaty. – 25 s.
- 10 Varenikova S.P. Institut svedushhih lic v ugovolnom sudoproizvodstve: genezis i sovremennoe sostojanie // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2015. – № 1. – S. 23-34.
- 11 Speight J.G. (2009) The Scientist or Engineer as an Expert Witness. N.Y.: CRC Press. 210 P.
- 12 Pearson Education Inc., 2003. 560 p.
- 13 Petrovskaja M.S. Pedagog i psiholog v sisteme uchastnikov processa // Vestnik Samarskogo gos. un-ta. – 2011. – № 1-2 (82). – S. 235-241.
- 14 Tetjuev S.V. Uchastie pedagoga (psihologa) v ugovolnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii i Respubliki Belarus'// Aktual'nye problemy ugovolnogo processa i kriminalistiki Rossii i stran SNG: sb-k materialov mezhdunar. nauchno-prakt. konf. – Cheljabinsk: Izd-vo JuUrGU, 2009. – S. 330-333.

Тапалова Р.Б.¹, Маликов Д.Б.²

¹кандидат юридических наук, профессор, e-mail: tapalova_r@mail.ru

²e-mail: Dauren.Maliykov@kaznu.kz

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПРИМЕНЕНИЯ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

В данной статье авторы раскрывают тенденции развития уголовно процессуального законодательства в Казахстане относительно института специальных знаний. Авторы отмечают, что вся процедура привлечения специальных знаний, специальных научных знаний имеет правовую регламентацию. Законодатель определяет субъектов, цели и задачи реализации специальных знаний, а также права и обязанности субъектов, вовлекаемых в этот процесс. В научной литературе по поводу, кого следует причислять к субъектам спор, дискуссий нет, но авторы подчеркивают, что были предложения от стороны защиты еще в советский период предоставить им право назначать экспертизу или обращаться к специалисту. Обосновывалось это предложение целями правосудия – возможностью достижения истины, реализации принципа состязательности и т.д. Законодатель учел эти предложения. В статье 117 УПК РК предоставлено право сторонам обращаться к специалистам, они проводят исследования, оформляют в соответствии с требованиями ст. 117 и результаты их исследования принимаются как доказательство наравне с другими видами доказательств. Далее, авторы особое внимание уделяют вопросам использования судебной экспертизы при доказывании обстоятельств экологического правонарушения. Анализируется содержание понятий “предмет”, “задачи”, “вопросы” судебной экологической экспертизы, дана классификация субъектов, уполномоченных соответственно уголовно-процессуальному законодательству назначать судебную экспертизу, готовить материалы, направляемые эксперту. В завершении статьи авторы на основе анализа судебной практики отмечают, что в Казахстане происходит становление класса судебной экологической экспертизы и на практике существуют проблемы при назначении судебной экспертизы, предоставлении материалов эксперту и другие вопросы, которые следует разрешать.

Ключевые слова: Республика Казахстан, уголовный процесс, консультация специалиста, экспертиза, идентификация, диагностика, эксперт, специалист, заключение, выводы.

Tapalova R.B.¹, Malikov D.B.²

¹Candidate of Juridical Sciences, Professor, e-mail: tapalova_r@mail.ru

²e-mail: Dauren.Maliykov@kaznu.kz

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

**Procedural forms of use of special knowledge at investigation
on ecological offenses by the legislation of the Republic of Kazakhstan**

In this article authors open tendencies of development of criminally procedural legislation in Kazakhstan concerning institute of special knowledge. Authors note that all procedure of attraction the special knowledge, or special scientific knowledge has a legal regulation. The legislator defines subjects, purposes and problems of special knowledge realization and the rights and duties of the subjects involved in this process. In scientific literature regarding whom it is necessary to rank as dispute subjects, there are no discussions, but authors emphasize that there were offers from the party of protection during the Soviet period to grant them the right to appoint examination or to address to the expert. This offer was

proved by the justice purposes, such as a possibility of achievement the truth, realization of the principle of competitiveness, etc.. The legislator has considered these offers. In article 117 of Code of Criminal Procedure of the RK the right to address to experts is granted to the parties, they conduct researches, make out them according to requirements of Art. 117 and results of their research are accepted as the proof on an equal basis with other types of proofs. Furthermore, authors pay special attention to questions of use of judicial examination at proof of circumstances of ecological offense. The maintenance of the concepts "subject", "tasks", "questions" of judicial environmental assessment is analyzed, classification of the subjects authorized according to the criminal procedure legislation to appoint judicial examination, to prepare the materials directed to the expert is given. To conclude the article authors on the basis of the analysis of court practice note that in Kazakhstan there is a formation of a class of judicial environmental assessment and in practice there are problems at purpose of judicial examination, granting materials to the expert and other questions which should be resolved.

Key words: Republic of Kazakhstan, criminal procedure, expert consultation, examination, identification, diagnostics, expert, specialist, report, conclusions.

Тапалова Р.Б.¹, Маликов Д.Б.²

¹ з.ғ.к., профессор, e-mail: tapalova_r@mail.ru

²e-mail: Dauren.Maliykov@kaznu.kz

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Қазақстан Республикасының заңнамасы бойынша экологиялық құқық бұзушылықтарды тергеу барысында арнайы білімді қолданудың процессуалдық нысандары

Аталған мақалада авторлар Қазақстандағы арнайы білім институтына қатысты қылмыстық іс жүргізу заңнамасының даму тенденциясын ашқан. Авторлар арнайы білімді, арнайы ғылыми білімді қолданудың барлық процедурасы құқықтық реттелетіндігін атап көрсеткен. Заң шығарушы арнайы білімді жүзеге асырудың мақсатын, міндеттерін, субъектілерін, сондай-ақ осы үдеріске тартылатын субъектілердің құқықтары мен міндеттерін анықтайды. Ғылыми әдебиеттерде субъектілерге кімдердің жатқызылатындығы туралы пікір-таластар жоқ, дегенмен де авторлар кеңес заманының өзінде-ақ қорғау тарапынан сараптама тағайындау немесе маманға жүгіну құқығын беру туралы ұсыныстар жасағандығын көрсетеді. Бұл ұсыныс сот әділдігінің мақсаттары – ақиқатқа жету, жарыспалылық қағидасын жүзеге асыру және т.б. мүмкіндіктерімен айқындалған. Заң шығарушы бұл ұсыныстарды ескерген. ҚР ҚПК-ның 117 бабында тараптардың мамандарға жүгіну құқығы көрсетілген, олар 117 баптың талаптарына сәйкес зерттеулер жүргізеді, рәсімдейді және зерттеудің нәтижелері дәлелдеме ретінде басқа да дәлелдемелердің түрлерімен бірдей қабылданады. Сонымен қатар авторлар экологиялық құқық бұзушылықтардың мән-жайларын дәлелдеу кезінде сот сараптамасын пайдаланудың мәселелеріне ерекше назар аударады. Сот экологиялық сараптамасының «пән», «міндеттер», «сұрақтар» түсініктерінің мазмұны талданады, қылмыстық-процестік заңнамаға сәйкес сот сараптамасын тағайындауға, сарапшыға жіберілетін материалдарды дайындауға құзыретті субъектілердің классификациясы берілген. Мақаланың соңында авторлар сот тәжірибесін талдау негізінде Қазақстанда сот экологиялық сараптамасы классы қалыптасып жатқаны және тәжірибеде сот сараптамасын тағайындау, материалдарды сарапшыға ұсыну кезінде және басқа да шешілуі тиіс мәселелер туындайтынын атап өтеді.

Түйін сөздер: Қазақстан Республикасы, қылмыстық процесс, маманның кеңес беруі, сараптама, идентификация, диагностика, сарапшы, маман, қорытынды.

Введение

Экологические правонарушения в Казахстане, как и в большинстве стран мира, относятся к злободневным проблемам. Особую роль в сдерживании злостных эконнарушителей может сыграть политика, которая строится на интеграции социальных и правовых средств борьбы. Одним из условий успешного предупреждения, раскрытия и расследования преступлений в сфере экологии является криминалистическое обеспечение следственной деятельности, т.е.

умелое, эффективное, приносящее положительный результат использование достижений науки криминалистики в уголовно-процессуальной деятельности. Многообразие уголовных дел в сфере экологии, сложность их раскрытия и расследования обуславливают необходимость широкого применения специальных знаний. Какие процессуальные формы привлечения специальных знаний могут быть применены, зависит от конкретного экологического правонарушения и ситуации. Привлечение к юридической ответственности за причинение

вреда и нанесение экономического ущерба при экологическом правонарушении осуществляется в рамках одного из видов судопроизводства – гражданского, уголовного, административного судопроизводства. В каждом виде судопроизводства для обоснованного разрешения дела, в соответствующих законах ГПК РК, УПК РК, КоАП РК, предусмотрено применение специальных знаний в нескольких процессуальных формах. В Казахстане ранее (в советский период и позже после приобретения независимости) не проводились **специальные научные исследования** по использованию криминалистических приемов, возможностей судебной экспертизы для доказывания по всем видам экологических правонарушений. Поэтому на кафедре уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КазНУ им. аль-Фараби совместно со сотрудниками Центра судебной экспертизы МЮ РК были начаты исследования весьма актуальной для Казахстана проблемы.

Цель исследований заключалась в разработке рекомендаций для раскрытия и расследования экологических правонарушений с помощью криминалистических технологий и судебной экспертизы.

Основная часть

Привлечение к юридической ответственности за причинение вреда и нанесение экономического ущерба при экологическом правонарушении осуществляется в рамках одного из видов судопроизводства – гражданского, уголовного, административного судопроизводства. В каждом виде судопроизводства для обоснованного разрешения дела предусмотрено применение специальных знаний в нескольких процессуальных формах.

В уголовно-процессуальном кодексе РК в зависимости от сферы применения и решаемых задач понятия «специальные знания» и «специальные научные знания» дифференцируются. Законодатель в подпункте 5) ст. 7 УПК РК от 2014 г. понятию «специальные знания» дает такое разъяснение: это «...не общеизвестные в уголовном процессе знания, приобретенные лицом в результате профессионального обучения либо работы по определенной специальности, используемые для решения задач уголовного судопроизводства»; в подпункте 6) ст. 7 понятие «специальные научные знания» рассматривается как «...область специальных знаний, со-

держание которой составляют научные знания, реализованные в методиках судебно-экспертных исследований» (УПК РК, 2014).

Процедура привлечения специальных знаний, специальных научных знаний имеет правовую регламентацию, закон определяет субъектов, цели и задачи реализации специальных знаний, а также права и обязанности субъектов, вовлекаемых в этот процесс. В научной литературе по поводу, кого следует причислять к субъектам спор, дискуссий нет, но были предложения от стороны защиты еще в советский период предоставить им также право назначать экспертизу или обращаться к специалисту. Обосновывалось это предложение целями правосудия – возможностью достижения истины, справедливости, реализации принципа состязательности и т.д. Законодатель учел эти предложения. В статье 117 УПК РК предоставлено право сторонам обращаться к специалистам, они проводят исследования, оформляют в соответствии с требованиями ст. 117 и результаты их исследования принимаются как доказательство наравне с другими видами доказательств.

В зависимости от процессуального положения субъектов уголовного судопроизводства, вовлекаемых в правоотношения, связанные с применением специальных знаний, можно разделить на три группы.

Субъекты первой группы – судья, прокурор природоохранной прокуратуры, следователь, дознаватель – не только уполномочены привлекать специалистов к участию в процессуальных действиях, назначать экспертизы, привлекать специалистов к исследованию, с помощью специалистов понимать показания, также полномочны давать оценку заключениям экспертов, специалистов, далее у них обязанности подготовить материалы при назначении экспертизы, исследованиях специалистов, при подготовке материалов они могут также привлекать специалистов для обнаружения, фиксации, изъятия, если назначаются исследования идентификационного характера, то в этой ситуации получение образцов может осуществляться с помощью специалиста. Вся деятельность указанных субъектов, если они считают нужным привлечь специальные знания, регламентирована. Вынесение постановлений или определений, составление протоколов о получении образцов и т.д., а также структура этих документов предусмотрены в соответствующих статьях УПК РК.

Субъекты второй группы – подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, данная группа субъ-

ектов имеет права по защите своих интересов. Если в ранее действовавшем УПК РК могли ходатайствовать о назначении экспертизы, постановке вопросов перед экспертом и др. права, но право обращаться к специалистам по установлению обстоятельств, требующих исследования, не было предоставлено, адвокаты при защите прав своих клиентов могли обращаться по адвокатскому запросу к специалистам или экспертам согласно п.п. б) ст. 14 Закона об адвокатской деятельности, то на сегодня в УПК РК 2014 г. параллельно с процессуальной формой «Заключение эксперта» предусматривается «Заключение специалиста», где предоставлено право обращаться к специалистам. Приведем фрагмент статьи:

«статья 117. Заключение и показания специалиста.

Заключение специалиста – оформленный в соответствии с требованиями части третьей настоящей статьи и представленный в письменном виде официальный документ, отражающий содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед специалистом лицом, ведущим уголовный процесс, или сторонами».

Таким образом, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, их адвокаты как стороны имеют возможность получить доказательство, имеющее такое же значение, как и заключение эксперта. Законодатель, как выше было отмечено, внес существенные дополнения, тем самым расширив понятие права на защиту каждой из сторон.

Субъекты третьей группы – судебный эксперт; специалист-криминалист; инспектор (кинолог); специалист уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан; иные специалисты (врач, педагог, психолог, ревизор, аудитор, технолог, химик и т.д.); переводчик, лицо, понимающее знаки глухих или немых.

Анализ процедуры досудебного следствия и имеющихся в уголовно-процессуальном кодексе источников и средств доказывания показывает, что Закон предусматривает следующие процессуальные формы привлечения специальных знаний: назначение экспертизы (ст. 270 и ст. 373); заключение специалиста (ст. 117); привлечение специалиста к участию в следственных действиях (главы 26-29, 31-32); привлечение специалиста к участию в негласных следственных действиях (глава 30); участие переводчика в различных процессуальных действиях (ст. 81); участие педагога, психолога,

врача при допросах несовершеннолетних свидетелей, потерпевших, подозреваемого (ст. 215 и ст.ст. 535, 538); получение образцов (глава 34); ревизия, аудит (ч. 2 ст. 122).

Приведенный перечень, можно сказать, исчерпывающий, возникает вопрос: возможны ли непроцессуальные формы и что следует к ним отнести? В криминалистической литературе есть толкования на эту тему. Так, например, С.П. Вареникова определяет непроцессуальную форму применения специальных знаний как легитимную по сути, не противоречащую закону, но по решению не столь значимую, чтобы быть закрепленной в Уголовно-процессуальном кодексе системой правил применения в досудебном следствии и судебном разбирательстве уголовных дел (Вареникова, 2004: 129-143).

Таким образом, деятельность органов (лиц), ведущих уголовный процесс, по привлечению специальных знаний осуществляется в рамках процессуальных и непроцессуальных форм, включающих в себя определенную систему правил, которыми определяется связь и последовательность проводимых действий.

Целью судебной экспертизы в судопроизводстве является установление обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела по существу. В соответствии с целью формулируется предмет судебной экспертизы, под которым понимаются фактические данные, конкретные обстоятельства уголовного, гражданского или административного дела, подлежащие установлению на основе специальных научных знаний (Винберг, 1979; Behrendt, 1989; Аубакиров, 1991; Шакиров, 2008; Hammer, 1968; Бычкова, 2005; Россинская, 1996; Fisher, 1998: 1177; Harmonisation in Forensic Expertise. An inquiry into the desirability of and opportunities for international standards, 2000).

Предмет конкретной судебной экспертизы зависит от задач исследования, под которыми в широком смысле понимается задание следователя (суда), выраженное в конкретных вопросах по тому или иному виду экспертизы (Аверьянова, 2001: 61).

При анализе соотношения понятий «предмет», «задачи», «вопросы» судебной экспертизы необходимо исходить из того факта, что вопросы и задачи, стоящие перед экспертизой, позволяют установить ее предмет, но как таковые не входят в его содержание. Иными словами, установление в экспертном исследовании определенных обстоятельств детерминировано конкретными задачами, стоящими перед экспертизой, которые

определяют круг фактических данных, входящих в содержание предмета исследования (Зинин, 2002: 78; Forker, 1976: 18).

Говоря о роли задач (вопросов) в конкретизации предмета судебной экспертизы, важно также отметить их значение для формирования предмета и ее научной отрасли, ибо конечные задачи практической деятельности определяют потребности в теоретическом осмыслении возникающих в ней проблем.

С точки зрения А.Р. Шляхова, научное определение задач судебной экспертизы – методологическая основа для уяснения сущности предмета экспертизы, формулирования конкретных вопросов при назначении судебных экспертиз и вместе с тем базис для развития теорий и методик экспертного исследования (Шляхов, 1979: 11). По его мнению, понятие задачи экспертизы близко, сходно с понятием вопроса, поставленного перед экспертом: очевидно, что первое есть научное определение, которое может быть выражено множеством разнообразных формулировок; по конкретной экспертизе оно реализуется посредством ряда вопросов.

Именно такой подход к оценке экспертной задачи в целом утвердился в теории судебной экспертизы, на основе которой осуществлены классификация и типизация задач по классам, родам видам судебной экспертизы (Классификация судебных экспертиз и типизация их задач).

Содержательной основой оценки экспертных задач, формирующих предметную область судебной экспертизы, является уровневый подход, который выражается в выделении в общей системе экспертного познания задач диагностического, классификационного, идентификационного и ситуалогического (ситуационного) уровней (Волчецкая, 2002: 77; Винберг, 1978: 71; Аверьянова, 2001: 75; Smith, 1988: 1074). Такой подход, с одной стороны, значительно расширяет имеющиеся представления о классе неидентификационных экспертиз, обозначая в нем наличие различных уровней решения задач, а с другой – более рельефно оттеняет задачи идентификационного уровня.

Вполне естественно, что обстоятельства, выявляемые в процессе диагностического исследования, отличаются по степени своей обобщенности от обстоятельств, выявленных в процессе классификационного исследования, идентификации либо ситуалогического анализа. Каждое из названных исследований преследует сугубо свой уровень обобщения, в зависимости от характера устанавливаемых в процессе познания

связей, существующих между объектами и явлениями окружающего мира.

Являясь, по существу, условной, дифференциация структуры экспертного познания по уровневому критерию дает возможность не только выделить цель и задачу каждого уровня познавательной деятельности эксперта, но и предложить самостоятельные методики их решения.

Изложенные принципиальные положения легли в основу оценки экспертного познания как структурированной и иерархической системы, в которой базисными, определяющими любые иные исследования, определены задачи диагностического уровня.

Предполагаемый взгляд на диагностические исследования базируется на том факте, что, не распознав, не различив, не определив природы материальных объектов или их состояние в процессе экспертного анализа (именно эти задачи решает экспертная диагностика), трудно говорить о возможности проведения какого-либо исследования вообще. Подобный подход согласуется с сущностью познавательного процесса, предусматривающего стадийный переход от анализа простейших форм отражения объектов окружающего мира к более сложным (Charles, 1988: 620; Россинская, 2010: 16; Виницкий, 2008: 21; Давлетов, 1997: 34).

Оценка установления групповой принадлежности в качестве цели классификационной задачи не препятствует ее анализу в качестве подзадачи идентификационного уровня, тем более что ее решение – необходимый этап установления тождества индивидуальности определенного объекта.

Криминалистическая идентификация – это процесс познания, позволяющий установить наличие или отсутствие тождества объекта самому себе по определенным отображениям во внешнем мире (Колдин, 2003; Wells, 1993: 553; Зорин, 2000: 286;), т.е. выделяя ситуационный уровень в структуре экспертного познания, мы имеем в виду не только сложившееся в криминалистике представление о ситуационной экспертизе, но и более узкую его трактовку, включающую анализ элементарных ситуаций, являющихся предметом отдельных экспертиз (например, установление возможности выстрела оружия без нажатия на спусковой крючок).

Такой подход позволяет уточнить цели задач ситуационного уровня: в одном случае – это установление на основе специальных познаний события в целом, в другом – установление фраг-

мента события. Соответственно задачи данного уровня по степени общности устанавливаемых фактов следует подразделять на общие и частные. К последним следует отнести определение: способа совершения действия; возможности совершения действия; места совершения действия; времени совершения действия; механизма взаимодействия объектов; причин и условий изменения объекта, а также установление причинной связи между действием и последствиями; возможных последствий по совершенному действию.

Организационные вопросы назначения судебной экспертизы.

В процессе назначения экспертиз важную роль играет решение организационных вопросов, которые ложатся в основу принятия процессуального решения, а также выбора экспертного учреждения или конкретного эксперта.

Организационные вопросы решаются при этом в зависимости от стадий назначения экспертизы, которые условно подразделяются на подготовительную и стадию поручения экспертизы (Зайцев, 2008).

В свою очередь подготовительная стадия подразделяется на следующие этапы, требующие решения организационных вопросов:

Принятие решения о назначении экспертизы.

Данный этап подразумевает, что в процессе предварительного следствия либо судебного разбирательства возникает ситуация, требующая привлечения специальных научных знаний для установления обстоятельств, имеющих значение для дела. Иными словами, если субъектами доказывания будут исчерпаны возможности использования имеющихся способов получения доказательственной информации для установления искомых обстоятельств, то тогда следователь либо суд могут принять решение о назначении экспертизы. Сказанное относится к фактическому основанию назначения экспертизы, существующему наряду с юридическим, выражением которого является постановление о ее проведении.

Определение конкретного вида экспертизы.

Решение данного вопроса предопределяет эффективность привлечения экспертных знаний. В этой связи следователь либо суд должны профессионально ориентироваться в существующих классификациях экспертиз и их возможностях. К примеру, неправильное определение процессуального вида экспертизы (дополнительная, повторная) может привести к процессуальным нарушениям при их назначении, а невер-

ная оценка возможностей привлечения научных знаний в рамках определенного вида экспертизы может привести к отказу эксперта от ее производства.

Определения задач, требующих экспертного разрешения.

Следователь (суд) должен четко определить с конкретными задачами предстоящего исследования, что подразумевает конкретизацию целей экспертного исследования и условий, необходимых и достаточных для производства экспертизы.

Формулирование вопросов эксперту.

После определения вида экспертизы и конкретизации ее задач следователь (суд) должен приступить к формулированию вопросов, выносимых на разрешение эксперта. Субъектам доказывания важно при этом руководствоваться методическими и процессуальными требованиями к их постановке. В частности, вопросы не должны выходить за пределы компетенции экспертизы и специальности выбранного эксперта.

Вопросы к эксперту должны ставиться в логической последовательности, что предполагает их построение с учетом установления вначале фактов (обстоятельств) общего порядка с переходом к более конкретным, интересующим следствие (суд).

По своему содержанию вопросы к эксперту должны содержать четкие и ясные формулировки и быть понятными всем участникам процесса.

Очень важно учитывать, что законодатель не разрешает постановку перед судебным экспертом вопросов правового характера.

Подготовка исходных данных для производства экспертизы.

В данном случае следователь (суд) должен четко определиться с перечнем материалов, направляемых на экспертизу. К таковым относятся объекты исследования, образцы для экспертного исследования, материалы уголовного, гражданского, административного дела и в частности, содержащиеся в них вещественные доказательства и документы, обеспечивающие возможность проведения исследования экспертом.

При представлении исходных данных следователь (суд) должен учитывать процессуальные требования, предъявляемые к объектам и образцам для экспертного исследования, в числе которых следовало бы назвать требования относимости, допустимости и достоверности.

Методические основы производства судебных экспертиз. Знание практическими работни-

ками правоохранительных и судебных органов методических основ производства судебной экспертизы – неперменный атрибут объективной оценки соответствия судебно-экспертной деятельности ее институциональным задачам по эффективному привлечению специальных научных знаний в сферу судопроизводства.

Методика экспертного исследования представляет собой научно-разработанную систему рекомендаций по оптимальному выбору и применению методов, приемов и технических средств для целей исследования объектов и установления фактических данных, относящихся к предмету конкретного вида судебной экспертизы (Смирнова, 2004). В рассматриваемом нами случае система означает целенаправленность и упорядоченность использования интеллектуального и технического потенциала в процессе производства экспертизы.

Методика по своей сути означает алгоритм действий эксперта в процессе применения специальных научных знаний для решения поставленных перед ним задач. В этом плане важное значение имеет учет иерархичности познавательного процесса, позволяющий на основе имеющегося знания осуществлять плавный переход от цели исследования к ее результату.

В свою очередь, иерархичность познавательного процесса подразумевает под собой выделение в нем стадий, обеспечивающих посредством последовательного решения подзадач достижение искомого результата.

При оценке методики экспертного исследования принято выделять следующие стадии: подготовительную, аналитическую (стадию раздельного исследования объектов), синтезирующую (стадию сравнительного исследования объектов), выводную (стадию оценки результатов исследования), заключительную (стадию оформления результатов исследования).

Каждая из названных стадий имеет свое значение и важно знать, что соблюдение методических требований не только к каждой стадии, но и их последовательности залог успешного решения экспертной задачи и правильной оценки заключения эксперта субъектами доказывания.

Остановимся подробнее на каждой из стадий, ознакомление с которыми позволит в итоге раскрыть сущностную основу экспертного исследования.

Подготовительная стадия включает в себя, прежде всего, ознакомление эксперта с материалами дела, присланными на экспертизу, которое

позволяет осуществить анализ исходных данных, уяснить сущность подлежащих разрешению вопросов, конкретизировать цель исследования, произвести выбор конкретной методики и, соответственно, методов и научно-технических средств исследования.

Таким образом, процесс непосредственного производства экспертизы начинается с момента получения экспертом сопроводительных документов (постановления, определения), материалов дела и объектов – вещественных доказательств.

Особое внимание эксперт должен уделить внешнему осмотру объектов с точки зрения решения вопросов о соответствии правил их изъятия, хранения, упаковки и доставки, законности их получения, достаточности и пригодности для исследования.

Если эксперт пришел к выводу о необходимости представления дополнительных материалов, то такие материалы запрашиваются у лица, назначившего экспертизу. В указанном случае срок производства экспертизы приостанавливается со дня вынесения ходатайства по день получения дополнительных материалов или сообщения об отказе в удовлетворении просьбы. В случаях невозможности или отказа в удовлетворении ходатайства материалы возвращаются без исполнения с соответствующим обоснованием.

Убедившись в наличии всех необходимых для исследования исходных данных, их достаточности, легитимности получения и пригодности, эксперт уясняет сущность выносимых на экспертизу вопросов с точки зрения правомочности и правильности их постановки. Параллельно решается вопрос о компетентности эксперта в их разрешении и наличии соответствующей методики и материально-технической базы для проведения предстоящего исследования.

В определенной степени устранить возможные недостатки при оформлении заключения эксперта призвано нормативное регулирование правил оформления данного документа. В частности, содержание и форма заключения эксперта нормативно закреплены в п. 2 ст. 251 УПК РК, а также в положениях Инструкции по производству судебных экспертиз и специализированных исследований в Центре судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан, утвержденной приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 24 октября 2002 г. № 158 (с последующими дополнениями и изменениями).

Таким образом, как было показано в изложенном выше материале, знание методических аспектов проведения экспертных исследований является важной составляющей в процессе оценки результатов судебных экспертиз. При этом необходимо всегда учитывать фактор разнообразия методик экспертного исследования и при возникновении вопросов о способах эффективной их реализации рекомендуется для их разрешения обращаться за помощью к специалистам соответствующего профиля.

Заключение эксперта: структура, содержание и оценка. В соответствии со статьей 1 Закона Республики Казахстан «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан» заключение эксперта – это оформленный в соответствии с требованиями закона документ, отражающий ход и результаты судебно-экспертного исследования.

В судопроизводстве заключение эксперта имеет двойное значение: как вид судебного доказательства и как процессуальный акт, в котором это доказательство изложено.

С точки зрения оценки заключения эксперта как процессуального акта необходимо учитывать ряд процессуальных требований к оформлению данного документа. Оформление результатов производства экспертизы осуществляется в соответствии с процессуальным законодательством, Законом Республики Казахстан «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан», Инструкцией по производству судебных экспертиз и специализированных исследований в Центре судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан, утвержденной приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 24 октября 2002 г. № 158 (с последующими дополнениями и изменениями), а также иными нормативными актами (Инструкция по производству судебных экспертиз и специализированных исследований в Центре судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан, утвержденной приказом и.о. Министра юстиции РК от 24 мая 2011 года).

При наличии нескольких вопросов эксперт вправе сгруппировать их, изложить в той последовательности, которая обеспечивает наиболее целесообразный порядок проведения исследования, но без изменения их смыслового содержания. Если вопрос в постановлении или определении сформулирован не в соответствии с принятыми рекомендациями, но его смысл эксперту понятен, то после приведения вопроса в

первоначальной формулировке эксперт должен пояснить, как этот вопрос им понимается в соответствии с его специальными знаниями.

В примечаниях эксперт: поясняет обстоятельства, по которым указывает на невозможность ответа на вопрос, требующий правовой оценки фактов; после вопросов, указанных в постановлении (определении) о назначении экспертизы, по согласованию с органом (лицом), назначившим экспертизу, и в соответствии с требованием законодательства по своей инициативе ставит вопрос, результаты ответа на который будут способствовать установлению обстоятельств, существенных для дела:

- срок приостановки производства экспертизы по гражданскому делу в связи с ее оплатой;
- ходатайства эксперта о предоставлении дополнительных материалов с указанием даты их заявления и получения ответа, результата их рассмотрения;
- сведения об эксперте (экспертах): фамилия, имя, отчество, образование, ученая степень и звание, должность, экспертная специальность, стаж экспертной работы;
- информация о предупреждении эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения (при производстве специализированных исследований данный пункт отсутствует).

При производстве дополнительной, повторной, комиссионной, комплексной экспертизы в вводной части Заключения эксперта, помимо сведений, указанных выше, особо отмечается вид экспертизы, сообщаются сведения о первичной экспертизе: номер и дата выпуска заключения, фамилия и инициалы эксперта, наименование экспертного учреждения, указываются фактические данные и выводы, установленные первичной экспертизой, а также основания назначения новой.

Если на некоторые из поставленных вопросов не представилось возможным дать ответы, в исследовательской части указываются причины этого.

Исследовательская часть излагается в терминах и понятиях, не требующих дополнительного разъяснения и толкования, языком, понятным для лиц, не имеющих экспертных знаний. Примененная методика исследования описывается таким образом, чтобы можно было оценить полноту применения ее экспертом, а при необходимости проверки правильности выводов, все исследование можно было бы повторить.

Выводы

Методология и методы исследования играют большую роль в теории и практике судебной экспертизы, в том числе для класса судебной экологической экспертизы. Методологические основы предопределили деление экспертиз на судебные и криминалистические. В криминалистических экспертизах совокупность приемов обнаружения, фиксации, изъятия объектов, образцов и методика их исследования опирается на данные науки криминалистики, ее раздела криминалистической техники, судебной экспертологии, частных криминалистических учений (теории криминалистической идентификации, диагностики) и данные тех материнских наук, которые исследуют соответствующие объекты – вещественные доказательства. Научные положения в криминалистике, криминалистической технике, частных учениях разработаны, в основном, применительно к решению задач по обнаружению, фиксации, изъятию и в последующем решению задач идентификации или диагностики. Например, в трасологии ее задачами являются обнаружение, фиксация, изъятие и исследование следов человека, орудий взлома, транспортных средств, животных, производственных механизмов, в трасологической экспертизе задачами являются идентификация человека по следам рук, ног, зубов, автомобиля по следам протектора, диагностика следов взлома внутри замка и идентификация по этим следам орудий взлома и др. В баллистике решаются задачи по обнаружению, фиксации, изъятию, исследованию огнестрельного оружия, боеприпасов, следов выстрела, в баллистической экспертизе применительно к этим объектам можно решить многочисленные идентификационные, неидентификационные задачи и т.д.

Исходя из судебной практики можно сделать вывод, что цель любой криминалистической экспертизы – содействовать решению задач по раскрытию, расследованию преступлений, в том числе в экологии.

Методология судебных экспертиз строится на данных материнских наук. Так, например, судебно-медицинская экспертиза основывается на данных науки медицины; судебно-психологическая экспертиза на данных науки психологии, судебно-биологические экспертизы опираются на данные биологии. Но на сегодня стало очевидным, что для установления обстоятельств гражданского, административного и уголовного дела в экологии с помощью экспертизы в целях доказывания требуются не просто специалисты

в конкретной области, например в почвоведении, но и в биологии, зоологии, ботанике и других смежных областях науки биологии и т.д., а также знания в области таких естественных наук, как химия, неорганическая химия, органическая химия, аналитическая химия, химическая технология и т.д., кроме того, нужны знания по процессуальному законодательству и теории судебных доказательств. Все сказанное свидетельствует о невероятной сложности проведении СЭ. Как выше было отмечено, задачи, решаемые судебными экспертизами и составляющие ее частный предмет, делятся на две группы: идентификационные и неидентификационные. Неидентификационные в свою очередь подразделяются на классификационные, диагностические и ситуационные. Идентификационные задачи направлены на установление тождества, которое может быть индивидуальным, групповым и родовым. Например, источником загрязнения почвы нефтепродуктами является ТОО. Приведенное является примером решения задачи об установлении индивидуального тождества. Это, как правило, имеет место в преступлениях по криминалистической классификации в 1-2 группах преступлений. В преступлениях 3-4 группы примером об установлении индивидуального тождества может быть дробь, извлеченная из туши сайгака, изготовленная из куска свинца, обнаруженного у гр-на С.

Классификационные вопросы направлены на установление природы объекта, принадлежности их определенному классу, роду, виду. Например, обнаруженные частички пера являются перьями соколов балобанов.

Диагностические задачи связаны с установлением каких-либо обстоятельств, они могут отражать процесс изготовления, эксплуатации объекта. Для глушения рыбы гр-н Д. применил кустарное взрывное устройство.

Ситуационные вопросы ставятся на разрешение экспертизы, когда необходимо выяснить механизм рассматриваемого события, последовательность действий, причинные связи между объектами или в происшедших в свойствах этих объектов изменений. Например, могла ли гибель птиц водоема произойти от загрязнения воды выбросами сточных вод фабрики химчистки. Надо отметить, что при рассмотрении или расследовании экологических правонарушений экспертам иногда приходится решать одновременно в рамках одного дела – ситуационные, диагностические, классификационные и идентификационные вопросы.

Литература

- 1 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями) // [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=318;-157.
- 2 Вареникова С.П. Применение специальных знаний в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: учебное пособие. – Алматы: НАС, 2004. – 458 с.
- 3 Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология: общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз. – Волгоград, 1979. – 236 с.
- 4 Behrendt J.E. The Status Of Training for Questioned Document Examiners in United States // JFS.–1989. – V.34. – №2. – P. 366-370.
- 5 Аубакиров А.Ф., Гинзбург А.Я., Лившиц Ю.Д. Значение экспертизы в расследовании преступлений: Уч. пособие. – Караганда, 1991. – 100 с.
- 6 Шакиров К.Н. Судебная экспертология. Курс лекций. – Алматы, 2008. – 125 с.
- 7 Hammer H.Y. Kriminalistik and forensische wissenschaften. – 1968. – № 61,62. – P.66–72.
- 8 Бычкова С.Ф., Бычкова Е.С., Калимова А.С. Судебная экспертология. Курс лекций: Учебное пособие. – Алматы: Жеті жарғы, 2005. – 336 с.
- 9 Charles R.S., Neil C.C., Leonard T. Criminal investigation. – New York: McGraw-Hill, Inc., 1988. – 620 p.
- 10 Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском и арбитражном процессе: Практ. пособие. – М., 1996. – 363 с.
- 11 Fisher B. Developing a Forensic Science Laboratory Operating Strategy // Sournal of Forensic Sicnces, 1998. – V.31. – №4. – P. 1177–1178.
- 12 Harmonisation in Forensic Expertise. An inquiry into the desirability of and opportunities for international standards // Thela Thesis, the Netherlands, 2000.
- 13 Аверьянова Т.В. и др. Криминалистика: учебник для вузов // Под ред. Р.С. Белкина. – М.: Изд. НОРМА, 2001.
- 14 Зинин А.М. и др. Введение в судебную экспертизу. – М.: Изд-во Моск. психолого-социального инст., 2002. – 240 с.
- 15 Forker A. Besonderheiten der Untersuchungsplanung bei der Bekämpfung von Brennpunkten // Forum der Kriminalistik. – 1976. – №2. – P. 18.
- 16 Шляхов А. Р. Судебная экспертиза. Организация и проведение. – М., Юрид. лит, 1979. – 269 с.
- 17 Классификация судебных экспертиз и типизация их задач // [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: <http://www.adilet.gov.kz/ru/node/17848>
- 18 Волчечкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография. / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. – Калининград: КГУ, 1997. – 248 с.
- 19 Винберг А.И. Идентификационные, диагностические и ситуационные криминалистические экспертизы // Советское государство и право. – 1978. – № 9. – С. 71–75.
- 20 Аверьянова Т.В. Экспертные задачи: понятие и классификация // Известия Тульского государственного университета. Тула, 2001. – Вып. 4. – С. 75–81.
- 21 Smith F.P. Research Experience and Future Criminalists// JFS. – 1988. – V. 33. – № 4. – P. 1074-1079.
- 22 Россинская, Е.Р., Галяшина, Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. – М.: Проспект, 2010. – 464 с.
- 23 Виницкий, Л.В. Экспертная инициатива в уголовном судопроизводстве: монография. – М.: Изд. «Экзамен», 2008. – 382 с.
- 24 Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. – Екатеринбург: изд-во Гуманитарного университета, 1997. – 191 с.
- 25 Колдин В.Я. Судебная идентификация: Учебное пособие для судей, следователей, прокуроров, лиц, производящих дознание, защитников, экспертов, специалистов, студентов и аспирантов. – М.: ЛексЭст, 2003. – 526 с.
- 26 Wells G. What do we know about eyewitness identification? // American Psychologist, 1993. – P. 553-557.
- 27 Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. – Минск: Амалфея, 2000. – 416 с.
- 28 Зайцев Р.В. Некоторые процессуальные проблемы назначения криминалистических экспертиз // Бизнес в законе. – М.: Издательский дом Юр-ВАК, 2008. – № 1.
- 29 Мирский Д.Я. Понятие и структура методики экспертного исследования. Обобщенная модель методического руководства по судебным экспертизам // Проблемы теории судебной экспертизы: Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ. – М., 1980. – Вып. 44.
- 30 Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. Состояние, развитие, проблемы. 2-е изд. пер. и доп. – СПб.: Питер, 2004. – 875 с.
- 31 Инструкция по производству судебных экспертиз и специализированных исследований в Центре судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан, утвержденной приказом и.о. Министра юстиции РК от 24мая 2011. – № 193 // [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399#pos=1;-117

References

- 1 Aubakirov A.F., Ginzburg A.YA., Livshic YU.D. (1991) Znachenie ehkspertizy v rassledovanii prestuplenij: Uch. posobie. – Karaganda. – 100 s.

- 2 Aver'yanova T.V. i dr. Kriminalistika: uchebnik dlya vuzov // Pod red. R.S. Belkina. – M.: Izd. NORMA, 2001.
- 3 Aver'yanova T.V. EHkspertnye zadachi: ponyatie i klassifikaciya // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Tula, 2001. – Vyp. 4. – S. 75-81.
- 4 Behrendt J.E. The Status Of Training for Questioned Document Examiners in United States// JFS.-1989. – V.34. – №2. – P. 366-370.
- 5 Bychkova S.F., Bychkova E.S., Kalimova A.S. (2005) Sudebnaya ehkspertologiya. Kurs lekcij: Uchebnoe posobie. – Almaty: ZHeti zhargy. – 336 c.
- 6 Charles R.S., Neil C.C., Leonard T. (1988) Criminal investigation. – New York: McGraw-Hill, Inc. – 620 p.
- 7 Davletov, A.A. Osnovy ugolovno-processual'nogo poznaniya. – Ekaterinburg: izd-vo Gumanitarnogo universiteta, 1997. – 191 s.
- 8 Fisher B. Developing a Forensic Science Laboratory Operating Strategy // Sournal of Forensic Sicnces, 1998. – V.31. – №4. – P. 1177-1178.
- 9 Forker A. Besonderheiten der Untersuchungsplanung bei der Bekämpfung von Brennpunkten // Forum der Kriminalistik. – 1976. – №2. – P. 18.
- 10 Hammer H.Y. (1968) Kriminalistik and forensische wissenschaften. – № 61,62. – P.66-72.
- 11 Harmonisation in Forensic Expertise. An inquiry into the desirability of and opportunities for international standards // Thela Thesis, the Netherlands, 2000.
- 12 Instrukciya po proizvodstvu sudebnyh ehkspertiz i specializirovannyh issledovanij v Centre sudebnoj ehkspertizy Ministerstva yusticii Respubliki Kazahstan, utverzhdennoj prikazom i.o. Ministra yusticii RK ot 24maya 2011. – № 193 // [EHlektronnyj resurs]. – 2017. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399#pos=1;-117
- 13 Klassifikaciya sudebnyh ehkspertiz i tipizaciya ih zadach // [EHlektronnyj resurs]. – 2017. – URL: <http://www.adilet.gov.kz/ru/node/17848>
- 14 Koldin V.YA. (2003) Sudebnaya identifikaciya: Uchebnoe posobie dlya sudej, sledovatelej, prokurorov, lic, proizvodyashchih doznanie, zashchitnikov, ehkspertov, specialistov, studentov i aspirantov. – M.: LeksEHst. – 526 s.
- 15 Mirskij D.YA. Ponyatie i struktura metodiki ehkspertnogo issledovaniya. Obobshchennaya model' metodicheskogo rukovodstva po sudebnym ehkspertizam // Problemy teorii sudebnoj ehkspertizy: Sb. nauch. tr. / VNIISEH. – M., 1980. – Vyp. 44.
- 16 Rossinskaya E.R. (1996) Sudebnaya ehkspertiza v ugolovnom, grazhdanskom i arbitrazhnom processe: Prakt. posobie. – M. – 363 c.
- 17 Rossinskaya, E.R., Galyashina, E.I. Nastol'naya kniga sud'i: sudebnaya ehkspertiza / E.R. Rossinskaya, E.I. Galyashina. – M.: Prospekt, 2010. – 464 s.
- 18 SHakirov K.N. (2008) Sudebnaya ehkspertologiya. Kurs lekcij. – Almaty. – 125 c.
- 19 SHlyahov A. R. (1979) Sudebnaya ehkspertiza. Organizaciya i provedenie. – M., YUrid. lit. – 269 s.
- 20 Smith F.P. Research Experience and Future Criminalists// JFS. – 1988. – V. 33. – № 4. P. 1074-1079.
- 21 Smirnova S.A. (2004) Sudebnaya ehkspertiza na rubezhe XXI veka. Sostoyanie, razvitie, problemy. 2-e izd. per. i dop. – SPb.: Piter. – 875 s.
- 22 Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 4 iyulya 2014 goda № 231-V (s izmeneniyami i dopolneniyami) // [EHlektronnyj resurs]. – 2017. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=318;-157.
- 23 Varenikova S.P. Primenenie special'nyh znaniy v ugolovnom sudoproizvodstve Respubliki Kazahstan: Uchebnoe posobie. – Almaty: NAS, 2004. – 458 c.
- 24 Vinickij, L.V. (2008) EHkspertnaya iniciativa v ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya. – M.: Izd. «EHkzamen». – 382 s.
- 25 Vinberg A.I. Identifikacionnye, diagnosticheskie i situacionnye kriminalisticheskie ehkspertizy // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1978. – № 9. – S. 71-75.
- 26 Vinberg A.I., Malahovskaya N.T. (1979) Sudebnaya ehkspertologiya: obshcheteoreticheskie i metodologicheskie problemy sudebnyh ehkspertiz. – Volgograd. – 236 c.
- 27 Volchekaya T.S. Kriminalisticheskaya situologiya: Monografiya. / Pod red. prof. N.P. YAblokova. – Kaliningrad: KGU, 1997. – 248 s.
- 28 Wells G. What do we know about eyewitness identification? // American Psychologist, 1993. – P. 553-557.
- 29 Zajcev R.V. Nekotorye processual'nye problemy naznacheniya kriminalisticheskikh ehkspertiz // Biznes v zakone. – M.: Izdatel'skij dom YUr-VAK, 2008. – № 1.
- 30 Zinin A.M i dr. (2002) Vvedeniye v sudebnuyu ekspertizu. – M.: Izd-vo Mosk. psikhologo-sotsial'nogo inst. – 240 s.
- 31 Zorin G.A. (2000) Teoreticheskie osnovy kriminalistiki. – Minsk: Amalfeya. – 416 s.

Амирханов Б.К.

докторант PhD Алматинской академии МВД РК
имени М. Есбулатова, полковник полиции,
Казахстан, г. Алматы

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье автором проведено исследование проблем теории и практики негласных следственных действий что позволило определить недостатки их правового обеспечения и механизма реализации, изложена основная модель совершенствования уголовно-процессуального законодательства организационного и процессуального характера по поднятым нами проблемам.

Ключевые слова: правосудие, следственный судья, санкционирование негласных следственных действий, уголовно-процессуальный закон, негласные следственные действия, права и свободы граждан.

Amirkhanov B.K.

Doctoral student PhD of the Almaty Academy of the Ministry of the Interior of the
Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, colonel of the police,
Kazakhstan, Almaty

Improvement of legal support and mechanism for the implementation of unsolicited investigative actions

In the article the author conducted a study of the problems of theory and practice of unsolicited investigative actions that made it possible to determine the shortcomings of their legal support and the implementation mechanism, outlined the main model of improving the criminal procedural legislation of organizational and procedural nature on the problems raised by us.

Key words: justice, investigative judge, sanctioning of secret investigative actions, criminal procedural law, secret investigative actions, rights and freedoms of citizens.

Амирханов Б.К.

Қазақстан Республикасы ІІМ М. Есболатов атындағы
Алматы академиясының PhD докторанты, полиция полковнигі,
Қазақстан, Алматы қ.

Жасырын тергеу әрекеттерінің механизмін жүзеге асыру мен құқықтық қамтамасыз етуді жетілдіру

Мақалада автор құқықтық қолдау және іске асыру тетігінің жетіспеушіліктерін анықтауға мүмкіндік беретін тергеу әрекеттерінің теориясы мен практикасы мәселелерін зерттеді, өзі көтерген мәселелер бойынша ұйымдық және іс жүргізу сипатындағы қылмыстық іс жүргізу заңнамасын жетілдірудің негізгі моделін белгіледі.

Түйін сөздер: әділет, тергеу судьясы, жасырын тергеу әрекеттерін сақциялау, қылмыстық процестік заңнамасы, жасырын тергеу әрекеттері, азаматтардың құқықтары мен бостандықтары.

Ядром проблем является отсутствие судебного контроля за реализацией НСД. Процесс усиления судебной власти в национальной правовой системе носит поэтапным характер.

Как указывает А.А. Касимов: «Первые шаги по реализации конституционного предназначения судебной власти, исключительной компетенции по ограничению конституционных прав граждан отразились в следующих принятых законах: Закон Республики Казахстан N 254 от 21 мая 2007 года «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» и Закон РК N 65-IV от 5 июля 2008 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам применения мер пресечения в виде ареста, домашнего ареста».

Так, в исключительную компетенцию суда было передано право по ограничению конституционных гарантий на личную свободу и неприкосновенности личности. Арест и содержание под стражей (свыше семидесяти двух часов) стали возможными только с санкции суда.

В то же время ограничение других неотъемлемых конституционных прав граждан остается в компетенции органов уголовного преследования. В новой редакции Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан этот вопрос также не нашел своего полного разрешения, несмотря на то, что ученые-юристы в преобладающем большинстве солидарны с позицией карательной функции органов прокуратуры [1].

Для обеспечения надлежащей сущности и реализации ст. 16 Конституции РК в нормах УПК РК понадобилось одиннадцать лет. В последующем понадобилось еще восемь лет, чтобы обеспечить другие конституционные гарантии (неприкосновенность частной жизни; неприкосновенность жилища и др.). В первоначальной редакции УПК РК 2014 года, исходя из авторства, таких гарантий не было. Обеспечение этих прав стало возможным только благодаря последовательной политике Президента РК Н.А. Назарбаева, результатом которой стало принятие Закона РК от 31 октября 2015 года № 378-V ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования системы отправления правосудия», закрепившего санкционирование осмотра, обыска, выемки и личного обыска в исключительную компетенцию суда [2; 3].

Вместе с тем, следует признать, что данные права обеспечены лишь на половину. По-прежнему в компетенции органов уголовного пре-

следования остается санкционирование НСД и СОПМ, что является наиболее опасным с позиции конституционного обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Данные действия носят негласный характер, поэтому «лицо фактически не имеет возможность обратиться с жалобой в суд, поскольку на момент ограничения его прав он об этом не знает и знать не может» [4].

Прокурор является органом уголовного преследования и несет бремя доказывания по уголовному делу. По этой причине, в случае получения положительного результата при проведении НСД или СОПМ прокурор, являясь единственным лицом, осуществляющим параллельно и надзор за законностью, не будет принципиален и в этих вопросах.

Подобное положение дел противоречит требованиям п. 2 ст. 13 Конституции РК, предоставляющей право каждому на судебную защиту своих прав и свобод, а также конституционному предназначению суда.

Так, правосудие в РК осуществляется только судом (п. 1 ст. 75 Конституции РК).

Кроме того, в соответствии со ст. 1 Конституционного закона РК «О судебной системе и статусе судей РК»:

Судебная власть в РК принадлежит только судам в лице постоянных судей, а также присяжных заседателей, привлекаемых к уголовному судопроизводству в случаях и порядке, предусмотренных законом.

Запрещается издание законодательных актов, предусматривающих передачу исключительных полномочий суда другим органам.

Никакие иные органы и лица не вправе присваивать себе полномочия судьи или функции судебной власти.

Обращения, заявления и жалобы, подлежащие рассмотрению в порядке судопроизводства, не могут быть рассмотрены или взяты на контроль никакими другими органами, должностными или иными лицами.

Каждому гарантируется судебная защита от любых неправомерных решений и действий государственных органов, организаций, должностных и иных лиц, ущемляющих или ограничивающих права, свободы и законные интересы, предусмотренные Конституцией и законами республики.

Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела с соблюдением всех требований закона и справедливости компетентным, независимым и беспристрастным судом.

Судьи при отправлении правосудия независимы и подчиняются только Конституции и закону. Не допускается принятие законов или иных нормативных правовых актов, умаляющих статус и независимость судей [5].

По сути, прокуратура реализует функции суда, включая исключительные полномочия по отправлению правосудия.

Так, профессор И.Л. Петрухин, рассматривая судебный контроль за предварительным расследованием и оперативно-розыскной деятельностью, указывает на то, что данный контроль выражается в выдаче судебных решений на право проведения следственных и оперативных действий, ограничивающих конституционные права граждан, а также в разрешении жалоб граждан на решения и действия дознавателей, следователей, прокуроров.

Прав профессор И.Л. Петрухин в своих утверждениях о том, что судебный контроль есть одна из форм реализации судебной власти по осуществлению правосудия [6].

Подобной позиции придерживаются Н.Н. Ковтун и Р.В. Ярцев, которые отмечают, что судебный контроль с присущими ему правовыми свойствами (признаками) является самостоятельной, особой (процессуальной) формой осуществления правосудия в сфере уголовного судопроизводства. Свою позицию данные авторы строят на основе доводов, имеющих в уголовно-процессуальной доктрине:

а) судебный контроль на досудебном этапе преследует те же цели, которые стоят перед правосудием в суде первой инстанции;

б) провозгласив приоритет прав и свобод личности в сфере государственной защиты, именно правосудие является их главной конституционной гарантией. В силу чего исключение судебного контроля за законностью и обоснованностью действий и решений публичных процессуальных органов из системы правосудия фактически означает исключение этой формы деятельности суда соответственно из системы важнейших процессуальных гарантий;

в) как правосудие (в суде первой инстанции), так и судебный контроль (на досудебном этапе уголовного судопроизводства) объективно (по форме и существу) связаны с разрешением спора о праве, ибо разрешение спора сторон о праве на ограничение конституционных прав личности есть спор о наличии (достаточных) фактических и правовых оснований для этого; оценить и проверить которые есть конституционная обязанность суда как в суде первой инстанции, так и в

рамках реализации той или иной формы судебного контроля, предусмотренной нормами УПК;

г) разрешая дело по существу или реализуя свои полномочия по разрешению спора сторон, суд защищает (обеспечивает), восстанавливает либо компенсирует благо одной из сторон, гарантирует законность и справедливость в обществе. А это, по сути, есть правосудие [7].

Кроме того, в национальный уголовный процесс внедрен новый субъект уголовно-процессуального права, реализующий функцию правосудия на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в форме судебного контроля за ограничением конституционных права и свобод человека и гражданина, а также обеспечивающий принцип состязательности в ходе досудебного расследования.

В теории и практике уголовного процесса назрела потребность в завершении формирования основных функций следственного судьи путем передачи из компетенции прокурора в санкционирование НСД и СОПМ.

В этой связи предлагаем внести следующие изменения и дополнения в УПК РК:

1) В часть 1 статьи 55 дополнить подпункт 17) в следующей редакции:

«17) санкционирование негласных следственных действий».

2) часть 3 статьи 232 изложить в следующей редакции:

«3. Негласные следственные действия проводятся с санкции следственного судьи, порядок которых установлен статьей 234 настоящего Кодекса».

3) Статью 234 изложить в следующей редакции:

«1. Санкцию на проведение негласных следственных действий по постановлению органа досудебного расследования дает следственный судья.

Санкция дается только по зарегистрированным в установленном настоящим Кодексом порядке сообщениям и заявлениям о преступлениях.

2. Постановление о проведении негласного следственного действия в течение двадцати четырех часов после его вынесения вместе с материалами, подтверждающими обоснованность проведения указанного следственного действия, представляется следственному судье по месту производства уголовного дела.

Постановление и представленные материалы о санкционировании негласных следственных действий рассматриваются следственным су-

дней незамедлительно после поступления материалов в суд.

В случаях необходимости истребования дополнительных материалов допускается рассмотрение постановления свыше установленного срока, но не более двадцати четырех часов.

Рассмотрев постановление и представленные материалы на предмет законности и обоснованности, следственный судья выносит постановление о санкционировании либо об отказе в санкционировании негласных следственных действий.

3. Надзор за законностью полученных результатов проведенного негласного следственного действия осуществляет уполномоченный прокурор, который уведомляется не позднее двух суток со дня его окончания».

4) Статью 235 изложить в следующей редакции:

«1. В случаях, не терпящих отлагательства, допускается производство негласных следственных действий, с уведомлением прокурора в течение двадцати четырех часов и последующим получением санкции в порядке, предусмотренном статьей 234 настоящего Кодекса.

2. Прокурор, незамедлительно рассмотрев представленные материалы, направляет их следственному судье для проверки законности. В случае, если прокурор установит, что негласное следственное действие произведено с нарушениями закона, материалы следственному судье не направляются и выносятся мотивированное постановление о его незаконности.

3. Следственный судья проверяет законность произведенного негласного следственного действия и выносит постановление о его законности или незаконности, которое приобщается к материалам уголовного дела».

5) Статью 236 изложить в следующей редакции:

«1. Подлежащее санкционированию негласное следственное действие проводится в срок не более тридцати суток.

2. При необходимости продолжения проведения негласных следственных действий орган, инициировавший их проведение, за трое суток до истечения срока выносит мотивированное постановление о необходимости его продления на определенный срок и направляет прокурору. В случае поддержания прокурором продления срока им составляется ходатайство, которое вместе с постановлением и другими материалами предоставляется следственному судье для решения вопроса о санкционировании.

Следственный судья, рассмотрев ходатайство прокурора, постановление и представленные материалы, выносит постановление о санкционировании либо об отказе в санкционировании.

В постановлении о санкционировании продления проведения негласного следственного действия следственный судья вправе установить меньший срок, чем это указано в постановлении. Постановление о санкционировании направляется уполномоченному органу, осуществляющему негласное следственное действие, для исполнения.

При отсутствии необходимости продолжения проведения негласного следственного действия следственный судья выносит постановление об отказе в санкционировании и негласное следственное действие прекращается.

3. Общий срок проведения негласного следственного действия может быть продлен по ходатайству прокурора области или приравненным к нему прокурором до шести месяцев. Дальнейшее продление сроков не допускается.

4. Негласное следственное действие может осуществляться в любое время суток и непрерывно в течение всего срока его проведения».

Существенным недостатком в обеспечении конституционных гарантий являются сроки проведения НСД, которые фактически не имеют предела.

Так, в действующей редакции ст. 236 УПК РК указано:

«1. Подлежащее санкционированию негласное следственное действие проводится в срок не более тридцати суток.

2. При необходимости продолжения проведения негласных следственных действий орган, инициировавший их проведение, за трое суток до истечения срока выносит мотивированное постановление о необходимости его продления на определенный срок и направляет прокурору для решения вопроса о санкционировании. При получении санкции прокурора постановление направляется уполномоченному органу, осуществляющему негласное следственное действие, для исполнения. Прокурор может санкционировать продление проведения негласного следственного действия, установив при этом меньший срок, чем это указано в постановлении. При отсутствии необходимости продолжения проведения негласного следственного действия прокурор отказывается в санкционировании и негласное следственное действие прекращается.

3. Общий срок проведения негласного следственного действия может быть продлен прокурором области или приравненным к нему прокурором до шести месяцев. Дальнейшее продление сроков проведения негласного следственного действия осуществляется Генеральным Прокурором Республики Казахстан или его заместителями.

4. Негласное следственное действие может осуществляться в любое время суток и непрерывно в течение всего срока его проведения».

Анализ законодательства зарубежных государств показал, что максимально допустимый срок проведения НСД составляет шесть месяцев. Следует отметить, что и шесть месяцев являются огромным сроком в соотношении с американским уголовным процессом.

Так, в США, чтобы получить судебный ордер, сотрудники полиции должны в своем ходатайстве указать, в связи с каким преступлением предполагается проводить прослушивание, доказать наличие «достаточного основания» для выдачи ордера, обозначить лицо, переговоры которого предполагается прослушать, и указать характер этих переговоров.

Законом устанавливается продолжительность действия ордера – 30 дней. По истечении этого срока можно получить у судьи продление разрешения на прослушивание, но для этого нужно информировать судью о результатах первого прослушивания и обосновать необходимость продления, подтвердив наличие «достаточного основания». Закон разрешает полиции в критических ситуациях устанавливать приспособления для прослушивания на 48 часов без санкции судьи. Предполагается, что соблюдение указанных условий должно служить гарантией от необоснованного прослушивания и от злоупотребления со стороны лиц, осуществляющих прослушивание [121, с. 177-178].

С реализацией функции правосудия в форме осуществления судебного контроля тесно связан вопрос конфиденциальности назначения и производства НСД.

Понимание конфиденциальности в рамках Правил проведения НСД является недостаточным для обеспечения безопасности участников уголовного процесса, поскольку установленный механизм не способен гарантировать утечку информации. Следует отметить, что и деяния лица, посягающего на получение конфиденциальной информации, не всегда приведут к уголовной ответственности.

Поэтому в целях обеспечения сохранности информации по назначению и проведению НСД, а также безопасности участников уголовного процесса предлагаем ч. 1 ст. 241 изложить в следующей редакции:

«1. Сведения о факте производства негласного следственного действия и информация, полученная в результате его проведения, до окончания негласного следственного действия являются секретными, за разглашение которых должностные лица или лица, вовлеченные в его производство, несут установленную законом ответственность».

Рассмотренный нами порядок проведения НСД, установленный соответствующими Правилами [8], направлен на последовательное движение поручения, постановления и предоставление результатов НСД в рамках делопроизводства. Порядок взаимодействия лица, производящего досудебное расследование с сотрудником подразделения-исполнителя в ходе проведения НСД, отсутствует.

Подобная ситуация может отразиться на неэффективности досудебного расследования, а также получении доказательственной информации по делам, связанным с организованной преступностью.

Как указывают А.А. Мухитдинов и Н.И. Ахмедов, двусторонний характер помощи при взаимодействии состоит в том, что рабочий контакт следователя и оперативных работников, обмен полученной информацией обеспечивают эффективность расследования [9].

В этой связи статью 237 УПК РК следует дополнить частью 3 следующего содержания:

«3. Уполномоченное подразделение правоохранительного органа или специального государственного органа обязано в установленный лицом, осуществляющим досудебное расследование, периодический срок предоставлять информацию о ходе проведения негласного следственного действия».

Учитывая то обстоятельство, что производство ОРМ в рамках начатого уголовного дела невозможно, а для назначения НСД требуются процессуальные основания, предлагаем в статью 232 УПК РК дополнить частью 11 следующего содержания:

«11. Лицо, производящее досудебное расследование, вправе назначить проведение негласного следственного действия по рапорту сотрудника уполномоченного подразделения правоохранительного органа или специального

государственного органа, с его обязательным допросом следственным судьей».

Проведение НСД ограничивает права и свободы человека и гражданина, признаваемые и гарантированные Конституцией РК:

- получение квалифицированной юридической помощи (ст. 13);
- право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и достоинства (ст. 18);
- право на тайну личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 18);
- право на неприкосновенность жилища (ст. 25).

Во время проведения НСД лицо, чьи права ограничиваются, не может воспользоваться квалифицированной юридической помощью, поскольку об этом не знает. Данное обстоятельство является еще одним из оснований передачи санкции НСД в компетенцию суда.

Защита прав, свобод и законных интересов граждан и организаций от имени РК является конституционным предназначением судебной власти (ст. 76 Конституции РК).

Конституционным предназначением прокурора является осуществление высшего надзора за законностью оперативно-розыскной деятельности, дознания и следствия в рамках осуществления уголовного преследования (ст. 83 Конституции РК).

В этом отношении справедливо мнение Н. Ковалева: «вынесение решений о производстве НСД производится без участия стороны защиты, при их принятии необходимы дополнительные гарантии того, что такие решения не будут предвзятыми» [10].

Сравнительно-правовое исследование системы НСД и их классификации [11; 12] позволило прийти к выводу о том, что УПК РК существенно уступает зарубежному уголовно-процессуальному законодательству по имеющимся гарантиям, способным обеспечить конституционные права и свободы граждан.

Согласно Конституции РК право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и достоинства является правом абсолютным и не может подлежать ограничению. По этой причине вся информация, которая будет получена в ходе НСД и нарушающая данное право, подлежит немедленному уничтожению и не может быть распространена и использована в материалах уголовного дела и иных целях.

Например, по уголовно-процессуальному законодательству ФРГ прослушивание и записи должны быть незамедлительно прерваны, если в процессе прослушивания появляются основания предполагать, что будут зафиксированы высказывания, которые относятся к внутренней сфере частной жизни. Записи таких высказываний должны быть незамедлительно уничтожены. Использование информации о таких высказываниях недопустимо. Факт получения такой информации и ее уничтожения должен быть внесен в материалы дела [13].

Соответственно, статью 241 УПК РК следует дополнить частью 4 следующего содержания:

«4. При проведении негласного следственного действия не допустима фиксация сведений, относящихся к частной жизни, личной или семейной тайны. Если такие данные были зафиксированы, то они подлежат незамедлительному уничтожению с отметкой в соответствующем протоколе».

Конституционное право на тайну личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений уже не является абсолютным правом и может быть ограничено в порядке, установленном законом.

Вместе с тем, как верно отмечает Н.Н. Турецкий: «тайна почтово-телеграфной корреспонденции относится к личным тайнам. Особенностью здесь является то, что гражданин доверяет почте, телеграфу не само содержание переговоров, а лишь пересылку корреспонденции или техническое обеспечение телефонных переговоров. Особую остроту вопрос о неприкосновенности тайны переписки, телефонных переговоров и почтовых, телеграфных и иных сообщений приобретает в связи с тем, что в целях борьбы с преступностью правоохранительные органы вправе контролировать переписку, телефонные переговоры, телеграфные и иные сообщения граждан» [14].

Обращаясь к процессуальным гарантиям, содержащимся в УПК ФРГ, следует отметить, что в нем содержится конкретный перечень преступлений, по которым допускается прослушивание телефонных разговоров, перехват сообщений. В данный перечень входят только тяжкие преступления, а если переговоры ведутся в жилище, только особо тяжкие преступления [13, с. 149-152, 155].

Следует отметить, что Казахстан является единственным государством на постсоветском пространстве, внедрившим НСД, и не ограничил

их применение на должном уровне. Только в Казахстане проведения НСД допускается по делам о преступлениях, санкция за совершение которых предусматривает наказание в виде лишения свободы от одного года и выше.

Во всех других государствах это допустимо только по тяжким и особо тяжким преступлениям.

В этой связи предлагаем часть 4 статьи 232 УПК РК изложить в следующей редакции:

«4. Негласные следственные действия проводятся при наличии одного из следующих оснований:

1) по делам о преступлениях, санкция за совершение которых предусматривает наказание в виде лишения свободы от пяти лет и выше;

2) по преступлениям, подготавливаемым и совершаемым преступной группой.

Проведение негласных следственных действий, затрагивающих конституционное право на неприкосновенность частной жизни, допускается только по преступлениям против мира и безопасности человечества, коррупционные преступления, террористические преступления, экстремистские преступления, пытки, а также особо тяжкие преступления против личности, основ конституционного строя и безопасности государства».

Национальный уголовно-процессуальный закон вступает в противоречие не только с Конституцией РК, но и с принципами и нормами международного права. В частности, обращаем внимание на требование ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее МПГПП), согласно которой «никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств» [15].

Так, А.К. Утарбаев, рассматривая гарантии защиты права человека на неприкосновенность частной жизни при осуществлении контроля и записи переговоров, указывает: «при выдаче судом разрешения на производство указанного действия во внимание должно приниматься не только соблюдение формальных и фактических оснований, но и целесообразность проведения соответствующего мероприятия. Это значит, что суд не во всех случаях обращения следователя за разрешением, даже при наличии оснований,

должен разрешать производство этого действия. Исключительный характер названной меры, соблюдение положений соразмерности при ее применении требуют от суда каждый раз устанавливать соответствие указанной меры не только цели (получения доказательственной информации), но и назначению уголовного процесса (обеспечение защиты личности, ее прав и свобод). Проблема целесообразности применения названной меры встает особенно остро, когда цель этой меры – получение доказательственной информации по тяжкому и особо тяжкому преступлению – может быть достигнута иным путем, выбор которого зависит от множества факторов. Достижение этой цели с помощью иных следственных действий может быть более затруднительно и трудоемко, но если их реализация не сопряжена с существенным ограничением конституционных прав граждан, то этот способ более предпочтителен [16].

Н. Ковалев утверждает, что европейские стандарты прав человека требуют от законодательства об ОРД (НСД), во-первых, ясности содержания, а во-вторых, подробного указания, в каких случаях и обстоятельствах возможно применение ОРМ (НСД), затрагивающих частную жизнь. В-третьих, прецедентное право Европейского суда по правам человека требует наличия периодического контроля, в том числе судебного, за проведением ОРМ (НСД). Свое мнение он строит на следующих примерах:

1. В решении по делу *Быкова против Российской Федерации* Европейский Суд по правам человека указал:

78. Суд неоднократно указывал, что, когда дело доходит до перехвата сообщений с целью полицейского расследования, «закон должен быть достаточно ясным в его содержании, для того чтобы дать гражданам адекватное указание на обстоятельства и условия, при которых государственные власти могут прибегнуть к такому тайному и потенциально опасному вмешательству в частную жизнь и корреспонденцию.

2. В решении *Сефилян против Армении* Европейский Суд по правам человека подверг критике законодательство Армении об ОРД:

129. [...] Суд не может игнорировать ряд серьезных недостатков в законодательстве Армении в рассматриваемый период времени.

130. В частности, закон не устанавливал ни типы преступлений ни категорий лиц, в отношении которых тайное наблюдение, может быть разрешено. Так же не уточнялись обстоятельства, при которых, или основания, на кото-

рых, такая мера могла быть назначена. Следует отметить в этой связи, что отсутствие подобного рода деталей способно привести к особенно серьезным последствиям, учитывая то, что эта мера могла бы быть разрешена в отсутствии уголовного преследования.

131. В законе также не были четко предусмотрены максимальные сроки для тайного наблюдения. Таким образом, в то время как эффект наблюдения разрешенного судебным ордером обычно ограничивался шестью месяцами, судья, тем не менее, мог принимать иное решение.

132. Кроме того, закон не предписывает никаких периодических проверок за мерами либо судебным либо другим аналогичным независимым контролем за их реализацией [...].

133. Вышеизложенное является достаточным для того, чтобы Суд пришел к выводу, что вмешательство [в частную жизнь] было осуществлено не «в соответствии с законом», поскольку законодательство Армении на момент рассмотрения дела не содержало достаточно четких и подробных правил и не представляло достаточных гарантий против злоупотреблений [10].

Полагаем, что национальному уголовно-процессуальному праву необходимо развиваться в сторону апробированных международным опытом демократических институтов для дальней-

шей интеграции в международное правовое пространство, построенное на верховенстве закона и справедливого судопроизводства.

Дальнейшее реформирование уголовно-процессуального закона должно быть направлено на усиление процессуальных гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Выводы

Резюмируя сказанное, делает следующие выводы:

1. Совершенствование правового обеспечения и механизма реализации негласных следственных действий позволит решить проблемы, выявленные практикой с момента введения в действие УПК РК 2014 года.

2. Предложенные изменения и дополнения в УПК РК, основанные на исследовании проблем теории и практики реализации НСД, усиливают процессуальные гарантии прав и свобод личности.

3. Изменение сроков производства НСД и оснований их проведения, а также определение группы преступлений, по которым они являются допустимыми, способствуют приведению национального уголовно-процессуального законодательства в соответствии с нормами и принципами международного права.

Литература

- 1 Касимов А.А. Правосудие по уголовным делам в Республике Казахстан: конституционные и процессуальные основы судебной власти: монография. – Алматы: Жеті Жарғы, 2013. – С. 6.
- 2 План нации – 100 шагов по реализации пяти институциональных реформ Н. Назарбаева // http://www.inform.kz/kz/plan-nacii-100-shagov-po-realizacii-pyati-institucional-nyh-reform-n-nazarbaeva_a2777943
- 3 Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования системы отправления правосудия» от 31 октября 2015 года № 378-V ЗРК // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000378#86>
- 4 Хан В.В. В соответствии с гарантиями // <http://www.zakon.kz/analytiks/4464581-v-sootvetstvii-s-garantijami-v-khan.html> (01.03.2017 г.)
- 5 Конституционный Закон РК «О судебной системе и статусе судей РК» от 25 декабря 2000 года № 132 // http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000132_
- 6 Петрухин И.Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 32.
- 7 Ковтун Н.Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство России (глава 16 УПК РФ): учебн.-практ. пособие / Н.Н. Ковтун, Р.В. Ярцев. – 2-е изд., дополненное и измененное. – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2007. // <https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/43/149110659790c2b1339d285f336b5ac98baefad75e/Kovtun-Jarzev.pdf> (01.03.2017 г.)
- 8 Совместный приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 12 декабря 2014 года № 892, Министра финансов Республики Казахстан от 12 декабря 2014 года № 565, Председателя Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции от 12 декабря 2014 года № 62, Начальника Службы государственной охраны Республики Казахстан от 15 декабря 2014 года № 146 и Председателя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан от 18 декабря 2014 года № 416 «Об утверждении Правил проведения негласных следственных действий» зарегистрированный в Министерстве юстиции Республики Казахстан 27 декабря 2014 года № 10027 // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0010027>

- 9 Мухитдинов А.А., Ахмедов Н.И. К вопросу о сущности взаимодействия следователя с органами дознания // <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-vzaimodeystviya-sledovatelya-s-organami-doznaniya> (01.03.2017 г.)
- 10 Ковалев Н. Анализ отдельных положений Уголовно-процессуального Кодекса Республики Казахстан, касающихся судебного контроля на этапе досудебного производства // <https://www.zakon.kz/4731665-analiz-otdelnykh-polozhenij-ugolovno.html>
- 11 Амирханов Б.К. Система негласных следственных действий: Казахстан, Молдова, Украина // «Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика». Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Россия, г. Москва 2 декабря 2016 г. – С. 34-43.
- 12 Амирханов Б.К. Классификация негласных следственных действий: сравнительно-правовое исследование // Научно-правовой журнал: Наука и жизнь Казахстана. – №5 (41) Астана, 2016. – С. 77-79.
- 13 Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьей профессор Уве Хелльманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». – Потсдам: Потсдамский Университет, 2012. – С. 158
- 14 Турецкий Н.Н. Право на неприкосновенность частной жизни в Республике Казахстан // Право на неприкосновенность частной жизни в Республике Казахстан. Сборник материалов экспертной встречи. – Астана, 2009. – С. 17.
- 15 Международный пакт о гражданских и политических правах // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (01.03.2017 г.)
- 16 Утарбаев А.К. О некоторых гарантиях защиты прав человека на неприкосновенность частной жизни при осуществлении контроля и записи переговоров. // Вестник СамГУ. – 2006. – №5/2 (45). – С. 154

References

- 1 Kasimov A.A. (2013) *Pravosudie po ugovolnym delam v Respublike Kazahstan: konstitucionnye i processual'nye osnovy sudebnoj vlasti*. Monografija. – Almaty: Zheti Zhargy, S. 6.
- 2 Plan nacji – 100 shagov po realizacii pjati institucional'nyh reform N. Nazarbaeva // http://www.inform.kz/kz/plan-nacii-100-shagov-po-realizacii-pyati-institucional-nyh-reform-n-nazarbaeva_a2777943
- 3 Zakon RK «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazahstan po voprosam sovershenstvovaniya sistemy otravlenija pravosudija» ot 31 oktjabrja 2015 goda № 378-V ZRK // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000378#86>
- 4 Han V.V. V sootvetstvii s garantijami // <http://www.zakon.kz/analytics/4464581-v-sootvetstvii-s-garantijami-v.-khan.html> (01.03.2017 г.)
- 5 Konstitucionnyj zakon RK «O sudebnoj sisteme i statuse sudej RK» ot 25 dekabrja 2000 goda № 132 // http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000132_
- 6 Petruhin I.L. *Sudebnaja vlast': kontrol' za rassledovaniem prestuplenij*. – M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2008. S. 32.
- 7 Kovtun N.N. *Sudebnyj kontrol' za zakonnost'ju i obosnovannost'ju dejstvij i reshenij dolzhnostnyh lic, osushhestvljajushih ugovolnoe sudoproizvodstvo Rossii (glava 16 UPK RF): Uchebn.-prakt. posobie / N.N. Kovtun, R.V. Jarcev*. – N. Novgorod: 2-e izd., dopolnennoe i izmenennoe. Izd-vo Volgo-Vjatskoj akademii gos. sluzhby, 2007. // <https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/43/149110659790c2b1339d285f336b5ac98baefad75e/Kovtun-Jarcev.pdf> (01.03.2017 г.)
- 8 Sovmestnyj prikaz Ministra vnutrennih del Respubliki Kazahstan ot 12 dekabrja 2014 goda № 892, Ministra finansov Respubliki Kazahstan ot 12 dekabrja 2014 goda № 565, Predsedatelja Agentstva Respubliki Kazahstan po delam gosudarstvennoj sluzhby i protivodejstviju korrupcii ot 12 dekabrja 2014 goda № 62, Nachal'nika Sluzhby gosudarstvennoj ohrany Respubliki Kazahstan ot 15 dekabrja 2014 goda № 146 i Predsedatelja Komiteta nacional'noj bezopasnosti Respubliki Kazahstan ot 18 dekabrja 2014 goda № 416 «Ob utverzhenii Pravil provedenija neglasnyh sledstvennyh dejstvij» zaregistrirovannyj v Ministerstve justicii Respubliki Kazahstan 27 dekabrja 2014 goda № 10027 // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0010027>
- 9 Muhitdinov A.A., Ahmedov N.I. K voprosu o sushhnosti vzaimodeystviya sledovatelya s organami doznaniya // <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-vzaimodeystviya-sledovatelya-s-organami-doznaniya> (01.03.2017 г.)
- 10 Kovalev N. Analiz otidel'nyh polozhenij Ugolovno-processual'nogo Kodeksa Respubliki Kazahstan, kasajushhihsja sudebnogo kontrolja na jetape dosudebnogo proizvodstva // <https://www.zakon.kz/4731665-analiz-otdelnykh-polozhenij-ugolovno.html>
- 11 Amirhanov B.K. Sistema neglasnyh sledstvennyh dejstvij: Kazahstan, Moldova, Ukraina // «Ugolovnyj process i kriminalistika: teorija, praktika, didaktika». Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Rossija, g. Moskva 2 dekabrja 2016 g. S. 34-43.
- 12 Amirhanov B.K. Klassifikacija neglasnyh sledstvennyh dejstvij: sravnitel'no-pravovoe issledovanie // Nauchno-pravovoj zhurnal: Nauka i zhizn' Kazahstana. – №5 (41) Aстана 2016 g. S.77-79.
- 13 Golovnenkov P., Spica N. Ugolovno-processual'nyj kodeks Federativnoj Respubliki Germanija. Nauchno-prakticheskij kommentarij i perevod teksta zakona so vstupitel'noj stat'ej professor Uve Hell'manna «Vvedenie v ugovolno-processual'noe pravo FRG». Potsdam: Potsdamskij Universitet, 2012. S. 158
- 14 Turckij N.N. Pravo na neprikosnovennost' chastnoj zhizni v Respublike Kazahstan // Pravo na neprikosnovennost' chastnoj zhizni v Respublike Kazahstan. Sbornik materialov jekspertnoj vstrechi – Aстана, 2009. S. 17
- 15 Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskijh pravah // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (01.03.2017 г.)
- 16 Utarbaev A.K. O nekotoryh garantijah zashhity prav cheloveka na neprikosnovennost' chastnoj zhizni pri osushhestvlenii kontrolja i zapisi peregovorov. Vestnik SamGU. 2006. №5/2 (45). S. 154

Бакыт А.

докторант PhD Алматинской академии МВД РК
имени М. Есбулатова, майор полиции,
Казахстан, г. Алматы

**МЕТОД ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ
В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

В статье автором рассматриваются полномочия следственного судьи при обеспечении возможности реализации права граждан на судебную защиту в досудебном и производстве по уголовным делам, а также собственно защита их прав, свобод и законных интересов.

Ключевые слова: следственный судья, методы правового регулирования, досудебное производство, уголовный процесс, судебный контроль.

Bakyt A.

Doctoral student PhD of the Almaty Academy of the Ministry of the Interior
of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, major of the police,
Kazakhstan, Almaty

**The method of legal regulation as an institutional feature
of judicial control in pre-trial proceedings in criminal cases**

In the article the author examines the powers of the investigative judge while ensuring the possibility of exercising the right of citizens to judicial protection in pre-trial and criminal proceedings, as well as the actual protection of their rights, freedoms and legitimate interests.

Key words: investigative judge, methods of legal regulation, pre-trial proceedings, criminal trial, judicial control.

Бакыт А.

Қазақстан Республикасы ИМ М. Есболатов атындағы
Алматы академиясының PhD докторанты, полиция майоры,
Қазақстан, Алматы қ.

**Құқықтық реттеу әдісі қылмыстық істер бойынша сотқа дейінгі
іс жүргізудегі соттық бақылаудың институционалдық ерекшелігі ретінде**

Мақалада автор тергеу судьясының өкілеттігін азаматтардың сотқа дейінгі және қылмыстық іс жүргізудегі сот қорғауына, сондай-ақ олардың құқықтарын, бостандықтары мен заңды мүдделерін нақты қорғауды қамтамасыз ету мүмкіндігін қамтамасыз етілуін қарастырады.

Түйін сөздер: тергеу судьясы, құқықтық реттеу әдісі, сотқа дейінгі іс жүргізу, қылмыстық процесс, соттық бақылау.

В Республике Казахстан внедрение новой концепции судебного контроля началось с принятием в 2014 году новой редакции Уголовно-процессуального кодекса. Усовершенствованный уголовно-процессуальный закон существенно повысил роль суда в досудебном производстве по уголовным делам. Во многом этому способствовало введение в уголовное судопроизводство специального субъекта осуществления судебного контроля – следственного судьи, который получил расширенный перечень судебно-контрольных полномочий, охватывающих не только классические, но и иные формы судебного контроля, актуальные для казахстанской системы уголовного правосудия.

На сегодняшний день судебный контроль в досудебном производстве по уголовным делам представляет собой полноценный, сформировавшийся уголовно-процессуальный институт со всеми присущими ему признаками института права.

Так, по мнению Е.А. Каримовой, правовой институт представляет собой обособленный комплекс правовых предписаний, регулирующий с помощью специфичных приемов и способов однородный вид или сторону общественных отношений.

К числу его признаков относятся:

– устойчивость и специфичность метода правового регулирования, определяемые непосредственной связью норм права с особенностью регулируемых ими общественных отношений видовых общественных отношений внутри конкретной отрасли;

– относительная самостоятельность в регламентации обособившихся видовых общественных отношений внутри конкретной отрасли [1, с. 23].

Оба эти признака справедливы применительно к институту судебного контроля в уголовном процессе.

Метод правового регулирования, как верно отмечает автор, напрямую взаимосвязан с теми правовыми отношениями, которые призван регламентировать тот или иной институт в структуре отрасли права. Основным предназначением судебного контроля выступает обеспечение возможности реализации права граждан на судебную защиту в досудебном и производстве по уголовным делам, а также собственно защита их прав, свобод и законных интересов. Данная цель обуславливает собой характер правоотношений, складывающихся при реализации судебно-контрольных полномочий, основной особенностью

которых выступает односторонняя инициатива, которая может исходить лишь от заинтересованных участников процесса, но никогда – от самого суда. Следственный судья не вправе сам начать судебно-контрольное производство по проверке законности и обоснованности конкретного действия или решения органа уголовного преследования, так же как не может он инициировать применение к лицу меры пресечения либо производство того или иного процессуального либо следственного действия, входящего в предмет его полномочий. По сути, обязательным основанием осуществления судебного контроля выступает волеизъявление участников процесса. Даже в тех случаях, когда законодатель императивно устанавливает исключительную компетенцию следственного судьи по принятию решений относительно санкционирования отдельных видов мер пресечения и следственных действий, сама по себе возможность такого санкционирования наступает у суда только в том случае, когда кто-либо из субъектов уголовного судопроизводства ходатайствовал о производстве конкретного следственного действия и применении конкретной меры пресечения.

Т.е., в отличие от уголовного процесса в целом, для которого характерен императивный метод регулирования, прямо предписывающий необходимость совершения определенных действий, в регламентации судебного контроля, в большей степени реализован метод диспозитивности, оставляющий простор для усмотрения как самих участников процесса, так и суда.

Диспозитивность судебного контроля в отношении участников процесса проявляется в том, что, например, следователь сам принимает решение о необходимости производства обыска и, соответственно, о возбуждении перед следственным судьей ходатайства о его санкционировании. В законодательстве нет нормы, обязывающей следователя прибегать к судебному контролю, если он сам не принял решение о необходимости производства подконтрольного судье действия. Следственный судья при этом также не вправе производить какие-либо судебно-контрольные действия, пока к нему не поступит соответствующее ходатайство следователя.

Аналогичным образом сконструированы положения статей 105, 106 УПК РК, устанавливающих порядок обжалования действий (бездействия) и решений органов уголовного преследования и прокурора. По общему правилу, закрепленному в ч. 1 ст. 105 УПК РК, жалобы на действия (бездействие) и решения лиц, осуществ-

вляющих досудебное расследование, подаются прокурору. Жалобы на действия (бездействие) и решения прокурора подаются вышестоящему прокурору [2].

Как видно, эта норма выстроена императивно, не предоставляя гражданам простора для личного усмотрения при подаче жалобы. Безусловно, их волеизъявление необходимо для принятия самого решения об обжаловании, однако должностное лицо, которому соответствующая жалоба должна быть адресована, жестко определяется законом, за одним исключением, предусмотренным ст. 106 УПК РК.

Согласно ч. 1 ст. 106 УПК РК, лицо, чьи права и свободы непосредственно затрагиваются действием (бездействием) и решением прокурора, органов следствия и дознания, вправе обратиться с жалобой в суд. Далее по тексту статьи следует перечень случаев, в которых лицо может воспользоваться предоставленным правом, причем перечень этот не является исчерпывающим, закрепляя возможность обращения в суд и при «совершении иных действий (бездействия) и принятии решений» [2].

Тем самым ст. 106 УПК РК наделяет лиц, чьи права и свободы непосредственно затронуты действием (бездействием) либо решением органов уголовного преследования (даже не участников процесса, а любых лиц), возможностью самостоятельного диспозитивного определения субъекта, которому должна быть подана жалоба (прокурор либо суд), причем они сами вправе решать, имеются ли достаточные основания для подачи жалобы, т.к. под формулировку «совершение иных действия (бездействия) и принятие решений» подпадают все сферы и аспекты деятельности органов уголовного преследования. В этой связи буквальное толкование ч. 1 ст. 106 УПК РК позволяет прийти к выводу, что предметом судебного контроля, фактически, могут стать любые действия, бездействие и решения органов уголовного преследования, которые в той или иной степени затрагивают права и свободы граждан.

Подобный подход к конструированию правовой нормы свидетельствует об отказе законодателя от императивных установлений в части регулирования судебного контроля. Одни и те же вопросы, в редакции действующего УПК одновременно могут быть предметом как прокурорского надзора, так и судебного контроля. Причем если к предмету прокурорского надзора они отнесены априори, ввиду его всеобъемлющего и общеобязательного характера на всех этапах

предварительного расследования, то предметом судебного контроля они становятся только при наличии прямого волеизъявления лица, считающего свои права и свободы незаконно ограниченными.

Метод диспозитивного регулирования судебного контроля проявляется не только в наделении участников процесса свободой волеизъявления относительно инициирования судебно-контрольного производства. Он используется и в непосредственной регламентации процессуальных полномочий следственного судьи, которого законодатель наделяет возможностью личного усмотрения по целому ряду вопросов. Наиболее ярко это проявляется при определении процессуального порядка осуществления судебного контроля.

Вообще говоря, установленная законом процедура реализации процессуальных полномочий выступает одной из важнейших уголовно-процессуальных гарантий, ключевым предназначением которой является исключение любых фактов нарушений и злоупотреблений посредством унификации применяемых процедур с жесткой регламентацией всех обстоятельств и условий их производства. Иными словами, для уголовного процесса более характерно четкое и однозначное установление порядка совершения любых процессуальных действий. Этот порядок считается заведомо оптимальным и любое отступление от него рассматривается как нарушение, а порой и существенное нарушение уголовно-процессуального закона, способное повлечь за собой признание конкретного процессуального действия или всего производства по делу недействительным.

Тем не менее, процедура осуществления судебного контроля регламентирована в уголовно-процессуальном законе несколько иным образом, оставляющим следственному судье возможность самостоятельного определения наиболее приемлемых и целесообразных к применению в конкретных обстоятельствах уголовно-процессуальных форм реализации возложенных на него полномочий.

Так, устанавливая общие условия осуществления полномочий следственным судьей, ч. 2 ст. 56 УПК РК гласит: «Следственный судья рассматривает вопросы, отнесенные к его компетенции, единолично без проведения судебного заседания». [2]. Этот базовый постулат содержит сразу две значимые характеристики процессуального порядка деятельности следственного судьи:

– единоличное, т.е. без привлечения других судей, не коллегиальное рассмотрение любых вопросов, входящих в предмет судебного контроля;

– принятие решения без проведения судебного заседания.

Отмеченные характеристики подчеркивают особенности процессуального статуса субъекта судебного контроля, а также специфику данной деятельности с позиции ее целевой обусловленности.

Регламентация процессуального статуса следственного судьи подразумевает, что судебный контроль в рамках конкретного суда может осуществлять только один судья, назначаемый на эту должность председателем суда (ч. 3 ст. 54 УПК РК) [2]. Из этого положения объективно вытекает невозможность коллегиального осуществления судебно-контрольных полномочий: один следственный судья рассматривает вопросы, относящиеся к его ведению, исключительно единолично.

В свою очередь, законодательное закрепление в качестве процедуры «по умолчанию» принятия следственным судьей решения без проведения судебного заседания не менее объективно свидетельствует о том, что основное предназначение (цель) судебного контроля в досудебных стадиях процесса заключается именно в судебной защите прав и свобод граждан, но никак не в обеспечении реализации иных уголовно-процессуальных принципов.

В научной литературе не все разделяют указанную позицию. Например, М.Ч. Когамов по вопросу роли следственного судьи в уголовном процессе современного Казахстана пишет: «Введение в процесс следственного судьи, прежде всего, продиктовано необходимостью обеспечения прав личности в стадии досудебного расследования уголовного дела, что позволяет сторонам наиболее полно реализовать свои функции в условиях состязательного и равноправного уголовного процесса». [3, с. 12]. Подчеркивая правозащитную функцию судебного контроля, автор все же указывает на обеспечение с его помощью принципа состязательности и равноправия сторон в досудебном производстве [12]. Подобное понимание, на наш взгляд, не в полной мере соотносится с замыслом законодателя и действующей редакцией ст. 56 УПК РК. Если бы в число задач либо в содержание цели судебного контроля входило обеспечение состязательности на досудебных стадиях процесса, процессуальная процедура его осуществления в

обязательном порядке предусматривала бы проведение судебного заседания с обязательным же вовлечением в него обеих сторон: обвинения и защиты [19, с. 30]. Такой подход позволил бы обеспечить реальную состязательность досудебного производства в части решения судом вопросов, относящихся к предмету судебного контроля. Однако тот факт, что ст. 56, наоборот, в качестве общего правила устанавливает принятие решения без проведения судебного заседания, объективно свидетельствует о том, что основной целью введения следственного судьи в уголовное судопроизводство было обеспечение судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан. Эта защита достигается за счет разрешения спорных вопросов досудебного производства независимым и беспристрастным субъектом – судом, причем состязательная форма в этом случае не выступает обязательным, а, тем более, необходимым условием.

Таким образом, по общему правилу, закрепленному в ч. 2 ст. 56 УПК РК, следственный судья рассматривает отнесенные к его компетенции вопросы без проведения судебного заседания [10]. На первый взгляд, данное законодательное установление не содержит в себе никаких диспозитивных начал, однако анализ последующих абзацев той же частей статьи 56 УПК РК позволяет прийти к противоположному выводу.

В частности, абзац второй ч. 2 ст. 56 УПК РК устанавливает: «Если необходимо исследовать обстоятельства, имеющие значение для принятия законного и обоснованного решения, следственный судья постановляет о проведении судебного заседания с участием соответствующих лиц и прокурора». Последующие абзацы предлагают еще больше альтернатив, закрепляя случаи обязательного проведения судебного заседания следственным судьей (абзац третий ч. 2 ст. 56 УПК РК), а также предусматривая возможность его проведения в режиме видеосвязи (абзац четвертый ч. 2 ст. 56 УПК РК) [2].

Тем самым, действующий уголовно-процессуальный закон одновременно предусматривает несколько процессуальных форм осуществления судебного контроля:

- без проведения судебного заседания;
- с обязательным проведением судебного заседания;
- с проведением судебного заседания по решению следственного судьи;
- с проведением судебного заседания в режиме видеосвязи.

При этом, если случаи обязательного проведения судебного заседания императивно устанавливаются УПК РК, то все остальные вариации закрепляются в альтернативном порядке и не содержат четких критериев определения той или иной процедуры осуществления судебного контроля. Решение этого вопроса полностью отнесено на усмотрение следственного судьи без какого-либо жесткого законодательного (императивного) регулирования. В этом в наибольшей степени проявляется диспозитивный метод регулирования института судебного контроля, когда даже выбор процессуальной формы – краеугольного камня уголовного судопроизводства, выступающего одновременно важнейшей уголовно-процессуальной гарантией его объективности и справедливости, полностью оставляется на усмотрение субъекта реализации полномочий.

Вторым признаком правового института, по мнению Е.А. Каримовой, выступает относительная самостоятельность в регламентации обособившихся видовых общественных отношений внутри конкретной отрасли [1, с. 32]. Данный признак также в полной мере характерен судебно-контрольной деятельности в досудебном производстве по уголовным делам.

Регламентируя общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения гражданам права на судебную защиту в досудебных стадиях процесса, институт судебного контроля в достаточной мере отграничен от любой другой уголовно-процессуальной деятельности, т.к. обладает всеми присущими ей структурными элементами, специфически характеризующими его как с сущностно-содержательной, так и с процедурной сторон.

К числу таких структурных элементов, входящих в структуру любого вида деятельности, В.А. Образцов справедливо относит:

- 1) субъект;
- 2) объект;
- 3) цели и задачи деятельности;
- 4) процесс деятельности;
- 5) результаты [4, с. 37].

Очевидно, что все они объективно присущи судебному контролю, причем в его структуре обладают необходимой спецификой, позволяющей отграничить судебно-контрольную деятельность от любых других контрольно-надзорных

институтов и вообще правовых институтов в системе уголовного судопроизводства.

Выводы

На основании изложенного приходим к следующим выводам:

1. В отличии от уголовного процесса в целом, для которого характерен императивный метод регулирования, прямо предписывающий необходимость совершения определенных действий, в регламентации судебного контроля, в большей степени, реализован метод диспозитивности, оставляющий простор для усмотрения как самих участников процесса, так и суда.

2. Метод диспозитивного регулирования судебного контроля проявляется в наделении участников процесса свободой волеизъявления относительно инициирования судебно-контрольного производства, а также в непосредственной регламентации процессуальных полномочий следственного судьи, которого законодатель наделяет возможностью личного усмотрения по целому ряду вопросов.

3. Процедура осуществления судебного контроля регламентирована в уголовно-процессуальном законе таким образом, что оставляет следственному судье возможность самостоятельного определения наиболее приемлемых и целесообразных к применению в конкретных обстоятельствах уголовно-процессуальных форм реализации возложенных на него полномочий.

4. Законодательное закрепление в качестве процедуры «по умолчанию» принятия следственным судьей решения без проведения судебного заседания объективно свидетельствует о том, что основное предназначение (цель) судебного контроля в досудебных стадиях процесса заключается именно в судебной защите прав и свобод граждан, но никак не в обеспечении реализации иных уголовно-процессуальных принципов, в том числе принципа состязательности в досудебном производстве.

5. Судебный контроль является самостоятельным видом уголовно-процессуальной деятельности со всеми присущими ей структурными элементами, к числу которых относятся: субъект; объект; цели и задачи деятельности; процесс деятельности; результаты.

Литература

- 1 Каримова Е.А. Правовой институт: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1998. – 23 с.
- 2 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года // ИПС «Адилет» по состоянию на март 2017 года. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>
- 3 Когамов М.Ч. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан 2014 года. Том 1. Общая часть. – Алматы, 2015. – 648 с
- 4 Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 176 с.
- 5 План нации – 100 шагов по реализации пяти институциональных реформ Н. Назарбаева // http://www.inform.kz/kz/plan-nacii-100-shagov-po-realizacii-pyati-institucional-nyh-reform-n-nazarbaeva_a2777943
- 6 Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования системы отправления правосудия» от 31 октября 2015 года № 378-V ЗРК // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000378#86>
- 7 Хан В.В. В соответствии с гарантиями // <http://www.zakon.kz/analytics/4464581-v-sootvetstvii-s-garantijami-v-khan.html> (01.03.2017 г.)
- 8 Конституционный закон РК «О судебной системе и статусе судей РК» от 25 декабря 2000 года № 132 // http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000132_
- 9 Петрухин И.Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 32.
- 10 Ковтун Н.Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство России (глава 16 УПК РФ): Учебн.-практ. пособие / Н.Н. Ковтун, Р.В. Ярцев. – Н. Новгород: 2-е изд., дополненное и измененное. Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2007. // <https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/43/149110659790c2b1339d285f336b5ac98baefad75e/Kovtun-Jarzev.pdf> (01.03.2017 г.)
- 11 Совместный приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 12 декабря 2014 года № 892, Министра финансов Республики Казахстан от 12 декабря 2014 года № 565, Председателя Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции от 12 декабря 2014 года № 62, Начальника Службы государственной охраны Республики Казахстан от 15 декабря 2014 года № 146 и Председателя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан от 18 декабря 2014 года № 416 «Об утверждении Правил проведения негласных следственных действий» зарегистрированный в Министерстве юстиции Республики Казахстан 27 декабря 2014 года № 10027 // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0010027>
- 12 Теория доказательств в советском уголовном процессе: монография. Отв. редактор Н.В. Жогин, изд. 2-е исправленное и дополненное. – М.: «Юрид. лит.», 1973. – С. 288-289.
- 13 Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. Научно-практическое пособие. – М.: «Проспект», 2001. – С. 13-15.
- 14 Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 145.
- 15 Карякин Е.А. Формирование истинности приговора в состязательном судебном производстве: вопросы теории и практики / под науч. ред. А.П. Гуськовой. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2007. – С. 39.
- 16 Домбровский Р.Г. Соотношение познания и доказывания в судебном исследовании. – Ученые записки Латвийского государственного университета. Т. 241. // Вопросы борьбы с преступностью. – Рига, 1975. – Вып. 11. – С. 166-175.
- 17 Домбровский Р.Г. Логика и теория доказательств // Оптимизация расследования преступлений. – Иркутск, 1982. – С. 18.
- 18 Домбровский Р.Г. Криминалистическое познание как форма практической деятельности // Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам. – Калининград, 1982. – С. 85.
- 19 Костенко Р.В. Оценка уголовно-процессуальных доказательств: монография. – М., 2010. – С. 11.
- 20 Зинатуллин З.З. Избранные труды в 2 томах. Том II. – СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2012. – С. 13 // Издательский текст http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11197586;

Referenes

- 1 Karimova E.A. (1998) Pravovoj institut: teoretiko-pravovoe issledovanie. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. – Saratov. – 23 s.
- 2 Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 4 ijulja 2014 goda // IPS «Adilet» po sostojaniju na mart 2017 goda. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>
- 3 Kogamov M.Ch. (2015) Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Respubliki Kazahstan 2014 goda. Tom 1. Obshhaja chast'. – Almat. – 648 s
- 4 Obrazcov V.A. (1988) Kriminalisticheskaja klassifikacija prestuplenij. – Krasnojarsk: Izd-vo Krasnojarsk. un-ta. – 176 s.
- 5 Plan nacii – 100 shagov po realizacii pjati institucional'nyh reform N. Nazarbaeva // http://www.inform.kz/kz/plan-nacii-100-shagov-po-realizacii-pyati-institucional-nyh-reform-n-nazarbaeva_a2777943
- 6 Zakon RK «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazahstan po voprosam sovershenstvovanija sistemy otpravljenija pravosudija» ot 31 oktjabrja 2015 goda № 378-V ZRK // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000378#86>

- 7 Han V.V. V sootvetstvii s garantijami // <http://www.zakon.kz/analytiks/4464581-v-sootvetstvii-s-garantijami-v-khan.html> (01.03.2017 g.)
- 8 Konstitucionnyj zakon RK «O sudebnoj sisteme i statuse sudej RK» ot 25 dekabnja 2000 goda № 132 // http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000132_
- 9 Petruhin I.L. (2008) Sudebnaja vlast': kontrol' za rassledovaniem prestuplenij. – M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt. – S. 32.
- 10 Kovtun N.N. Sudebnyj kontrol' za zakonnost'ju i obosnovannost'ju dejstvij i reshenij dolzhnostnyh lic, osushhestvljajushih ugovnoe sudoproizvodstvo Rossii (glava 16 UPK RF): Uchebn.-prakt. posobie / N.N. Kovtun, R.V. Jarcev. – N. Novgorod: 2-e izd., dopolnennoe i izmenennoe. Izd-vo Volgo-Vjatskoj akademii gos. sluzhby, 2007. // <https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/43/149110659790c2b1339d285f336b5ac98baefad75e/Kovtun-Jarcev.pdf> (01.03.2017 g.)
- 11 Sovmestnyj prikaz Ministra vnutrennih del Respubliki Kazahstan ot 12 dekabnja 2014 goda № 892, Ministra finansov Respubliki Kazahstan ot 12 dekabnja 2014 goda № 565, Predsedatelja Agentstva Respubliki Kazahstan po delam gosudarstvennoj sluzhby i protivodejstviju korrupcii ot 12 dekabnja 2014 goda № 62, Nachal'nika Sluzhby gosudarstvennoj ohrany Respubliki Kazahstan ot 15 dekabnja 2014 goda № 146 i Predsedatelja Komiteta nacional'noj bezopasnosti Respubliki Kazahstan ot 18 dekabnja 2014 goda № 416 «Ob utverzhdenii Pravil provedenija neglasnyh sledstvennyh dejstvij» zaregistririvannyj v Ministerstve justicii Respubliki Kazahstan 27 dekabnja 2014 goda № 10027 // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0010027>
- 12 Teorija dokazatel'stv v sovetskom ugovnom processe: monografija. Otv. redaktor N.V. Zhogin, izd. 2-e ispravlennoe i dopolnennoe, M., «Jurid. lit.», 1973. S. 288-289.
- 13 Orlov Ju.K. (2001) Osnovy teorii dokazatel'stv v ugovnom processe. Nauchno-prakticheskoe posobie. – M.: «Prospekt». – S. 13-15.
- 14 Davletov A.A. (1991) Osnovy ugovno-processual'nogo poznaniya. – Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta. S. 145.
- 15 Karjakin E.A. Formirovanie istinnosti prigovora v sostjazatel'nom sudebnom proizvodstve: voprosy teorii i praktiki / Pod nauch. red. A.P. Gus'kovej. – M.: Izdatel'stvo «Jurlitinform», 2007. S. 39.
- 16 Dombrovskij R.G. Sootnoshenie poznaniya i dokazyvaniya v sudebnom issledovanii. – Uchenye zapiski Latvijskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 241. Voprosy bor'by s prestupnost'ju. Riga, 1975. Vyp. 11. S. 166-175;
- 17 Dombrovskij R.G. Logika i teorija dokazatel'stv // Optimizacija rassledovaniya prestuplenij. Irkutsk, 1982. S. 18;
- 18 Dombrovskij R.G. Kriminalisticheskoe poznanie kak forma prakticheskoy dejatel'nosti // Voprosy osushhestvleniya pravosudija po ugovnym delam. Kaliningrad, 1982. S. 85.
- 19 Kostenko R.V. (2010) Ocenka ugovno-processual'nyh dokazatel'stv: monografija. M. – S. 11.
- 20 Zinatullin Z.Z. Izbrannye trudy v 2 tomah. Tom II. SPb.: Izdatel'stvo «Juridicheskij centr-Press», 2012. S. 13 // Izdatel'skij tekst http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11197586;

Арын А.А.¹, Айдарбаев С.Ж.²

¹докторант, факультет международных отношений, e-mail: Aizhan_moon777@mail.ru

²доктор юридических наук, профессор, e-mail: aydarbaevs@gmail.com

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,

**ИНСТИТУТ РЕАБИЛИТАЦИИ И ЕГО РОЛЬ
В ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ
ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО**

В статье рассматриваются теоретические аспекты реабилитации в уголовном процессе и роль реабилитации в защите прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого. Делается вывод о реабилитации как об одном из определяющих направлений процессуальной деятельности уголовного процесса.

В статье исследованы некоторые вопросы применения института реабилитации в уголовном судопроизводстве. Рассмотрены главные основания для реабилитации лица. Затронуты проблемы определения размера компенсации вреда при реабилитации, в том числе с позиции гражданского законодательства. Также подверглись анализу вопросы возврата реабилитированным лицам конфискованного имущества.

Одна из задач государства в правоохранительной сфере – борьба с преступностью. Поэтому важны не только защита конституционных прав и свобод граждан от преступных посягательств, изобличение и наказание совершивших преступление, но и недопущение нарушений конституционных прав и свобод теми государственными исполнительными органами, которые осуществляют их защиту.

Цель этой статьи заключается в том, чтобы, опираясь на теоретические и практические знания, уже накопленные в данной области, а также нормы действующего УПК, разработать системную теорию реабилитации невиновных, подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам, на основе которой выработать предложения о совершенствовании уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что права личности, человека и гражданина являются объектом повышенного внимания и важнейшим фактором преобразований в различных областях общественной и государственной деятельности. Это относится и к сфере уголовного процесса, где они нуждаются в наиболее действенной и надежной защите.

На оснований анализа автор раскрывает актуальную на сегодняшний день проблему о роли реабилитации в защите прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого. И дает анализ международных норм обращения с подозреваемыми и обвиняемыми.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, институт реабилитации, уголовный процесс, компенсация.

Aryn A.A.¹, Aydarbaev S.Zh.²

¹Department of International Relations, Doctoral student, e-mail: Aizhan_moon777@mail.ru

²Doctor of Law, Professor, Department of International Relations, e-mail: aydarbaevs@gmail.com
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

**Institute of Rehabilitation and its role in protecting the rights
and legitimate interests of the suspect and accused**

The article deals with theoretical aspects of rehabilitation and the role of rehabilitation in protecting the rights and legitimate interests of the suspect and the accused. The conclusion is made about rehabilitation, as one of the defining directions of the procedural activity of the criminal process.

In the article some questions of application of institute of rehabilitation in the criminal trial are investigated. The reasons for the rehabilitation of the person are considered. The problems of determining the amount of compensation for damage during rehabilitation, including from the position of civil legislation, are touched upon. The questions of return of confiscated property to rehabilitated persons were also analyzed. One of the tasks of the state in the law enforcement sphere is the fight against crime. Therefore, it is important not only to protect the constitutional rights and freedoms of citizens from criminal encroachments, to expose and punish those who committed the crime, but also to prevent violations of constitutional rights and freedoms by those state executive bodies that protect them.

The aim is to develop a systematic theory of the rehabilitation of innocent, suspects and accused in criminal cases, based on theoretical and practical knowledge already accumulated in this field, as well as the norms of the current CCP, on the basis of which to develop proposals for improving criminal procedural legislation and law enforcement practice.

The relevance of the research topic is due to the fact that the rights of the individual, the individual and the citizen are the object of increased attention and the most important factor of the transformations in various areas of public and state activity. This also applies to the sphere of the criminal process, where they need the most effective and reliable protection.

On the basis of analysis, the author reveals the actual problem to date about the role of rehabilitation in protecting the rights and legitimate interests of the suspect and the accused. And he gives an analysis of the international norms of dealing with suspects and accused.

Key words: suspect, accused, rehabilitation institute, criminal procedure, compensation.

Арын А.А.¹, Айдарбаев С.Ж.²

¹халықаралық қатынастар факультеті, докторант, e-mail: Aizhan_moon777@mail.ru

²заң ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: aydarbaevs@gmail.com

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Ақтау институты және оның күдікті мен айыпталушының құқықтары мен заңды мүдделерін қорғаудағы рөлі

Бұл мақалада қылмыстық процесте ақтаудың теориялық аспектілері және күдікті мен айыпталушының құқықтары мен заңды мүдделерін қорғауда ақтаудың рөлі қарастырылады. Қылмыстық процестің процессуалдық қызметінің анықталған бағыттарының бірі ретінде ақтау туралы қорытынды жасалады.

Бұл мақалада қылмыстық істер бойынша ақтау институтын қолданудың кейбір мәселелері зерттеледі. Адамды ақтаудың себептері қарастырылады. Ақтау барысында, оның ішінде азаматтық заңнаманың ережелерінен келтірілген зиян үшін өтемақы мөлшерін анықтау мәселелері қозғалады. Сондай-ақ, тәркіленген мүлікті ақталған адамдарға қайтару мәселелері талданады.

Құқық қорғау саласында мемлекеттің міндеттерінің бірі – қылмысқа қарсы күрес. Сондықтан, азаматтардың конституциялық құқықтары мен бостандықтарын қылмыстық қол сұғушылықтан қорғау, қылмыстарды ашу және оны жасаған тұлғаны жазалау ғана емес, оларды қорғайтын мемлекеттік атқарушы органдардың конституциялық құқықтары мен бостандықтарын бұзуға жол бермеу маңызды.

Мақаланың мақсаты – осы саладағы жинақталған теориялық және тәжірибелік білімге, сондай-ақ қазіргі ҚПК нормаларына сәйкес, қылмыстық істер бойынша қылмыстық іс жүргізу заңдарын және құқық қолдану тәжірибесін жетілдіру жөнінде ұсыныстар әзірлеу үшін кінәсіз, күдіктілер мен айыпталушыларды ақтаудың жүйелік теориясын әзірлеу.

Зерттеу тақырыбының өзектілігі адамның, жеке тұлғаның және азаматтың құқықтары қоғамдық және мемлекеттік қызметтің түрлі салаларындағы өзгерістердің маңызды факторы болып табылатындығымен айқындалады. Бұл қылмыстық процестің саласына да қатысты, онда олар ең тиімді және сенімді қорғауды қажет етеді.

Талдау негізінде автор күдіктінің және айыпталушының құқықтары мен заңды мүдделерін қорғауда ақтаудың рөлі туралы өзекті мәселені анықтайды және күдіктілер мен айыпталушыларға қатысты халықаралық нормаларға талдау жасалады.

Түйін сөздер: күдікті, айыпталушы, ақтау институты, қылмыстық процесс, өтемақы.

Введение

Реабилитация – важнейший институт уголовного процесса, предполагающий возмещение имущественного и морального вреда, а также

восстановление различных прав лица, которого необоснованно подвергли уголовному преследованию или к которому были необоснованно применены меры уголовно-процессуального принуждения (Ожегов, 1953: 335). Значимость

реабилитации сложно переоценить: лицо, которого подвергли незаконному преследованию, получает реальную возможность восстановить свое доброе имя в глазах окружающих и получить компенсацию.

Реабилитация является одним из определяющих направлений процессуальной деятельности, служит назначением, задачей (целью) уголовного судопроизводства. Однако задачи уголовного процесса могут быть реализованы в условиях организации уголовно- процессуальной деятельности на демократических началах, т.е. посредством соблюдения и реализации принципов уголовного судопроизводства, тем самым реабилитация реализуется в рамках принципов процесса, неразрывно связанных с ними. Идея реабилитации имеет наиболее важное значение в уголовно-процессуальной деятельности в виду того, что реабилитация является назначением процесса. Однако норма, определяющая назначение уголовного судопроизводства законодателем, помещена в главе, посвященной принципам судопроизводства в виду того, что данная норма основывается и вытекает из общих руководящих положений уголовного процесса. Законодатель тем самым указывает на их неразрывную связь, на взаимосвязанность результата процессуальной деятельности и ведущих к нему путей (Томин, 1969: 68).

Первоначальным импульсом реализации назначения уголовного судопроизводства служит уголовное преследование, которое обусловлено наличием преступных нарушений закона и необходимостью обнаружения и наказания виновных. Но стоит процессу возникнуть, как сразу появляется другая проблема: не допустить привлечения к уголовной ответственности невиновного, не подвергнуть его незаконному уголовному преследованию и наказанию. Законодатель выделяет два направления уголовно-процессуальной деятельности, в которых подчеркивается не только карательная, но и правозащитная сущность данной деятельности и отмечается, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (УПК РК, 2014а: ст. 8). Вместе с тем не все исследователи положительно оценили гуманистическую направленность деятельности в отношении незаконно подвергнутых уголовному преследо-

ванию и наказанию. Расследование и судебное разбирательство не должны порождать конкуренцию между потерпевшим и обвиняемым. Речь должна идти об объективном характере принимаемых решений и защите интересов личности. Уголовный процесс имеет своей задачей равноценную защиту интересов любой стороны при объективной оценке доказательств. В юридической литературе справедливо отмечается, что защита прав человека является приоритетной в иерархии процессуальных целей (Климова, 2005: 147-148).

Основополагающим в реабилитации в уголовном процессе является перечень лиц, которые имеют право на реабилитацию. Данный перечень носит исчерпывающий характер. Правом на реабилитацию обладают следующие лица: 1) подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, т. е. приговор, выносимый судом в случаях, если не установлено событие преступления, подсудимый непричастен к совершению преступления, в деянии подсудимого отсутствует состав преступления или в отношении подсудимого коллегией присяжных заседателей вынесен оправдательный вердикт; 2) подсудимый, уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения; 3) подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, которые принято называть в науке и практике «реабилитирующими», т. е. в связи с отсутствием события преступления; отсутствием в деянии состава преступления; отсутствием заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению; отсутствием заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, либо отсутствие согласия. Также в этот ряд входят подозреваемые или обвиняемые, в отношении которого уголовное преследование прекращено, в связи с непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления; при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению; при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела (Химичева, 2002: 52).

Согласно части 2 статьи 38 действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, право на возмещение вреда, причиненного в результате соответствующих незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс, имеют:

1) лица, указанные в части первой статьи 37 УПК РК;

2) лица, уголовное дело в отношении которых подлежало прекращению по основаниям, предусмотренным пунктом 5) части первой статьи 35 УПК РК, если несмотря на отсутствие обстоятельств, предусмотренных частью четвертой статьи 32 УПК РК, досудебное расследование не было прекращено с момента выявления обстоятельств, исключающих уголовное преследование;

3) лица, уголовное дело в отношении которых должно было быть прекращено по основаниям, предусмотренным пунктами 3) и 4) части первой статьи 35 УПК РК, но не было прекращено с момента выявления обстоятельств, исключающих уголовное преследование, и уголовное преследование незаконно продолжалось несмотря на согласие таких лиц на прекращение уголовного дела;

4) осужденный к аресту, лишению свободы, задерживавшийся или содержащийся под стражей в случаях изменения квалификации содеянного на статью Уголовного кодекса Республики Казахстан, предусматривающую ответственность за менее тяжкое уголовное правонарушение, при подозрении или обвинении в совершении которого настоящим Кодексом не допускается задержание или содержание под стражей, либо назначения по этой статье нового, более мягкого наказания или исключения из приговора части обвинения и снижения в связи с этим наказания, а равно в случае отмены незаконного судебного решения о применении принудительных мер медицинского характера или принудительных мер воспитательного воздействия. Фактически отбытый срок ареста или лишения свободы считается отбытым незаконно в той части, в которой превышает максимальный размер наказания в виде ареста или лишения свободы, предусмотренный статьей Уголовного кодекса Республики Казахстан, по которой вновь квалифицировано совершенное виновным деяние;

5) лицо, содержащееся под стражей сверх положенного срока без законного основания, а равно незаконно подвергнутое любым иным мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу;

6) лицо, в отношении которого проведены негласные следственные действия, впоследствии признанные незаконными в судебном порядке (УПК РК, 2014б: ст.38).

Не относятся к основаниям, дающим право на реабилитацию, издание акта амнистии, истечение сроков давности, не достижение возраста уголовной ответственности, принятие закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния (декриминализующего), а также случай признания несовершеннолетнего, хотя и достигшего возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не способным в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (Трупов, 2004:11).

Основная часть

Институт реабилитации в уголовном процессе

Построение правового государства предполагает усиление гарантий прав, свобод и законных интересов граждан. В сфере уголовного судопроизводства данное положение имеет особое значение, поскольку расследование и рассмотрение уголовных дел сопряжено с ограничением свободы и неприкосновенности личности, вторжением в частную жизнь граждан, применением мер процессуального принуждения. Необоснованное или незаконное уголовное преследование и осуждение, как правило, сопряжены для пострадавших с душевными муками, нравственными переживаниями, материальными лишениями. Задача состоит в том, чтобы свести такие ошибки до минимума, а уж если в конкретном случае ошибка допущена, необходимо рассматривать ее как чрезвычайное происшествие, публично признать ошибку и незамедлительно предпринять все меры для реабилитации невиновного, и в процессе ее осуществления возместить вред, причиненный незаконным или необоснованным уголовным преследованием или осуждением (Біржан, 2012).

Несомненным достоинством Уголовно-процессуального кодекса РК является возведение в ранг принципа положения о том, что уголовное судопроизводство в Республике Казахстан имеет своим назначением не только защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В УПК РК впервые развернуто изложен институт реабилитации жертв незаконного или

необоснованного привлечения к уголовной ответственности (глава 4 УПК РК).

Приняв решение о полной или частичной реабилитации лица, орган, ведущий уголовный процесс, должен признать за ним право на возмещение вреда. Копия оправдательного приговора или постановления о прекращении уголовного дела, об отмене или изменении иных незаконных решений вручается либо пересылается заинтересованному лицу по почте. Одновременно ему направляется извещение с разъяснением порядка возмещения вреда (Нарижний, 2001: 39).

Под полной реабилитацией лица следует понимать вынесение в отношении него судом оправдательного приговора либо вынесение органом дознания, следствия, прокурором постановления о прекращении уголовного дела за отсутствием события преступления, за отсутствием состава преступления или за недоказанностью участия лица в совершении преступления.

Частичная реабилитация лица заключается в признании его невиновным по отдельным эпизодам обвинения, в перекалфикации его действий на статью уголовного закона, предусматривающую ответственность за менее тяжкое преступление, в отмене незаконно примененных принудительных мер медицинского характера или принудительных мер воспитательного воздействия (Безлепкин, 2004: 76).

Правом обращения с требованием о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями органов, ведущих уголовный процесс, наделяются как физические, так и юридические лица. Согласно части 3 статьи 40 УПК с требованием о возмещении имущественного вреда могут обращаться как сами лица, перечисленные в части 2 статьи 38 УПК, так и их законные представители.

В случае смерти реабилитированного право на возмещение имущественного вреда переходит к его наследникам, близким родственникам, родственникам или иждивенцам умершего; этим лицам дознаватель, следователь, прокурор или суд, принявшие решение о признании права на реабилитацию, обязаны направить копию соответствующего постановления и извещение с разъяснением порядка возмещения им вреда.

При отсутствии сведений о месте жительства наследников, родственников или иждивенцев умершего лица, имеющего право на возмещение ущерба, извещение направляется им не позднее пяти суток со дня их обращения в орган, ведущий уголовный процесс.

Вред, причиненный лицу в результате незаконного задержания, ареста, домашнего ареста, временного отстранения от должности, помещения в специальную медицинскую организацию, осуждения, применения принудительных мер медицинского характера, возмещается из республиканского бюджета в полном объеме, независимо от вины органа, ведущего уголовный процесс (УПК РК, 2014в: ст. 40).

Требования о возмещении имущественного вреда разрешаются судьей в порядке, установленном частью второй статьи 390 УПК РК для разрешения вопросов, связанных с постановлением приговора.

Копия постановления, заверенная гербовой печатью, вручается или направляется лицу для предъявления в органы, обязанные произвести выплату. Порядок выплаты определяется законодательством.

Компенсация морального вреда также имеет существенное значение для лиц, подлежащих реабилитации (Tolstoy, 2006: 30).

Способы реабилитации

Реабилитация в уголовном процессе осуществляется путем возмещения пострадавшему лицу имущественного и морального вреда, а также восстановлением трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав, которые оказались нарушены незаконным или необоснованным уголовным преследованием или применением мер принуждения (Бойцова, 1993: 5-6).

Возмещение реабилитированному имущественного вреда. Возмещение лицу имущественного вреда при реабилитации включает в себя возмещение заработной платы, пенсии, пособия, других средств, которых лицо лишилось в результате уголовного преследования; возврат имущества или возмещение ущерба, причиненного конфискацией или обращением имущества в доход государства на основании приговора или решения суда; возмещение штрафов и процессуальных издержек, взысканных с него во исполнение приговора суда; возмещение сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи защитникам, и иных расходов, понесенных реабилитированным вследствие незаконного или необоснованного уголовного преследования, подтвержденных документально либо иными доказательствами (Лебедев, 2014а: 404).

Неполученные заработная плата, пенсия, пособие, другие средства, которых реабилитированный лишился в результате уголовного преследования, исчисляются с момента прекращения их выплаты. При определении размера

сумм, подлежащих взысканию в пользу реабилитированного за оказание юридической помощи, следует учитывать, что положения не ограничивают количество защитников, которые могут осуществлять защиту одного обвиняемого, подсудимого или осужденного. Размер возмещения вреда за оказание юридической помощи определяется подтвержденными материалами дела фактически понесенными расходами, непосредственно связанными с ее осуществлением (Bezdelkin, 2017: 121).

Уголовно-процессуальный закон не ограничивает перечень подлежащих возмещению расходов, которые осуществлены реабилитированным лицом как непосредственно в ходе уголовного преследования, так и понесены им в целях устранения последствий незаконного или необоснованного уголовного преследования, включая затраты на возмещение расходов, связанных с рассмотрением вопросов реабилитации, восстановления здоровья и других.

Размер выплат, подлежащих возмещению реабилитированному, определяется судом с учетом индекса роста потребительских цен по месту работы или жительства реабилитированного на момент начала уголовного преследования (Рохлина, 2007: 117).

Возмещение реабилитированному морального вреда. Под моральным вредом понимаются нравственные и физические страдания, причиненные деяниями, посягающими на личные неимущественные права или другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину, а в случаях, специально предусмотренных законом (Лебедев, 2014б: 405).

Устранение последствий морального вреда осуществляется: 1) принесением прокурором реабилитированному официального извинения от имени государства за причиненный ему вред; 2) помещением в средства массовой информации сообщения о реабилитации, если сведения о применении мер уголовного преследования в отношении реабилитированного были распространены в средствах массовой информации; 3) направлением письменных сообщений о принятых решениях, оправдывающих гражданина, по месту его работы, учебы или по месту жительства.

Принесение официального извинения от имени государства должно производиться, как представляется, по делам публичного и частно-публичного обвинения прокурором в устной форме и официальной обстановке. Если вопрос о принесении извинения прокурором поставлен реабилитированным перед судом, суд возлагает

исполнение такой обязанности на прокурора соответствующего уровня, о чем указывается в постановлении (Veretennikova, 2003: 38).

Восстановление иных прав реабилитированного. Восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного производится по судебному решению, вынесенному в порядке, установленном для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора.

Гражданину, освобожденному от работы в связи с незаконным осуждением, применением принудительных мер медицинского характера либо отстраненному от должности в связи с незаконным привлечением к уголовной ответственности, должна быть предоставлена прежняя работа. Запись, занесенная в трудовую книжку в связи с увольнением, признается недействительной. Администрация предприятия, учреждения, организации выдает ему дубликат трудовой книжки без внесения в нее записи, признанной недействительной (Лебедев, 2014в: 406).

Правовой статус реабилитированного и гарантии его обеспечения

Процессы формирования правового государства особенно затрагивают такие важнейшие политико-правовые взаимосвязи, как государство и личность. Содержание основ правового статуса личности в первую очередь складывается из отношений человека и общества, гражданина и государства в их различном понимании и юридически признанном обозначении. Традиционный примат государства в этих взаимоотношениях ставил личность в зависимое положение от государственного механизма, ущемлял ее права, сковывал инициативу и правовую активность граждан. Естественно, ненормальность сложившегося положения требовала переориентации к личностному акценту, качественному наполнению содержания правового статуса личности. «Права государства не могут быть выше прав человека».

Для современного юридического статуса личности характерны такие особенности, как его крайняя неустойчивость, слабая социально-правовая защищенность, отсутствие надежных гарантирующих механизмов, неспособность государства эффективно обеспечить интересы гражданина, его права и свободы. Правовой статус личности несет на себе печать глубокого социально-экономического, политического, духовного кризиса. Единство и стабильность правового статуса подорваны процессами суверенизации, межнациональными и региональными конфликтами. Появились значительные группы людей (беженцы, мигранты, перемещен-

ные лица) вообще без четкого правового статуса (Freeman, 2011: 57).

Правовое положение индивида существенно дестабилизируется в результате негативных явлений, происходящих в обществе: социальная напряженность, политическое противостояние, сложная криминогенная обстановка, экологические и техногенные катастрофы, шоковые методы проведения реформ и т.д. На правовой статус оказывают свое воздействие и нравственно-психологические факторы, как потеря личностью социальных ориентиров и приоритетов, духовной опоры, неадаптированность к новым условиям (Малько, 2001: 119).

Для уточнения этого вопроса необходимо вспомнить, что в международно-правовой практике принято различать три группы прав и свобод человека и гражданина.

К первой группе относятся личные права и свободы: право на жизнь, охрану достоинства личности государством, право на личную неприкосновенность, защиту своей чести и достоинства и др.

Вторую группу образуют политические права и свободы: проводить собрания, шествия, пикетирование, демонстрации; право на свободу мысли и слова, создавать различные союзы для защиты своих интересов и др.

Третью группу составляют социально-экономические права и свободы человека и гражданина: право частной собственности, выбора профессии, охрана здоровья и др. (Rakhmetullin, 2001: 12-15).

Реабилитацию граждан в уголовном процессе следует отнести, на наш взгляд, к первой группе. И в зависимости от состояния дел в этой области в определенной мере можно судить о приоритете прав человека в том или ином государстве. И не случайно в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) закреплено право каждого, кто стал «жертвой ареста или содержания под стражей», произведенных в нарушение положений данной конвенции, на компенсацию, обладающую искомой силой. Статьей 50 конвенции предусмотрено, что возмещение нанесенного при этом ущерба должно быть справедливым. Статья 3 Протокола 7 к Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод» включает в число субъектов, обладающих таким правом, не только незаконно арестованных на досудебных стадиях уголовного процесса, но и жертвы судебных ошибок, которые получают компенсацию согласно закону или практике соответствующего государства

(European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 1950).

В Республике Казахстан порядок реабилитации, в том числе возмещение вреда, причиненного незаконным действием органа, ведущего уголовный процесс, регламентируется нормами уголовно-процессуального законодательства. Согласно УПК РК возмещению подлежит вред, причиненный реабилитируемому в результате незаконного задержания, ареста, домашнего ареста, временного отстранения от должности, помещения в специальное медицинское учреждение, осуждения, применения принудительных мер медицинского характера.

Ошибки при осуществлении правосудия дорого обходятся как отдельной личности, так и обществу в целом. Нарушение справедливости в той сфере, где она должна быть в первую очередь, негативно влияет на душевное состояние человека, вызывает неуважение к закону и должностным лицам, зачастую создает ощущение того, что он живет не в своем государстве (Goodall, 2012: 142).

Даже кратковременное пребывание человека под стражей в местах заключения, помимо отрицательных переживаний нравственного порядка, почти всегда сопряжено с физическими страданиями, являющимися следствием условий содержания в следственных изоляторах, не соответствующих международным стандартам (Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners, 1957). Общеизвестно, что на протяжении многих лет в следственных изоляторах МВД РК не обеспечивался необходимый жизненный уровень для поддержания здоровья большинства контингента. Число содержащихся в камерах, а среди них немало лиц, впоследствии подлежащих реабилитации, обычно в несколько раз превышало санитарные нормы, отчего арестованные вынуждены были спать по очереди, на полу, часто без постельных принадлежностей.

Чем измерить и как возместить невиновному человеку перенесенные им в таких условиях нравственные и физические страдания? Конечно, ничем. Тем не менее денежная компенсация в этих случаях, на наш взгляд, оправданна.

Проведенными социологическими исследованиями установлено, что реабилитируемым гражданам вред возмещается лишь в 20-30 % случаев. Одной из причин такого положения дел является то («О практике применения законодательства по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органов, ведущих уголовный процесс», 1999), что при принятии

решения о реабилитации, а также иного решения, вследствие которого у лиц возникает право на возмещение вреда, суды в процессуальных документах не указывали признание за ними такого права и не разъясняли порядок вымещения вреда. Аналогичная практика в работе судебных органов продолжается и в нынешних условиях. Увидеть в этих случаях нарушения прав оправданных, предусмотренных ч. 3 ст. 402 УПК РК, не составляет особого труда.

Конечно, в случае вынесения оправдательного приговора ошибки, допущенные в ходе следствия или другие существенные нарушения прав участников процесса, рассматриваются на коллегиях соответствующих прокуратур. Принимаются иногда дисциплинарные меры воздействия в отношении прокурорских работников низшего звена и следователя, производившего расследование. Следует отметить, что от этого реабилитируемому не становится легче, поскольку он вынужден обивать пороги судебных инстанций для удовлетворения своих исковых требований и вести спор со следователем, прокурором, не надеясь особо на справедливость и успех в деле, или уйти, не предъявляя никаких требований о возмещении причиненного ему вреда. Урон, наносимый престижу государственных органов, в том числе органов прокуратуры, в этих случаях очевиден (Tynyshtykuly, 2001: 25).

Основной причиной такого положения является незнание или слабое знание заинтересованных лиц, в том числе практических работников действующего законодательства в этой части. Кроме того, установленный порядок возмещения вреда, на наш взгляд, отнимает много времени в связи с предъявлением в суд соответствующего иска, его должного оформления и т.д. и фактическим рассмотрением. Имеется и психологическая сторона дела, заключающаяся в том, что пострадавшему после принятия компетентными органами соответствующего решения о реабилитации приходится как бы вновь переживать за случившееся с ним, доказывать в суде свою правоту, предъявляя иск.

Заключение

Таким образом, указанный институт, предусмотренный УПК РК, пока содержит массу неточностей и противоречий. Несмотря на то, что значение, уделяемое законодателем восстановлению прав и свобод лиц, незаконно и необоснованно подвергнутых уголовному преследованию, очевидно, указанные несоответствия

часто лишают возможности воспользоваться декларируемыми нормами. За небольшой период действия уголовно-процессуального кодекса в него были внесены многочисленные изменения. Устранение перечисленных выше недоработок, полагаем, позволит в полной мере использовать данный институт в целях возмещения вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов и должностных лиц.

В статье автор приходит к выводу, что институт реабилитации представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих правоотношения в связи с вынесением акта о реабилитации (оправдательного приговора и постановления о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям) и реализацией компенсационно-восстановительных мер, направленных на возмещение вреда реабилитируемому. Составными частями института реабилитации, исходя из данной формулировки, являются две обособленные группы норм, первое из которых определяет порядок и условия вынесения акта о реабилитации и по своей отраслевой принадлежности является уголовно-процессуальной, а второе – порядок возмещения вреда и других компенсационно-восстановительных мер, которые он вправе получить на основании акта о реабилитации, и носит межотраслевой характер. Последняя группа норм может быть реализована только в случае его волеизъявления и при наличии его ходатайства.

Неоднозначно законодателем решен вопрос об основаниях реабилитации. По мнению автора, реабилитации должны подлежать лишь лица, которые были подвергнуты уголовно-процессуальному преследованию при полном отсутствии инкриминируемого им общественно опасного деяния или их вины в преступлении, что повлекло причинение им вреда несправедливо. Именно такая ситуация ассоциируется с категорией невиновности подозреваемого или обвиняемого, а в процессуальном аспекте выражается в трех основаниях реабилитации: отсутствие события преступления, отсутствие состава преступления и непричастность обвиняемого, подозреваемого к совершению преступления.

Вопрос о субъектах реабилитации также вызывает большое количество споров. Законодатель определил, что субъектом может являться как подозреваемый, обвиняемый, подсудимый и осужденный, так и иные лица. Однако субъектами реабилитации могут являться лишь лица, подвергавшиеся уголовному преследованию, а последние к таковым не относятся.

Литература

- 1 Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1953. – С. 335.
- 2 Томин В.Т. Понятие и цели советского уголовного процесса // Правоведение. – 1969. – № 4. – С. 68.
- 3 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями). – Алматы: Юрист, 2014. – 340 с.
- 4 Климова Г.З., Сенякин И.Н. Реабилитация как правовой институт (вопросы теории и практики). – Саратов, 2005. – С. 147–148.
- 5 Химичева Г.П., Химичева О.В. УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства // Закон и право. – 2002. – №10. – С. 52.
- 6 Trunov I.L. Problems of legislative regulation of rehabilitation in criminal procedure // Адвокатская практика. – 2004. – №12. – Р. 11.
- 7 Біржан Т. Незаконное осуждение и реабилитация. – 2012 г. // <https://www.zakon.kz/4529480-nezakonnoe-osuzhdenie-i-reabilitacija.html>
- 8 Нарижний С.В. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве России. – СПб., 2001. – С. 39.
- 9 Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: учебник. – М., 2004. – С. 76.
- 10 Tolstoy A.V. Correlation of institutes of criminal prosecution and rehabilitation // Criminal justice. – 2006. – № 2. – Р. 30.
- 11 Бойцова В.В., Бойцова Л.В. Реабилитация необоснованно осужденных граждан в современных правовых системах. – Тверь, 1993. – С. 5–6.
- 12 Лебедев В.М. Уголовно-процессуальное право. – М.: «Юрайт», 2014. – С. 404.
- 13 Bezdelkin B.T. Handbook of the judge in criminal proceedings. – М.: Проспект, 2017. – Р. 121.
- 14 Рохлина В.И. Институт реабилитации в Российском законодательстве. – СПб: «Юридический центр Пресс», 2007. – С. 117.
- 15 Veretennikova E. Compensation for moral damage caused by unlawful acts of law enforcement officers // Законность. – 2003. – № 11. – Р. 38.
- 16 Michael Freeman. Human Rights (Polity Key Concepts in the Social Sciences series). – 2011. – Р. 57.
- 17 Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах: учебно-методическое пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2001. – С. 119.
- 18 Rakhmetullin E. The only task is to ensure observance of the constitutional rights of citizens // Закон и время. – 2001. – №2. – Р. 12-15.
- 19 European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. It was signed in 1950 and entered into force on September 3, 1953 // http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf
- 20 Kay Goodall, Margaret S., Bill Munro, William G., Munro Building. «Justice in Post-transition Europe: Processes of Criminalisation». – 2012. – Р. 142.
- 21 Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners. Adopted by the First United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, held at Geneva in 1955, and approved by the Economic and Social Council by its resolutions 663 C (XXIV) of 31 July 1957 and 2076 (LXII) of 13 May 1977 // https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/UN_Standard_Minimum_Rules_for_the_Treatment_of_Prisoners.pdf
- 22 Постановление пленума Верховного суда РК от 9 июля 1999 г. № 7 “О практике применения законодательства по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органов, ведущих уголовный процесс” // <http://sud.gov.kz/rus/kategoriya/normativnye-postanovleniya-verhovnogo-suda-respubliki-kazahstan>
- 23 Tynyshtykuly Zh. “The role of prosecutorial supervision in the criminal procedure for the rehabilitation of citizens” // “Правовая реформа в Казахстане”. – 2001. – №2. – Р. 25.

References

- 1 Bezdelkin B.T. Handbook of the judge in criminal proceedings. - M.: Prospekt, 2017. - P.121.
- 2 Bezlepkin B.T. Ugolovnyy protsess Rossii: Uchebnik. - M., 2004. - S. 76.
- 3 Boytsova V. V., Boytsova L. V. Reabilitatsiya neobosnovanno osuzhdennykh grazhdan v sovremennykh pravovykh sistemakh. - Tver', 1993. - S. 5–6.
- 4 Birjan T. Nezakonnoe osuzhdenie i reabilitatsiya. - 2012 g. // <https://www.zakon.kz/4529480-nezakonnoe-osuzhdenie-i-reabilitacija.html>
- 5 European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. It was signed in 1950 and entered into force on September 3, 1953 // http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf
- 6 Kay Goodall, Margaret S., Bill Munro, William G., Munro Building. «Justice in Post-transition Europe: Processes of Criminalisation». - 2012. - P. 142.
- 7 Khimicheva G.P., Khimicheva O.V. UPK RF o naznachenii ugolovnogo sudoproizvodstva // Zakon i pravo. – 2002. - №10. – S. 52.
- 8 Klimova G. Z., Senyakin I. N. Reabilitatsiya kak pravovoy institut (voprosy teorii i praktiki). - Saratov, 2005. - S. 147–148.
- 9 Lebedev V.M. Ugolovno-protsessual'noye pravo. - M: «Yurayt», 2014. - S. 404.
- 10 Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava v voprosakh i otvetakh: Uchebno-metodicheskoye posobiye. 3-ye izd., pererab. i dop. - M., 2001. - S. 119.

- 11 Michael Freeman. Human Rights (Polity Key Concepts in the Social Sciences series).- 2011.- P. 57.
- 12 Narizhniy S.V. Kompensatsiya moral'nogo vreda v ugovnom sudoproizvodstve Rossii.- SPb, 2001.- S. 39.
- 13 Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. – M.: Gos. izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1953 g. – S. 335.
- 14 Postanovleniye plenuma Verkhovnogo suda RK ot 9 iyulya 1999 g. № 7 “O praktike primeneniya zakonodatel'stva po vozmeshcheniyu vreda, prichinennogo nezakonnymi deystviyami organov, vedushchikh ugovolnnyy protsess” // <http://sud.gov.kz/rus/kategoriya/normativnye-postanovleniya-verhovnogo-suda-respubliki-kazahstan>
- 15 Rakhmetullin E. The only task is to ensure observance of the constitutional rights of citizens // *Zakon i vremia*.-2001.- № 2.- P. 12-15.
- 16 Rokhlina V.I. Institut rehabilitatsii v Rossiyskom zakonodatel'stve.- SPb: «Yuridicheskiy tsentr Press», 2007.- S. 117.
- 17 Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners. Adopted by the First United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, held at Geneva in 1955, and approved by the Economic and Social Council by its resolutions 663 C (XXIV) of 31 July 1957 and 2076 (LXII) of 13 May 1977 // https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/UN_Standard_Minimum_Rules_for_the_Treatment_of_Prisoners.pdf
- 18 Tolstoy A.V. Correlation of institutes of criminal prosecution and rehabilitation // *Criminal justice*.- 2006.- № 2.- P. 30.
- 19 Tomin V.T. Ponyatiye i tseli sovetskogo ugovolnogo protsessa // *Pravovedeniye*. – 1969. – № 4. – S. 68.
- 20 Trunov I.L. Problems of legislative regulation of rehabilitation in criminal procedure // *Advokatskaya praktika*. – 2004. – №12. – P.11.
- 21 Tynyshtykuly Zh. “The role of prosecutorial supervision in the criminal procedure for the rehabilitation of citizens” // “Pravovaya reforma v Kazakhstane” – 2001.- №2.- P. 25.
- 22 Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 4 iyulya 2014 goda № 231-V (s izmeneniyami i dopolneniyami).- Almaty: Yurist, 340 s.
- 23 Veretennikova E. Compensation for moral damage caused by unlawful acts of law enforcement officers // *Zakonnost'*.- 2003.- № 11.- P. 38.

Yergali A.M.¹, Amangeldi B.S.²

¹Ph.D, e-mail: yergali.adlet@gmail.com

²Master of 1-course, Law Faculty

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

PROBLEMS OF COUNTERACTION OF CRIME IN THE SPHERE OF INFORMATION TECHNOLOGIES

With the growth in the volume of use of computer technologies and their significance in the lives of people in the world, a new type of crime in the field of information technology has appeared. The article is devoted to a detailed analysis of the emergence of crime in the field of information technology, as well as methods to combat this crime. The author reveals the rapid development for a short time of this type of crime in the field of information technology on the basis of a comparative analysis of the Republic of Kazakhstan with other countries. Special attention was paid by the author to stimulating factors to the emergence and consistent growth of crime in the field of information technology. The article problems of counteraction of crime in the sphere of information technologies are considered.

The author comes to the greatest public danger is constituted by the crimes connected with illegal access to computer information. And also, on the basis of a comparative analysis of the Republic of Kazakhstan and other countries, the origin of this type of crime will be explained.

Key words: crime, counteraction, information technologies, computer, information communications.

Ергали А.М.¹, Амангельды Б.С.²

¹PhD, e-mail: yergali.adlet@gmail.com

²заң факультетінің 1 курс магистрі

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Ақпараттық технологиялар саласындағы қылмыстылыққа қарсы тұру мәселелері

Компьютерлік технологияларды пайдалану көлемінің өсуі мен олардың әлемдегі адамдардың өміріндегі маңыздылығының артуының нәтижесінде ақпараттық технологиялар саласындағы қылмыстардың жаңа түрі пайда болды. Мақала ақпараттық технологиялар саласындағы қылмыстардың пайда болуы мен осы қылмыстарға қарсы күрес әдістеріне жан-жақты талдау жасалып қарастырылған. Автор Қазақстан Республикасының басқа мемлекеттермен салыстырмалы талдауының негізінде ақпараттық технология саласындағы қылмыстардың қысқа уақыт ішінде жылдам дамуын айқындайды. Автор ақпараттық технология саласындағы қылмыстардың пайда болуы мен дәйекті өсуіне ықпал ететін факторларға ерекше назар аударды. Сондай-ақ, мақалада ақпараттық технологиялар саласындағы қылмыстылыққа қарсы тұру мәселелері қарастырылды.

Автор компьютерлік ақпараттарға заңсыз қол жеткізуімен байланысты қылмыстық құқық бұзушылықтар аса қоғамдық қауіп төндіреді деп тұжырымдайды. Сондай-ақ, Қазақстан Республикасының басқа мемлекеттермен салыстырмалы талдауының негізінде мұндай қылмыстың туындау себептерін айқындайды.

Түйін сөздер: қылмыстылық, қарсы тұру, ақпараттық технологиялар, компьютер, ақпараттық байланыс.

Ергали А.М.¹, Амангельды Б.С.²

¹доктор PhD, e-mail: yergali.adlet@gmail.com

²магистрант 1 курса юридического факультета
Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Проблемы противодействия преступности в сфере информационных технологий

С ростом объема использования компьютерных технологий и их значимости в жизни людей в мире появился новый вид преступности в сфере информационных технологий. Статья посвящена детальному анализу появления преступности в сфере информационных технологий, а также методам борьбы с этой преступностью. Автор раскрывает слишком быстрое развитие за малое время этого вида преступности в сфере информационных технологий на основе сравнительного анализа Республики Казахстан с другими странами. Особое внимание обращено автором на стимулирующие факторы появления и последовательному росту преступности в сфере информационных технологий. В статье также рассмотрены проблемы противодействия преступности в сфере информационных технологий.

Автор приходит к выводу, что наибольшую общественную опасность представляют преступления, связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации. А также поведствует на основе сравнительного анализа Республики Казахстан с другими странами причины возникновения этого вида преступности.

Ключевые слова: преступность, противодействие, информационные технологии, компьютер, информационные связи.

Growth of volumes of information, computer networks and number of users, simplification of their access to information circulating on networks significantly increases probability of plunder or destruction of this information.

Now the importance of a problem of protection of information resources, including personal, is defined by the following factors:

- development of the world and national computer networks and new technologies providing access to information resources;
- transfer of information resources to electronic media and their concentration in information systems;
- increase in «price» of the created and saved up information serving as a real resource of welfare and personal development;
- development and improvement of information technologies which can effectively be used by criminal structures.

Computer crime became the real scourge of economy of the developed states. So, for example, 90% of firms and the organizations in Great Britain at different times became objects of electronic piracy or were under its threat (Security Gazette, 1980: p.7), in the Netherlands 20 different % of the enterprises (Computer Law and Security, 1991: p.2-3) became the victims of computer crime. In Germany with use of computers 4 billion euros, and in France – 1 billion euros are annually abducted (Selivanov, 1993: p.36).

The greatest public danger is constituted by the crimes connected to illegal access to computer information. It is known, the considered offense has very high latency which according to different data makes 85-90% (Vekhov, 1996: p.44). Moreover, the facts of detection of illegal access to information resources for 90% have accidental character (Baturin, 1991: p.134).

Crime of this look as the world practice shows, does huge material and moral harm. So, for example, annual losses only of a business sector of the USA from unauthorized penetration into information databases make from 150 to 300 billion dollars (Lapshin, 1997: p.107).

In modern conditions of social and economic development of the Republic of Kazakhstan computer crime has become a reality of public life.

Dynamics and scales of computer crimes are shown clearly by the following data. For the last ten years their number has increased by 22,3 times and continues to grow on average by 3,5 times annually. The annual extent of material damage from these criminal encroachments is 613,7 million rubles. The average damage caused to the victim from one computer crime is equal to 1,7 million rubles. With a certain share of success only about 49% of crimes are investigated, convictions are pronounced only in 25,5% of cases of total number of the brought criminal cases. The average value – number of criminal cases on which production is suspended makes 43,5% and brightly reflects low degree of profes-

sionalism of law enforcement officers in activities for disclosure, investigation and prevention of these criminal encroachments (Starostina, 2005: p.89).

The analysis of problems of fight against computer crime allows to draw a conclusion that her emergence and consecutive growth is promoted by a number of factors: political, social, economic and legal. So, 87% of the interviewed respondents consider that economic factors have significant effect on emergence and development of computer crimes, 35% - mark out social factors, 30% - legal and only 13% - political. At the same time 92% of respondents are sure that in process of a computerization of the Russian society the number of computer crimes will increase. The following has been distinguished from the sectors of national economy having now optimum conditions for commission of computer crimes: mixed (33% of respondents), state (32% of respondents), in all equally (31% of respondents), and among branches economies are bank (81%) and financial (53%) (threats and forecasts//www.crime-research.ru).

The following main tendencies of development of computer crime in Kazakhstan are allocated (Lopatina, 2006: p.16): a) the highest growth rates; b) mercenary motivation of the majority of the committed computer crimes; c) complication of ways of commission of computer crimes and emergence of new types of illegal activity in the sphere of computer information; d) growth of criminal professionalism of computer criminals; e) rejuvenescence of computer criminals and increase in a share of the persons who were earlier not brought to trial; e) growth of material damage from computer crimes in the general share of damage from other types of crimes; g) transfer of the center of gravity on commission of computer crimes with use of computer networks; h) development of computer crime into the category of transnational crime; i) high level of latency of computer crimes.

Why computer crimes are committed? It is impossible to answer unambiguously. It and complexity in search of traces of criminals, and latency. So chances to be caught at the computer criminal much less, than at the robber of bank, even at capture he has less chances to get to prison. 1% of computer crimes is found on average. And the probability that for computer fraud will get to prison is less than 10% (Dulov, 1973: p.168). It is possible to carry to the reasons or motives for which crimes in the field of computer information are committed: self-interest, hooligan motives, revenge, computer espionage and diversion, self-expression, accident, vandalism.

There is also the following classification, in a percentage ratio mercenary reasons (66%), political goals (17%), research interest (7%), hooligan motives and mischief (5%), revenge (5%).

And the most typical criminal intents are:

- forgery of accounts and pay-sheets;
- addition of overhours;
- falsification of payment documents;
- plunder of cash and non-cash money;
- secondary receiving already made payments;
- transfer of money to fictitious accounts;
- money laundering;
- money laundering;
- shopping with fictitious payment;
- illegal currency transactions;
- illegal receiving credits;
- manipulations with the real estate;
- receiving illegal privileges and services;
- sale of confidential information;
- plunder of material values, goods, etc.

At the same time, as a rule, with plunder of money 52% of crimes, are connected with destruction and destruction of means of the computer equipment – 16%, with substitution of basic data – 12%, with plunder of information and programs and also with plunder of services – 10% (Research Centers of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2012: p. 2-3).

On official statistics, in the USA the computer crimes committed by employees make 70-80% of the annual damage connected with computers. Other 20% are actions of dishonest and dissatisfied employees and they are made for a number of reasons (Goben, 1994: p. 215-248).

The greatest danger is constituted by persons from among permanent members of staff – system programmers, network administrators, specialists in information security, operators of the COMPUTER, engineering personnel and also users of system.

The competitors or persons who are engaged industrial in espionage and also professional criminals and cyberterrorists can put serious threat of network safety. Representatives of these groups carry out illegal activity in the wide range from corporate espionage before extremely dangerous diversions against computing systems of the vital objects (Osipenko, 2004: p.152).

In recent years researchers of the identity of the criminal on the wide computer networks faced essential extension of criminal activities from hackers. On a level of potential danger from this or that category of criminals of FBI of the USA predict probable sources of security risks of wide area networks

It is not so simple to find the solution against a spam. After all, a spam is a business which makes huge profit for those who use it. Distributors of a spam permanently enhance technologies of remote access and are not going to give up without fight. Noticeably to reduce quantity of unwanted mail, radical reconstruction of all electronic mail system is necessary.

Analyzing structure of internal threats, experts mark as the most serious systems of the actions from the point of view of violation in information security field taking place in the last two years, such negative manifestations of a human factor in operation of a staff as unwarranted installation and use of the independent software (to 78% of internal incidents), increase in cases of use of the equipment and resources for personal reasons (for 10%). Lowering for 7% of quantity of the cases connected to installation and use of the independent equipment owing to toughening of monitoring from administration is at the same time marked.

Even in the Pentagon serious violations of rules of information security which are shown that practice of not considered programs and programs with expired certificates is widespread take place. According to experts, existence of a large number (288) software products which don't have necessary certificates and employees, responsible for their operation, poses in itself potential threat for safety not only military, but also national infrastructure in general.

Organized criminal communities even more often use possibilities of the Internet for commission of fraud in the credit and financial sphere and electronic trading system.

Specialists of Symantec and Message Labs in one of the last reports note that hackers carry out harder and harder attacks already not for fun, and for the purpose of enrichment. The most attacked in the recent past were the websites of electronic commerce. 16% of all attacks were the share of them that there is 400% above than the level of first half of 2004 when it has made 4%. Similar growth shows change of reference points of hackers. If earlier they dreamed only of glory, then now personal enrichment becomes a priority.

According to National Separation of FBI on computer crimes, from 85% to 97% of attacks on corporate networks not that are not locked, but also are not found. The tests which are carried out to the USA showed the following results: in 88% of cases penetration of special groups of experts into military information systems was successful, in 4,36% of cases of the attack were found, and only in 5%

system administrators reported about such attacks. Other group of experts inspected about 8 thousand computers of the U.S. Department of Defense and found 150 thousand weak spots.

The number of the crimes committed in a cyberspace grows in proportion to number of users of computer networks, and, by estimates of the Interpol, growth rates of crime in a wide area network the Internet, are the fastest on the planet.

On average 80% of successful computer invasions into federal computer systems happen because of errors in the software or its poor quality.

According to most of experts cyberterrorism – turns into serious threat for mankind, comparable with nuclear, bacteriological and chemical weapon, and extent of this threat owing to the novelty, not up to the end is still realized and studied. We will consider the most frequent threats of the Internet and measures of counteraction.

Important element of system of measures of fight against computer crime are measures of preventive character, or a prevention measure. Most of foreign experts indicate that it is much easier and simpler to prevent computer crime, than to open and investigate it.

Usually allocate three main groups of measures of prevention of computer crimes: legal; organizational and technical and criminalistic, making in total the complete system of fight against this socially dangerous phenomenon (Nomokonov, 2003: p.104-110).

Now there is an active work on improvement not only legislations on fight against computer crimes, but also development of programs which can automatically reveal criminal encroachments. The government of the State of New Jersey (USA) which has already allocated 2,6 mln. dollars of the USA for the embodiment of the project in life became the sponsor of the new project on fight against hackers.

Experts call five main directions of legal regulation of the Internet relations (Lopatina, 2006: p.20) : protection of personal data and private life in Network; regulation of electronic commerce and other transactions and ensuring their safety; protection of intellectual property; fight against illegal contents of information and illegal behavior in Network; legal regulation of electronic messages.

The strategy of the international cooperation in the sphere of counteraction of computer crime and the priority directions her realization, including: interstate agreements, the organization of interstate operational search activity, adoption of interstate regulations and improvement of integration processes within the interstate organizations, justification of

need of development and adoption of the appropriate comprehensive interstate program.

Thus, it is possible to draw a conclusion that fight against computer crime is connected as with use of the traditional means applied by the states (within the existing international organizations and

also on the basis of bilateral contracts on legal aid and multilateral contracts concerning fight against separate types of offenses and to rendering legal aid on criminal cases), and with creation of new, more effective remedies of counteraction to this type of crimes.

References

- 1 Security Gazette, 1980. September. – P. 7.
- 2 Computer Law and Security, 1991. June. – PP. 2-3.
- 3 Selivanov N. Problems of fight against computer crime // Legality, 1993. – No. 8. – P. 36.
- 4 Vekhov B.V. (1996) Computer crimes: ways of commission, investigation technique. – M. – P. 44.
- 5 Baturin Yu.M. (1991) The right and policy in a computer circle. – M. – P. 134.
- 6 Lapshin S.I. Crime in the field of information technologies // Technologies and means of communication, 1997. – No. 1. – P. 107.
- 7 Starostina E.V., Frolov D. B. (2005) Protection against computer crimes and cyberterrorism. – M.: Eksmo publishing house. – P. 89.
- 8 Sabadash V. Computer crime: threats and forecasts//www.crime-research.ru
- 9 Lopatina T. M. Criminological and criminal and legal bases of counteraction of computer crime. The abstract on competition ю. M. N: 2006. – P. 16.
- 10 Dulov A.V. (1973) Bases of the psychological analysis on preliminary investigation. – M.: Yurid. litas. – 168 p.
- 11 Methodical recommendations for law enforcement officers of the State Parties of the CIS about the analysis and forecasting of a criminogenic situation and introduction in this activity of modern scientific methods//Research Centers of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2012. – No. 1. – Page 2, 3.
- 12 Goben F. Op. cit. – P. 57-72; Schwartz W. Information Warfare: Chaos on the Electronic Superhighway. – NY, 1994. – P. 215-248.
- 13 Osipenko A.L. Fight against crime in global computer networks: International experience: Monograph. – M.: Norm, 2004. – P. 152.
- 14 Nomokonov V. A. (2003) Current problems of fight against cyber crime//Collection of scientific works of the international conference «Information Technologies and Safety». Release 3. – Kiev: National Academy of Sciences of Ukraine. – P. 104-110.
- 15 Lopatina T. M. (2006) Criminological and criminal and legal bases of counteraction of computer crime. The abstract on competition. M. N. – P. 20.

6-бөлім
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР

Раздел 6
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Section 6
INTERNATIONAL RELATIONS

Sylkina S.M.¹, Umbetbayeva Zh.²

¹candidate of jurisprudence, associate professor, e-mail: sylkina.sv@mail.ru

²master of legal sciences, the lecturer, e-mail: umbetbaeva@mail.ru

international law faculty of the international relations, al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty

**INTERNATIONAL LEGAL FEATURES
OF THE DISSOLUTION OF THE MARITAL RELATIONSHIPS**

This article is devoted to analysis of the decision of international legal conflicts that arise from divorce with a foreign element. As well as the issues of legal regulation of these relations in accordance with the legislation of the Republic of Kazakhstan.

The authors of the article examined in detail the provisions of the CIS Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters 1993, Convention on the Law Applicable to Matrimonial Property Regimes of 1978, The Hague Convention on the settlement of conflicts of laws and jurisdiction over divorce and legal separations, as well as the Convention on the Nationality of Married Women 1957.

Moreover, there is studied the experience of the law of foreign countries of Europe and Latin America and of individual States on this issue.

Key words: Convention, marital relationships, dissolution of marriage, property rights of spouses, conflict rules, domestic laws, norms of the international Treaty, family, citizens of the Republic of Kazakhstan, a foreign citizen.

Сылкина С.М.¹, Умбетбаева Ж.²

¹з.ғ.к., e-mail: sylkina.sv@mail.ru

²заң ғылымдарының магистрі, оқытушы, e-mail: umbetbaeva@mail.ru
халықаралық құқық кафедрасы, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ.

Некелік қатынастарды бұзудың халықаралық-құқықтық ерекшеліктері

Бұл мақала шетел элементімен шиеленіскен некені бұзудың нәтижесінде пайда болатын халықаралық-құқықтық коллизияларды шешу анализіне, сонымен қатар аталған қарым-қатынастарды Қазақстан Республикасының заңнамасына сәйкес құқықтық реттеу мәселелеріне арналған.

Мақала авторларымен 1993 ж. ТМД-ның құқықтық көмек көрсету және азаматтық, отбасылық және қылмыстық істер бойынша құқықтық қатынастар туралы Конвенциясының, 1978 ж. Ерлі-зайыптылардың мүліктері режиміне қолданылатын құқық жайлы Конвенцияның, ерлі-зайыптылардың соттық айырылысуы және ажырасуға қатысты юрисдикциясы және заңдар коллизиясын реттеу туралы Гага Конвенциясының, сондай-ақ 1957 ж. Тұрмыстағы әйелдің азаматтығы туралы Конвенциясының ережелері жан-жақты талданған.

Сонымен қатар, осы мәселеге байланысты Еуропа және Латын Америкасының елдері және өзге де мемлекеттердің заңнамаларының тәжірибесі зерделенген.

Түйін сөздер: Конвенция, некелік қатынастар, некені бұзу, ерлі-зайыптылардың мүліктік құқықтары, коллизиялық нормалар, отандық заңнама, халықаралық келісім-шарттың нормалары, отбасы, Қазақстан Республикасының азаматтары, шет ел азаматы.

Сылкина С.М.¹, Умбетбаева Ж.²

¹кандидат юридических наук, доцент, e-mail: sylkina.sv@mail.ru

²магистр юридических наук, преподаватель, e-mail: umbetbayeva@mail.ru
кафедра международного права факультета международных отношений,
Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Международно-правовые особенности расторжения брачных отношений

Данная статья посвящена анализу решения международно-правовых коллизий, которые возникают в результате расторжения брака с иностранным элементом. А также вопросам правового регулирования данных отношений в соответствии с законодательством Республики Казахстан.

Авторами статьи подробно проанализированы положения Конвенции СНГ об оказании правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., Конвенции о праве, применимом к режиму имущества супругов 1978 г., Гаагской Конвенции об урегулировании коллизий законов и юрисдикции относительно разводов и судебного разлучения супругов, а также Конвенции о гражданстве замужней женщины 1957 года.

Кроме того, исследован опыт законодательства зарубежных стран Европы и Латинской Америки и отдельных государств по данному вопросу.

Ключевые слова: Конвенция, брачные отношения, расторжение брака, имущественные права супругов, коллизионные нормы, отечественное законодательство, нормы международного договора, семья, граждан Республики Казахстан, иностранный гражданин.

Introduction

The Convention on the Provision of Legal Assistance in Family, Civil and Criminal Cases establishes that «in cases of divorce, the legislation of the contracting Party of which the spouses are the citizens at the time of application is applied. If one of the spouses is a citizen of one contracting party and the other of another contracting party, the law of the contracting party shall be applied, the institution of which shall consider the divorce proceedings» (Конвенция «Об оказании правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам», 1993).

The procedure for divorce is different in different countries. Decisions on divorce are made with respect to those marriages that are recognized as such in a particular country. Many countries in Europe and Latin America in their legislation decide this issue on the basis of the rules of national law of spouses or the personal law of the husband. If the spouses have different citizenship, then the law of the country of the last common citizenship or the national law of the husband can be applied. Both options for applying the divorce law may be unfair for the spouse, especially when she was a citizen of a state that permits divorce, and as a result of marriage, she became a citizen of a state that does not allow divorce in its legislation.

In order to unify the conflict rules on divorce issues, international conventions were adopted. Thus, the Hague Convention on the Settlement of Conflicts of Laws and Jurisdiction concerning

Divorce and Judicial Separation of Spouses has established a conflict of interest in two cases: divorce is permitted by both national law and the law of the place where the action was committed (Сафронова, 2003: 166). Another Hague Convention governing the recognition of divorce and judicial separation of spouses in 1970 can be applied to the recognition in one contracting state of divorce and judicial separation that have been committed in another contracting state. This Convention lists the conditions, the observance of which leads to the recognition of divorce, judicial separation, which have already been committed in a particular state (Convention on the Recognition of Divorces and Legal Separations, 1970).

On the territory of the Republic of Kazakhstan, divorce is effected on the basis of Kazakhstan legislation, which establishes the procedure and conditions for divorce proceedings. This issue is regulated by Article 204 of the Law of the Republic of Kazakhstan «On Marriage and the Family» which establishes that divorce of citizens of the Republic of Kazakhstan with foreign citizens and stateless persons, as well as between foreigners in the territory of the Republic of Kazakhstan, is carried out in accordance with the legislation of the Republic of Kazakhstan. As a whole, in Kazakhstan, as we see, domestic legislation is applied. The norms of the international treaty can be applied to the recognition of a divorce, if the issue of recognition of divorce is regulated in an agreement of Kazakhstan with this or that foreign state differently than in the national family legislation.

The Republic of Kazakhstan recognizes as valid the dissolution of marriages committed by foreigners outside Kazakhstan, performed in accordance with the legislation of the respective states. But there are cases when the consequences of such divorces are not recognized on the territory of the Republic of Kazakhstan. When the dissolution of a marriage of a Kazakh citizen with a foreigner occurs under the laws of a foreign country, it can be recognized as valid if at the time of dissolution one of the spouses resided outside the Republic of Kazakhstan. In case of divorce by citizens of the Republic of Kazakhstan living abroad, their divorce is recognized as valid if it was committed under the laws of the country in which they live. If desired, the parties can terminate the marriage in a Kazakh court, in accordance with the requirements of the legislation of the Republic of Kazakhstan, if there are grounds - in the registry of acts of civil status of the Republic of Kazakhstan. The Law of the Republic of Kazakhstan «On Marriage and the Family» states that: «The dissolution of marriages between citizens of the Republic of Kazakhstan committed outside the Republic of Kazakhstan under the laws of the respective states is deemed valid in the Republic of Kazakhstan if both spouses resided outside the Republic of Kazakhstan at the time of divorce» (Кодекс РК «О браке (супружестве) и семье», 2017).

Paragraph 2 of Article 204 of the Law of the Republic of Kazakhstan «On Marriage and Family» regulates the relations of spouses - citizens of the Republic of Kazakhstan living outside the country on divorce issues: «A citizen of the Republic of Kazakhstan residing outside the Republic has the right to terminate a marriage with a resident outside the Republic of Kazakhstan spouse regardless of his citizenship in the courts of the Republic of Kazakhstan, who are considering these cases on behalf of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. «In those cases - further on in the same article of the Law - when, under the laws of the Republic of Kazakhstan, divorce is permitted in civil registration offices, the marriage may be terminated at embassies or at consular offices of the Republic of Kazakhstan» (Кодекс РК «О браке (супружестве) и семье», 2017).

The study of problems related to the family is becoming increasingly important, both theoretically and in practice. It is known that the instability of the institution of marriage and family, manifested in the growth of the number of divorces, it is typical for almost all developed countries of the world. The highest percentage of divorces (over 50%) are in Western Europe, Russia and North America (Engel,

2014). This is due to the impact of urbanization and the resulting intensive migration of the population, the emancipation of women, the scientific and technological revolution, the causes of socio-economic, cultural, ethnic, religious nature. Currently, the institution of the family is going through difficult times. Many factors that have stabilized the family from the outside have fallen away: the economic dependence of a woman on her spouse, legal, religious, moral prohibition or condemnation of divorce. Under these conditions, the internal factors inherent in the family become crucial for the stability of marriage. Numerous sociological studies show that at the heart of the divorce in most cases is a conflict between spouses that has reached a level that it can be resolved only by dissolving the marriage.

Methodology

The methodological and empirical basis of the research consists in applying general methods of scientific knowledge: historical, comparison, analysis, synthesis, classification; special methods: formal-legal, structural-functional, comparative-legal. The application of the above methods led to a deep, qualitative analysis of regulations, both foreign and domestic family law regarding dissolution of marriage.

Literature review

The issues of divorce has been studied by many legal scholars in family law and private international law on the examples of specific countries. For example, in the book «Private International law and comparative law» the authors (H. Koch, U. Magnus and P. Winkler von Mohrenfels) considered the basics of dissolution of marriage according to the Introductory act 1896 to the German civil code and its consequences, in relation to the alignment of a share of spouses and the gift of spouses to each other (Kox, 2003: 88). James Dwyer in his book «Family Law: Theoretical, Comparative, and Social Science Perspectives» gave a clear definition of divorce – «a final severance of legal relationships between spouses» and considered the main causes of divorce: legal grounds of divorce (cruelty, adultery, abandonment, disability, defenses) and financial aspects of the divorce (division of property and alimony), explaining each aspect by decision of cases or by scientific articles (Dwyer, 2012: 692).

This thread is also dedicated to many articles of foreign researchers. In the article «An Interdisciplinary Approach to Family Law Jurisprudence: Application of an Ecological and Therapeutic Perspec-

tives», devoted to the interdisciplinary approach to the resolution of family proceedings and how this approach helps the judges to take into account the many influences on human behavior and family life that contribute to a more pragmatic and useful solutions to contemporary family legal issues, the author also touched upon issues relating to divorce and its causes and consequences, both for the family and for children (Babb, 1997). The norms regarding dissolution of marriage are also prescribed in many legislative and legal acts such as Conventions, laws and so on.

However, a greater number of works on this subject are studies by sociologists, psychologists and researchers, who leads in their research papers the various causes and consequences of divorce. For example, according to qualitative and quantitative research, conducted by Shelby B. Scott, Galena K. Rhoades, Scott M. Stanley, Elizabeth S. Allen, and Howard J. Markman, for 52 respondents the reasons for divorce at the individual level became «lack of commitment (75.0%), infidelity (59.6%), and too much conflict and arguing (57.7%), followed by marrying too young (45.1%), financial problems (36.7%), substance abuse (34.6%), and domestic violence (23.5%)» (Scott, 2013).

Also, many foreign authors identify the following several levels of marital relationships, on which conflicts can occur:

1) psychophysiological level, here disharmony manifests itself in the violation of sexual life, on the whole, this phenomenon occurs quite often, however, as the main reason for the decision to divorce it is noted by only a few;

2) psychological level, the family creates an unhealthy climate, manifested in quarrels, mutual quibbles, irritability, which is often put on children;

3) socio-role level, the symptoms of a violation of the stability of this level - incorrect, uneven distribution of family-household burden, chaotic family way;

4) socio-cultural (spiritual) level, here conflicts take the form of misunderstanding each other's spouses, disrespect, lack of interest or dissatisfaction with the communication with the partner, rejection of his life values, ideals (Why Do We Ruin Family Life, 2016).

Results and discussion

The causes of conflict at one level or another can be very diverse. Yet, by the time of their appearance, they can be divided into two large groups. These are the causes that arose directly during the marriage,

during the joint life and general management of the economy, and the reasons that existed objectively until the moment of the creation of the family. The latter group of reasons are called risk factors, since their presence during the pre-marital acquaintance already harbors the danger of a future divorce. The risk factors are related to the person's personality, origin, upbringing, and marriage conditions. The risk factors include: a large difference in education and age between spouses (especially if the woman is much older); propensity to alcoholism of one of the spouses; frivolous attitude towards marriage, family as such; too early age for marriage; probability of an early birth of a child; too short term of acquaintance; sharp disagreement between parents on the conclusion of marriage; forced marriage, without mutual consent. These factors are expressed literally in the first years of life together and are largely due to the fact that more than a third of the divorces are for families with a joint life of one to three years (Лавриненко, 2002: 249).

The results of the polls show that a significant number of young people (about 1/3) marry based on motives lying outside the family sphere: the desire to leave the parental home, take a responsible independent step, take revenge on someone, etc. Naturally, such a superficial, frivolous attitude toward marriage, lack of appropriate motivation leads to the fact that the spouses do not face the tasks of self-determination of the family, clarification of conjugal roles, the intra-family status of each of them, their common goals (Павленок, 2007: 320).

Every seventh marriage, concluded in the first half of the 80s, is a marriage between spouses, the age of each of which does not exceed twenty years. Cause of divorce in this case is often a psychological unavailability for marriage. Young families, as a rule, are not separated from their parents and depend entirely on them financially. In such a situation, problems arise, such as ensuring the independence of the young family, leadership in it (often one of the spouse's parents pretends to do so), the problem of the relationship between members of the young family and their parents who may be unfavorable, and complicate the inevitable in this case, marital conflicts. Among the causes of divorce is disappointment in the partner and loss based on this initial feeling of love. This danger lies in the first place for those spouses whose term of acquaintance was short before the wedding (from three to six months). Thus, we see that a number of factors that adversely affect the strength of marriage can be identified even before the creation of a family home. However, most divorces occur, of course, because of the reasons

that arise (emerging) directly as a result of living together. The greatest number of divorced marriages falls on the age of 25-30 years, when the spouses become sufficiently independent in material terms, managed to get to know each other's shortcomings and to be sure that they can not live together. Also, more divorces occur at the age of about 40 years. This is due to the growth of common children and the lack of the need to maintain a family, often in such cases, one of the spouses actually has another family. The maximum share of divorces falls on the first five years of marital life. And such kind of trend has continued over the past three decades. For example, according to the National Survey of Family Growth in the US in the 90s about 90% of women are divorced within 5 years of marriage (Matthew, 2001: 8), and, starting from the 00's, the percentage of women who are divorced within 5 years of marriage amounted to 86% (Copen, 2012: 9). Similar statistics were also available in European countries. The presence of children in the family directly affects the strength of marriage. In large families, where the number of children is more than three, the percentage of divorces is much lower than the average.

The main reasons for divorce can be grouped in three blocks:

1) household (housing conditions, inability or unwillingness of one of the spouses to conduct house-keeping, material insecurity, forced separation);

2) interpersonal conflicts (loss of feelings of love and affection, rudeness, different views on life, illness of one of the spouses, jealousy). In this block the main factor is the rudeness and disrespect of the spouses to each other. For women initiators of divorce, these reasons are most often associated with alcoholism of the spouse, from which come rudeness, beatings, insults, threats and so on. For men, as a rule, the rudeness of the wife has a fundamentally different content. This is primarily disrespect for her husband, disbelief in his ability, unwillingness to reckon with his interests, disregard for professional successes and failures, reproaches, petty tutelage, dislike for her husband's friends and others. This is closely connected with such a factor as the difference in views on life - the so-called dissimilarity of the characters. It is much more important for men than for women;

3) external factors (treason, the emergence of a new family or a new feeling in the initiator of the divorce, the intervention of parents and others).

Different people experience the collapse of the family differently. According to estimates of many Russian and foreign sociologists, the most common

consequences of divorces are a decrease in labor activity, a high probability of nervous stress, mental disorders. Particularly important for society is the fact that the influence of parents on the upbringing of children is weakened and children are the subject of serious conflicts between divorcing spouses, often such conflicts go far beyond the pre-divorce and divorce stages and last for many years (Лавриченко, 1998: 143). It is on children parental divorce has the greatest negative impact. According to research, «children with divorced parents continued to score significantly lower on measures of academic achievement, conduct, psychological adjustment, self-concept, and social relations» (Amato, 1991). For example, the consequences of divorce for children can include: the possible reduction of time with each parent (for most children with fathers), loss of economic security (reduction of income in the family), loss of emotional security (the weakening of ties with one of the parents, close relatives), the possible reduction of socio-psychological maturation (presence of anxiety, depression and low self-esteem), change the view on sexual behaviour (increase in premarital sex, don't trust the institution of marriage), a possible decline in religious belief, a decrease in cognitive and academic stimulation (decrease in school performance, unwillingness to learn) a decline in physical health and increase the risk of emotional distress (Anderson, 2014).

Hence, the instability of marriage creates acute problems both for those who want to create a family, and for those whose family has been destroyed. At the same time, a divorce cannot be considered as a totally negative phenomenon, since «freedom of divorce is one of the means of ensuring social justice in family-marriage relations, a means of preserving their moral standards» (Лавриченко, 1998: 143).

However, peace in the family does not develop due to the lack of principle in the woman's behavior. There are often situations where a woman goes to humiliation, reconciles with the fact that the family has a drinking husband, from whom both she and children suffer. Conflicts most often arise on the basis of alcohol, not only in families close to disintegration, but also in relatively well-off. Studies confirm that many women point to the rudeness of her husband as one of the causes of family conflicts and divorce. Often this rudeness goes hand in hand with drunkenness. It was the drunkenness of the spouse who was placed by women in one of the first places among the causes of divorce. Among the causes of divorce, 95.4% of divorcing women were called drunkenness of their husbands and 4.6% - drunkenness of their wives. The consequence of drunken-

ness of spouses are rudeness, conflicts in the family, betrayals, fading of feelings of love, simplification and primitivism of relations between the sexes and the like.

Both world and domestic experience of family functioning shows that the society should maximally assist the woman in her striving to ensure a rational combination of the roles of the mother, the working woman and the hostess, to facilitate her position in combining work and maternity, to help in the upbringing of children and the performance of parental responsibilities, in providing psychological and pedagogical assistance.

If the spouses have different citizenship, the question arises, the law of which country should be applied to the regime of property of spouses. In some countries, including Italy, there is a conflict of laws clause, referring to the national law of the husband as an applicable law in the marriage. In England and France, for example, there is no specific conflict of laws pointing to the applicable law. Here, the parties can exercise the right to choose between the law of the state of the husband and the law of the wife's state. In England, the parties also exercise their voluntary choice, but there is a conflict of laws rule, especially when the parties have not made a choice regarding the applicable law or when they are arguing over the choice of the applicable law (Laquer Estin, 2017).

Due to the fact that the legislation of several states recognizes the marriages of citizens of their states with foreign citizens as valid only when «persons who marry have been granted permission by the competent authority of this state, the civil registration authority, upon receipt of the application, should ascertain from the applicants, whether such permission is required from the competent authority of the state of which the foreign citizen is a citizen» (Сепреев, 1999: 174).

The Convention on the Nationality of Married Women stipulates that «conflicts of law and practice relating to citizenship arise as a result of decrees on the loss or acquisition of citizenship by women as a result of marriage, dissolution of marriage or the change of citizenship by a husband during the existence of the marriage union.

Each contracting state agrees that neither the conclusion nor dissolution of marriage between any of its citizens and the alien, nor the change of citizenship by the husband during the existence of the marriage union will not be automatically reflected in the citizenship of the wife. Each contracting state agrees that a foreign woman who is married to any of his citizens can acquire at his request the citizen-

ship of his husband in a special simplified order of naturalization. The granting of such citizenship may be subject to restrictions established in the interests of state security or public policy. Each contracting state agrees that the Convention «will not be interpreted as affecting any legislation or judicial practice under which a foreign woman married to any of its citizens can rightfully acquire at the request of the citizenship of her husband» (Convention on the Nationality of Married Women, 1957).

However, according to Article 15 of the Universal Declaration of Human Rights, the United Nations General Assembly indicated that «everyone has the right to a nationality» and that «no one shall be arbitrarily deprived of his nationality or the right to change his nationality» (Universal Declaration of Human Rights, 1948).

When performing notarial acts involving foreign citizens and stateless persons, the notary should first of all be guided by the current family legislation of the Republic of Kazakhstan, but the legislation of other countries is also applicable in a number of cases. For example, article 202, part 2 of the Law «On Marriage and the Family» establishes that marriages between foreigners concluded outside the territory of the Republic of Kazakhstan in compliance with the legislation of the state on whose territory they are concluded are recognized as valid in the Republic of Kazakhstan. That is, if Kazakh repatriates are being addressed to a notary public - citizens of the Republic of Kazakhstan with a request to certify a transaction on the disposal of their property, the notary should find out whether these persons have entered into a legal marriage between themselves in a country of former residence. However, by virtue of Article 212 of the Law «On Marriage and the Family», the norms of marriage and family law of other states are not applied if such application is contrary to the legislation of the Republic of Kazakhstan. In this case, since the foundations of the rule of law are violated, the legislation of the Republic of Kazakhstan is applied.

When applying the norms of foreign family law, notaries establish the content of these norms in accordance with the official interpretation, practice of application and doctrine in the respective state. Therefore, a notary has the right to seek clarification from the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan and other competent authorities. If the content of foreign legal norms, not looking at the measures taken, is not established, the legislation of the Republic of Kazakhstan is applied.

In accordance with Article 205 of the Law on Marriage and the Family, «the personal non-prop-

erty and property relations of the spouses are determined by the legislation of the state on whose territory they have a joint residence, and in the absence of a common residence – by the legislation of the state in whose territory they had the last joint residence. Personal non-property and property rights and duties of spouses who did not previously have a joint residence are determined on the territory of the Republic of Kazakhstan by the legislation of the Republic of Kazakhstan. When concluding a marriage contract or an agreement on the payment of alimony, spouses who do not have a common citizenship or joint residence may choose the legislation of a certain country to be applied for determining their rights and obligations under a marriage contract in a given country» (Кодекс РК «О браке (супружестве) и семье», 2017).

Particular difficulty in the performance of notarial acts involving a foreign element is the certification of transactions in relation to the joint property of the spouses. Notaries should carefully explain to foreign citizens the essence of the requirements of the current family law, fully and accurately determine the status of family relations of foreigners or citizens of the Republic of Kazakhstan who recently accepted Kazakhstan citizenship. Therefore, applying citizens should demand documents proving the performance of acts of civil status in the country of their former legislation. Such documents are valid for a notary only after their consular legalization. At the same time, it should be remembered that as a result of the application of the legislation of another state, the interests of the owner of personal non-property and property rights, a person who is a citizen of the Republic of Kazakhstan, should not be violated. For example, when performing notarial acts involving Kazakh repatriates who came from countries where the domestic legislation is based on sharia or directly apply the sharia norms, special attention should be paid to the requirement of equality of spouses and the inadmissibility of any infringement of the rights and interests of women and children, as in questions of family and marriage, and in any other matters. Any form of discrimination against women in family relations is unacceptable, and the priority of the interests and rights of the child is enshrined in legislation.

When executing notary actions that affect the interests of the child (agreement on the payment of alimony, an agreement on establishing the procedure for participation in the upbringing of the child and others), notaries should be especially careful and pay attention to such agreements between citizens of the Republic of Kazakhstan and foreigners. It is

necessary to explain to our citizens the difficulty in a number of cases of legal regulation of these relations because of the absence of relevant international treaties. For example, an agreement on participation in the upbringing and maintenance of a child, concluded in accordance with the requirements of the current family legislation of the Republic of Kazakhstan, can not be accepted for execution by the competent authorities of another state, if there is no relevant international treaty or the document did not pass proper legalization in another given country. If such a child is born by a foreigner and a Kazakh citizen out of wedlock, then he is infringed in his rights under the legislation of some countries as illegitimate.

In accordance with Article 207 of the Law «On Marriage and the Family», the rights and duties of parents and children, including the obligation of parents for the maintenance of children, are determined by the legislation of the state in whose territory they have a joint residence. In the absence of a joint residence of parents and children, the rights and duties of parents and children are determined by the legislation of the state of which the child is a citizen. At the request of the claimant to child support obligations and to other relations between parents and children, the legislation of the state in whose territory the child is permanently residing can be applied.

Property rights and duties of spouses are determined by the legislation of the state on whose territory they have a joint residence, and in the absence of a joint residence - by the legislation of the state in whose territory they had the last joint residence. The property rights and duties of spouses who did not previously have a joint residence are determined on the territory of the Republic of Kazakhstan by the legislation of the Republic of Kazakhstan. Since the norms governing the relations of foreign spouses vary from country to country, a number of international conventions undertake a mission to implement the unification of such norms. For example, the Hague Convention «On the Conflict of Laws Regarding Personal and Property Relations» of 1905 refers to the regulation of the personal relations of foreign spouses to national laws. The provisions of this Convention are applied when otherwise is not provided for by the agreement of the spouses themselves. In this Convention it is stipulated that «the property relations of spouses are determined by the law of the state of the husband at the time of marriage, if there is no agreement of the spouses».

In many countries, the marriage contract is the main means of protecting the property interests of persons entering into marriage and family relations.

Proceeding from this important point, the Convention pays special attention to the procedure for concluding and changing the marriage contract (Чедранова, 2007: 53).

Mutual relations of spouses for maintenance obligations are regulated by the Convention «On the law applicable to matrimonial property regimes» of 1978. The Convention grants the couple «the freedom to choose one or another regime for regulating relations between parents and children, as well as one or another regime governing joint property of spouses» (Convention on the Law Applicable to Matrimonial Property Regimes, 1978). The Law of the Republic of Kazakhstan «On Marriage and the Family» does not contain conflict rules that would refer to the right of a foreign country to resolve issues of personal and property relations between spouses.

The agreements on rendering legal assistance concluded by the Republic of Kazakhstan with other states regulate relations between spouses who are citizens of one state and reside in the territory of another state. According to the legislation of most European and Latin American states, the relationship between parents and children born in a lawful marriage is regulated by the personal law of the father, and in case of his death – by the personal law of the mother. Almost all legal systems of the world came to a common opinion on the issue of the rights and responsibilities of parents with respect to the child's personality: the law of the court is applied. Alimentary obligations in the international aspect are regulated by a number of international conventions. For example, the Hague Convention on the law applicable to maintenance obligations towards children, 1956, the conflict binding «the country of usual residence is deemed to be the main» (Конвенция о праве, применимом к алиментным обязательствам в отношении детей, 1956). This means that the Convention applies in cases where a child resides in the territory of a State Party to the Convention.

Kazakhstani legislation does not distinguish between citizens of Kazakhstan and foreign citizens - both parents and children. Kazakhstan legislation extends its effect on the relations of parents and children of Kazakhstani citizens who are abroad. The same can be said about the regulation of cases on the recovery of alimony. In addition, the issues of relations between parents and children living in different states can be regulated by articles of treaties on legal assistance. The citizenship of the child determines the conflict binding. Courts should be guided by the following rules. «The courts decide the establishment, contestation of paternity in accor-

dance with the law of the state of which the child is a citizen (having obtained citizenship by birth). The child's nationality is decisive in terms of defining the law, which the court must follow when making decisions that stem from the legal relationship that exists between the illegitimate child, his mother, on the one hand, the father (the alleged father), on the other. If parents and children live in one country, then the courts are governed by the law of the state of which the child is a citizen» (Convention on the Recovery Abroad of Maintenance, 1956).

So, the Law of the Republic of Kazakhstan «On Marriage and the Family» provided for the existence of property claims of the spouses to each other being one of the cases of divorce in a judicial procedure. Property claims are defined as disputes over the division of property, which is their common joint property, and on the payment of maintenance to a disabled spouse in need.

The law «On Marriage and the Family» provides for the possibility of sharing the common property of the spouses, both for the termination of marriage, and at any time during the marriage. The application for the division of the property of the spouses can proceed either from them (or one of the spouses) or from the creditor of one of the spouses in order to apply for the share of this spouse for his credit obligations. «If the consent of both spouses is obtained for the section of common property, they constitute a corresponding marriage contract indicating the order of division of their property. This marriage contract is certified by a notary, at the request of the spouses, their agreement on sharing common property may also be notarized. The division of spouses' property in court is made in the event of a dispute between the spouses, and also in the case where it is difficult to determine the shares of the spouses in this property. When sharing common property of spouses in court, the court, at the request of the spouses, determines which property is to be transferred to each of the spouses. In the event that one of the spouses is transferred property, the value of which exceeds the share due to him, another spouse may be awarded a corresponding monetary or other compensation» (Сосипатрова, 1999: 76).

«When dividing a spouse's property, no account is taken of:

1) contributions made by the spouses at the expense of their common property in the name of their common minor children;

2) items purchased for the total income of the spouses, but intended solely to meet the needs of their minor children (clothes, shoes, school and sports supplies, musical instruments, children's

library, etc.) - they are not subject to division and are transferred without compensation to that of the spouses, with whom children live» (Бурдейный, 2005: 195).

In accordance with the Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters, the property relations of spouses are determined by the legislation of the contracting Party in whose territory they have a joint residence. If one of the spouses resides in the territory of one contracting Party and the other in the territory of the other contracting party, and both spouses have the same nationality, their property relations are determined by the legislation of the contracting party of which they are citizens. If one of the spouses is a citizen of one Contracting Party and the other of another Contracting Party and one of them resides in the territory of one and the other in the territory of the other contracting Party, their property relations are determined by the legislation of the contracting Party in whose territory they had their own the last together residence.

If the above-mentioned persons do not have a joint residence in the territories of the contracting parties, the legislation of the contracting party whose institution is considering the case is applied.

Legal relations of spouses relating to their immovable property are determined by the legislation of the contracting party on whose territory the property is located. The question of which property is immovable is decided in accordance with the legislation of the country in which the property is located.

The ownership of vehicles to be entered in the state registers is determined by the legislation of the contracting party on whose territory the authority that registered the vehicle is located.

The emergence and termination of the right of ownership or other proprietary right to property is determined by the legislation of the contracting party on whose territory the property was at the time when the act or other circumstance that was the basis for the origin or termination of such a right took place.

The emergence and termination of the right of ownership or other proprietary right to property that is the subject of the transaction is determined by the legislation of the place where the transaction was made, unless otherwise provided by the agreement of the Parties.

Conclusion

The legal consequences that come with the dissolution of marriage are mostly negative, for the

family as a whole, a social institution, which is the basic unit of society. In accordance with paragraph 2 of Article 21 of the Law of the Republic of Kazakhstan «On Marriage and the Family», courts must take measures to protect the rights and interests of minor children of divorcing spouses. The court, during the consideration of the case, must find out whether the spouses have reached an agreement on the one with whom the minor children will live with after the dissolution of the marriage, the procedure for paying the means for keeping the children and the amounts of these funds. In this case, the agreement on the payment of alimony must be made in compliance with the requirements of the Law «On Marriage and the Family». The court must also clarify that «a parent living apart from the children is obliged to participate in the upbringing of children and has the right to communicate with them, and the other parent is not entitled to interfere with it, which is recorded in the record of the court session» (Акбергенова, 2000: 138).

If the case is adjourned and the period for reconciliation is granted to spouses in cases where an action is filed for recovery of maintenance, the court is entitled to discuss the question of the defendant's participation in the material support of children. If it is determined that the defendant does not fulfill this duty, the judge, in accordance with article 140 of the Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, upon the application of the plaintiff, issues a court order on the temporary recovery of alimony for the maintenance of children until the case is examined.

If, during the discussion of the claim for recovery of maintenance for the maintenance of children, the other party disputes the record of the father or mother of the child in the birth certificate, both of these requirements are to be separated from the divorce case for their joint consideration in a separate proceeding. In the event that the claim for divorce is denied, the claimed claim for recovery of alimony, if the plaintiff insists on its consideration, the court also allocates this claim to a separate proceeding, as indicated in the operative part of the decision. Dissolving a marriage, «a court at the request of a spouse who has the right to receive maintenance from another spouse is required to determine the size of this content. At the request of the spouses or one of them, the court is also required to divide the property located in their common joint ownership» (Гражданский процессуальный кодекс РК, 2017).

In accordance with Article 223 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan, the joint property of

the spouses to be divided is any movable and immovable property acquired during the marriage, which, by virtue of articles 115, 116, clause 2 of Article 191 of the Civil Code, irrespective of the name of the spouse who acquired it or who contributed money from the spouses, unless the spouses, in accordance with Article 38 of the Law on Marriage and the Family, established a different regime that determines their property rights and responsibilities in marriage and (or) in the case of divorce (marriage contract).

The property to be divided includes the common property of the spouses available to them for the duration of the case. If the court finds that one of the spouses has alienated the common property or spent it at its discretion contrary to the will of the other spouse and not in the interests of the family, or concealed the property, then when the property is divided, this property or its value is taken into account.

It also considers the general debts of the spouses and the right to claim for obligations arising from a joint family life. At the same time, according to the Law «On Marriage and the Family» is not a common joint property and the property acquired, although during the marriage, but on the personal funds of one of the spouses that belonged to him before marriage, received as a gift received in the order of inheritance or other gratuitous transactions, as well as things of individual use acquired at the expense of the common means of the spouses, with the exception of jewelry and other luxuries. If, after the actual termination of family relations and the conduct of a common household, the spouses did not acquire property together, the court under the Law «On Marriage and the Family» can only divide the property that was their common joint property at the time of the termination of the common household. Section of common property of spouses at divorce is made according to the rules established by articles 36, 37 of the Law «On Marriage and the Family» and Article 218 of the Civil Code, while the value of property subject to division, in the absence of an agreement of the parties, is determined by the court on the basis of the expert's opinion, in that the conclusion of the state body for valuation of property. If the marriage regime has changed the regime of common joint property established by law, then the court should be guided by the terms of this agreement when resolving a dispute over the division of spouses' property.

It should be borne in mind that, by virtue of part 2 of Article 42 of the Law «On Marriage and the Family», a marriage contract in the same proceedings may be declared invalid, in whole or in part, at

the request of one of the spouses, if the conditions of the contract place the spouse in an extremely unfavorable situation. If during the consideration of the divorce proceedings and the division of the common property of the spouses (in cases when they did not fully pay the share for the apartment, dacha, garage, other structure or premise provided by the cooperative for use), one of the parties asks to determine to which share of the unit has the right, without raising the issue of partition of the share, the court is entitled to consider such a requirement without allocating it to a separate proceeding, provided that there are no other persons entitled to unit accumulation, since this dispute does not affect the rights of cooperation.

The contributions made by spouses at the expense of common property to their minor children, by virtue of paragraph 4 of Article 36 of the Law «On Marriage and the Family» are considered to belong to children and should not be taken into account when dividing property that is a joint property together.

If third parties provided money to the spouses and the latter contributed them to their credit organizations, third parties have the right to sue for the return of the corresponding amounts according to the norms of the Civil Code, which is to be considered in a separate proceeding.

In the same manner, the claims of members of the peasant (farmer) economy or members of the former collective farm yard and other persons to spouses who are members of this peasant (farming) farm or former collective farm yard may be allowed. The flow of a three-year statute of limitations for the requirements for the division of property that is a common joint property, the persons whose marriage is terminated, should not be calculated from the day of the termination of marriage (when the marriage is dissolved in court - the day when the court decision enters into legal force, upon divorce in the records acts of civil status - the day of registration of divorce in the civil status register), but from the day the spouse learned or should have learned about the breach of his obligation under article 18, paragraph 10 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan.

According to Paragraph 3 of Article 21 of the Law «On Marriage and the Family», «in the event of a refusal to satisfy a claim for divorce, the court does not have the right to consider other claims claimed by the spouses jointly with this claim, to separate them into a separate proceeding». The court's decision to dissolve the marriage, as well as the decision to refuse the divorce, must be legal and based on evidence that has been thoroughly verified during the court session.

In the reasoning part of the decision, in cases where one of the spouses objected to the dissolution of the marriage, the reasons for the discord between the spouses established by the court, evidence of the impossibility of preserving the family, or the court's decisions on the possibility of preserving the family, arguments on the basis of which the court rejects certain evidence, laws, which guided the court. The resolute part of the decision on the satisfaction of the claim for divorce should contain the conclusion of the court on all the requirements of the parties listed in paragraph 2 of Article 21 of the Law «On Marriage and the Family», including those connected for joint consideration. This part of the decision also indicates the information necessary for the state registration of divorce (the date of registration of the marriage, the number of the record, the name of the vital statistics office that registered the marriage, the names of the spouses in case of divorce - whether the common name has been retained or the former).

The names of spouses are recorded in the decision in accordance with the marriage certificate, and in case of changing the surname at the time of marriage, in the opening part of the decision it is necessary to indicate the pre-marital surname. The decision should indicate which of the spouses and in what amount the state fee is levied and which of the spouses, taking into account the financial situation, being on the upbringing of children, and other specific circumstances, is exempt from paying it. The moment of the termination of marriage comes from the date of entry of the court decision into legal force.

In case of reconciliation of the spouses after the decision to dissolve the marriage, the court, in the presence of their written application, has the right to terminate by its determination the execution of the decision before the expiration of the term for entry of the decision into legal force, and in certain cases and before sending a copy of the decision to the civil registration authority for commission registration of divorce.

If during the review of the case, it is established by way of supervision that the decision to dissolve the marriage was submitted to the civil registry office and the registration of divorce is registered, the cancellation of such decision, subject to this circumstance, can only follow if there are material violations of the rules of substantive and procedural law.

After the decision is rescinded in the appellate and supervisory order of the decision on the dissolution of the marriage, the court, in the new examination of this case, also has to check whether registration of divorce has been effected in the civil registry offices.

Introducing a new decision, «the court, if there is a divorce registration in the registry offices, must resolve the question of its cancellation. If by that time one of the spouses has entered into a new marriage, then the issue of the invalidity of this marriage should be resolved upon the suit of the interested persons after the entry into legal force of the court decision on the refusal to dissolve the first marriage» (Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan “On the application by courts of legislation in the consideration of the case of divorce”, 2000).

References

1. Amato P.R., and Keith B. (1991). Parental divorce and the well-being of children: A meta-analysis. *Psychological Bulletin* 110, p. 26–46.
2. Anderson J. (2014). The impact of family structure on the health of children: Effects of divorce. *Linacre Q.*, 81(4): 378–387. Retrieved from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4240051/#C3>.
3. Babb Barbara A. (1997) An Interdisciplinary Approach to Family Law Jurisprudence: Application of an Ecological and Therapeutic Perspective. *Indiana Law Journal*: Vol. 72: Iss. 3, Article 5. Retrieved from <https://www.repository.law.indiana.edu/ilj/vol72/iss3/5>.
4. Convention on the Law Applicable to Matrimonial Property Regimes (14 March 1978). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=87>.
5. Convention on the Nationality of Married Women (20 February 1957). – vol-2, Chapter XVI. Status of Women. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org.ua/images/Convention_on_the_Nationality_of_Married_Women_eng1.pdf.
6. Convention on the Recognition of Divorces and Legal Separations (1 June 1970) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://assets.hcch.net/docs/bdb59a0f-9405-4910-9dc3-b7e5310405cc.pdf>.
7. Convention on the recovery abroad of maintenance (20 June 1956). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://assets.hcch.net/docs/30c3a5d7-4a53-4a6c-ae5-226600585cc3.pdf>.
8. Copen C.E., Daniels K., Vespa J., Mosher W.D. (2012) First marriages in the United States: Data from the 2006–2010 National Survey of Family Growth. National health statistics reports; no 49. Hyattsville, MD: National Center for Health Statistics. – 22 p.

9. Dwyer J. Family Law: Theoretical, Comparative, and Social Science Perspectives. – Wolters Kluwer Law & Business, 2014. – 936 p.
10. Engel Pamela (2014). MAP: Divorce Rates Around The World. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.businessinsider.com/map-divorce-rates-around-the-world-2014-5>.
11. LaquerEstin Ann (2017) Marriage and Divorce Conflicts in the International Perspective. 27 Duke Journal of Comparative & International Law. – 485-517 p. Retrieved from <https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1510&context=djcil>.
12. Matthew D., Bramlett M.D., Mosher W.D. (2001) First marriage dissolution, divorce, and remarriage: United States: Advance data from vital and health statistics; no. 323. Hyattsville, Maryland: National Center for Health Statistics. – 19 p.
13. Scott Shelby B., Galena K. Rhoades, Scott M. Stanley, Elizabeth S. Allen, Howard J. Markman (2013) Reasons for Divorce and Recollections of Premarital Intervention: Implications for Improving Relationship Education Couple. Family Psychol, 2(2): p. 131–145.
14. Universal Declaration of Human Rights (10 December 1948) / General Assembly resolution 217 A.
15. Why Do We Ruin Family Life. (2016, September 27). Retrieved from <http://star-writers.com/blog/essay-on-divorce-why-do-we-ruin-family-life>.
16. Акбергенова М.Н. Обзор практики рассмотрения семейных споров Актюбинским городским судом, 2000г. – 138-139 с.
17. Бурдейный М.А. Семья и брак. – М.: Издательство «ВЛАДОС-ПРЕСС», 2005г. – 328 с.
18. Гражданский процессуальный кодекс РК от 31 октября 2015 года № 377-V по состоянию законодательства на 18.04.2017 г. Алма-Ата. –Издательство НОРМА-К, с изменениями № 193-194 от 18.04.2017 г. – 33 с.
19. Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.04.2017 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748
20. Конвенция о праве, применимом к алиментным обязательствам в отношении детей (24 октября 1956г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901889340>.
21. Конвенция стран Содружества Независимых Государства «Об оказании правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» от 31.03.1993г // ИС ПАРАГРАФ, 26.05.2014 14:49:52.
22. Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П. Международное частное право и сравнительное правоведение: Учебный курс. – Перевод с немецкого доктора юридических наук Ю.М. Юмашева. – М.: Международные отношения, 2003. – 480 с.
23. Лавриненко В.Н. Социология. – М: Издательство Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. – 143 с.
24. Лавриненко В.Н. Социология. Учебник для вузов / Под редакцией проф. В.Н. Лавриненко.-3-е изд., перераб. и доп.-М., ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 407 с.
25. Павленок П.Д., Савинов Л.И. Социология: Учебное пособие. – М: Издательско-торговая корпорация “Дашков и К”, 2007. – 580 с.
26. Постановление Пленума Верховного Суда РК от 28.04.2000г № 5 О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P00000005S_.
27. Сафронова С.С. Гаагские конвенции о заключении и прекращении брака / / Актуальные проблемы политики и права. Межвузовский сборник научных статей. – Пенза: Информ.-изд. центр ПГУ, 2003, Вып. б. – 163-169 с.
28. Сергеев А.П. Семейное право. – Москва, 1999г. – 174 с.
29. Сосипатрова Н.Е. Брачный договор: правовая природа, содержание, прекращение. – Государство и право. N 3., 1999. – 76-79 с.
30. Чефранова Е.А. Механизм семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов: монография. – М., 2007. – 53 с.

References

1. Akbergenova M. N. (2000) Obzor praktiki rassmotreniya semeinikh sporov Aktubinskim gorodskim sudom [The review of practice of consideration of family disputes by Aktobe city court]. P. 138-139.
2. Amato P.R., and Keith B. (1991) Parental divorce and the well-being of children: A meta-analysis. Psychological Bulletin 110, p. 26–46.
3. Anderson J. (2014) The impact of family structure on the health of children: Effects of divorce. Linacre Q., 81(4): 378–387. Retrieved from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4240051/#C3>.
4. Babb Barbara A. (1997) An Interdisciplinary Approach to Family Law Jurisprudence: Application of an Ecological and Therapeutic Perspective. Indiana Law Journal: Vol. 72: Iss. 3, Article 5. Retrieved from <https://www.repository.law.indiana.edu/ilj/vol72/iss3/5>.
5. Burdeyny M. A. (2005) Semiaibrak [Family and marriage]. M: Izdatelstvo “VLADOS-PRESS”, p. 328
6. Chefranova E. A. (2007) Mehanizm semeino-pravovogo regulirovaniya imushchestvennih otnosheniy suprugov: monografiya [The Mechanism of family-legal regulation of property relations of the spouses:monography]. M, p. 53
7. Convention on the Law Applicable to Matrimonial Property Regimes (14 March 1978). Retrieved from <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=87>.
8. Convention on the Nationality of Married Women (1957). Vol-2, Chapter XVI. Status of Women. Retrieved from http://www.un.org.ua/images/Convention_on_the_Nationality_of_Married_Women_eng1.pdf.

9. Convention on the Recognition of Divorces and Legal Separations (1970). Retrieved from <https://assets.hcch.net/docs/bdb59a0f-9405-4910-9dc3-b7e5310405cc.pdf>.
10. Convention on the recovery abroad of maintenance (1956). Retrieved from <https://assets.hcch.net/docs/30c3a5d7-4a53-4a6c-ae5-226600585cc3.pdf>.
11. Copen C.E., Daniels K., Vespa J., Mosher W.D. (2012) First marriages in the United States: Data from the 2006–2010 National Survey of Family Growth. National health statistics reports; no 49. Hyattsville, MD: National Center for Health Statistics, p. 22.
12. Dwyer J. (2014) Family Law: Theoretical, Comparative, and Social Science Perspectives. Wolters Kluwer Law & Business, p. 936.
13. Engel Pamela (2014) MAP: Divorce Rates Around The World. Retrieved from <http://www.businessinsider.com/map-divorce-rates-around-the-world-2014-5>.
14. Grazhdanskiyprocessualnykodeksot 31 oktablya 2015 goda № 377-V posostoyaniuzakonodatelstvana 18.04. 2017 g. Al-ma-Ata [Civil procedure code of the Republic of Kazakhstan dated 31 October 2015 No. 377-V as legislation on 18.04.2017 Alma-ATA]. Izdatelstvo NORMA -K, s izmeneniami № 193-194 ot 18.04.2017 g., p. 33.
15. Koch H., Magnus W., Winkler von Mohrenfels P. (2003) Mezhdunarodnoechastnoepravoisravnitelnoepravovedenie: Uchebniykurs. [Private International law and comparative law: Academic course]. Perevod s nemeckogodoktorayuridicheskikh nauk Y.M. Yumasheva, M: Mezhdunarodnyeotnosheniya, p.480.
16. Kodekc Respubliki Kazakhstan “O brake (supruzhestve) i semie” s izmeneniamiidopolneniamina 18.04.2017 g. [Code of the Republic of Kazakhstan “On marriage (matrimony) and family” (with changes and additions as 18.04.2017)]. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748.
17. Konvencia o prave, primeninom k alimentnimobyazatelstvam v otnosheniidetei (1956) [Convention on the law applicable to maintenance obligations towards children]. Retrieved from <http://docs.cntd.ru/document/901889340>.
18. Konvencia stran Sodruzhestva Nezavisimih Gosudarstv “Ob okazanii pravovoi pomoshi i pravovih otnosheniiah po grazhdanskim, semeinim i ugilivnim delam ot 31.03.1993 g. [The Convention of the Commonwealth of Independent States “On legal assistance and legal relations in civil, family and criminal cases” dated 31.03.1993]. IS PARAGRAF, 26.05.2014 14:49:52.
19. Laquer Estin A. (2017) Marriage and Divorce Conflicts in the International Perspective. 27 Duke Journal of Comparative & International Law, p. 485-517. Retrieved from <https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1510&context=djcil>.
20. Lavrinenko V. N. (1998) Sociologia [Sociology]. M: IzdatelstvoKulturai Sport, YUNITI, p. 143.
21. Lavrinenko V. N. (2002) Sociologia. Uchebnikdlyavuzov [Sociology. Textbook for high schools]. Pod redakciey prof. V.N. Lavrienko , 3 izd., pererabot. idop., M: YUNITI-DANA, p. 407.
22. Matthew D., Bramlett M.D., Mosher W.D. (2001) First marriage dissolution, divorce, and remarriage: United States: Advance data from vital and health statistics. No. 323. Hyattsville, Maryland: National Center for Health Statistics, p. 19.
23. Pavlenok P. D., Savinov, L. I. (2007) Sociologia: Uchebnoeposobie [Sociology: textbook]. M: Izdatelsko-torgovayakorparacia “Dashkovi K”, p. 580.
24. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RK ot 28.04.2000r № 5 O primenenii sudami zakonodatelstva pri rassmotrenii del o rastorzhenii braka [The resolution of Plenum of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated 28.04.2000 g No. 5 On the application by courts of legislation when considering cases of divorce]. Retrieved from http://adilet.zan.kz/rus/docs/P00000005S_.
25. Safronova S.S. (2003) Gaagskie konvencii o zakluchenii I prekrashenii braka [The Hague Convention on the conclusion and termination of marriage]. Aktualnye problem politiki i prava. Mezhdvuzovskiy sbornik nauchnyh statei, Penza: Inform. izd. centr PGU, Vip.b, p. 163-169.
26. Scott Shelby B. , Galena K. Rhoades, Scott M. Stanley, Elizabeth S. Allen, Howard J. Markman (2013) Reasons for Divorce and Recollections of Premarital Intervention: Implications for Improving Relationship Education Couple. Family Psychol, 2(2): p. 131–145.
27. Sergeev A.P. (1999) Semeinoepravo [Family law]. Moskva, p. 174.
28. Sosipatrova N. E. (1999) Brachnyidogovor: pravovayapriroda, soderzhanie, prekrashenie [Marriage contract: legal nature, content and termination]. Gosudarstvoipravo, N 3, p. 76-79.
29. Universal Declaration of Human Rights (1948). General Assembly resolution 217 A.
30. Why Do We Ruin Family Life. (2016). Retrieved from <http://star-writers.com/blog/essay-on-divorce-why-do-we-ruin-family-life>.

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

1-бөлім	Раздел 1
Мемлекет пен құқық теориясы және тарихы	Теория и история государства и права
<i>Сартаев С.А., Қалишабаева М.Ж., Умбетбаева Ж.Б.</i>	
Роль гражданского общества в формировании антикоррупционной культуры и антикоррупционного сознания.....	4
<i>Otarbayeva A.</i>	
Surrogate motherhood and human rights.....	17
<i>Борецкий О.М., Швыдко А.А.</i>	
Философия и риторика античного права.....	24
2-бөлім	Раздел 2
Конституциялық және әкімшілік құқығы	Конституционное и административное право
<i>Osmanova D.A., Kenzhaliev Z.Zh., Shulanbekova G.</i>	
Improvement of the system of availability of state services in the Republic of Kazakhstan.....	32
<i>Dossayeva A.A.</i>	
Some historical aspects of the establishment and development of the constitutional control institution.....	39
3-бөлім	Раздел 3
Азаматтық құқық және еңбек құқығы	Гражданское право и трудовое право
<i>Абайдельдинов Т.М., Муксинова А.Т.</i>	
Некоторые вопросы определения права социального обеспечения в Республике Казахстан.....	46
<i>Saktaganova I.S., Ayabekova M.N.</i>	
Legal Regulation of Social Security of Disabled Persons in the Republic of Kazakhstan.....	55
<i>Адилгазы С., Жатқанбаева А.Е.</i>	
Қарт адамдардың құқықтарын қорғаудың жай-күйінің ерекшеліктерін ескеретін нормативтік базаны қалыптастыру.....	62
<i>Алдашев С.М., Нурахметова Г.Г., Жаниуақова Г.Н.</i>	
Значение слияния и присоединения в гражданском праве.....	66
4-бөлім	Раздел 4
Табиғи ресурстар және экологиялық құқық	Природоресурсовое и экологическое право
<i>Ускеленова А.Т., Айгаринова Г.Т., Шадиев К.Х.</i>	
Проблемы АПК и пути совершенствования аграрной политики Казахстана в условиях интеграции.....	74
5-бөлім	Раздел 5
Қылмыстық құқық және криминалистика	Уголовное право и криминалистика
<i>Маликова Ш.Б., Омарова А.Б., Маликов Д.Б.</i>	
Уголовная политика Республики Казахстан в сфере информатизации: вопросы противодействия компьютерной преступности.....	90

<i>Алимова Э.А.</i>	
Участие специалиста в уголовном процессе как гарантия обеспечения и защиты прав и свобод несовершеннолетних....	97
<i>Тапалова Р.Б., Маликов Д.Б.</i>	
Процессуальные формы применения специальных знаний при расследовании экологических правонарушений по законодательству Республики Казахстан.....	104
<i>Амирханов Б.К.</i>	
Совершенствование правового обеспечения и механизма реализации негласных следственных действий.....	115
<i>Бакыт А.</i>	
Метод правового регулирования как институциональный признак судебного контроля в досудебном производстве по уголовным делам.....	124
<i>Арын А.А., Айдарбаев С.Ж.</i>	
Институт реабилитации и его роль в защите прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого	131
<i>Yergali A.M., Amangeldi B.S.</i>	
Problems of counteraction of crime in the sphere of information technologies	141

6-бөлім Раздел 6
Халықаралық Международные
қатынастар отношения

<i>Sylkina S.M., Umbetbayeva Zh.</i>	
International legal features of the dissolution of the marital relationships	148

CONTENTS

Section 1 Theory and history of chair of state and law

<i>Sartaev S.A., Kalshabaeva M.Z., Umbetbayeva Zh.B.</i> The role of civil society in the formation of anti-corruption culture and anti-corruption consciousness.....	4
<i>Otarbayeva A.</i> Surrogate motherhood and human rights.....	17
<i>Boretsky O.M., Shvydko A.A.</i> Philosophy and rhetoric of ancient law.....	24

Section 2 Constitutional and administrative law

<i>Ospanova D.A., Kenzhalyev Z.Zh., Shulanbekova G.</i> Improvement of the system of availability of state services in the Republic of Kazakhstan	32
<i>Dossayeva A.A.</i> Some historical aspects of the establishment and development of the constitutional control institution.....	39

Section 3 Civil law and labour law

<i>Abaideldinov T.M., Muxinova A.T.</i> Some questions of social security right definition in the Republic of Kazakhstan.....	46
<i>Saktajanova I.S., Ayabekova M.N.</i> Legal Regulation of Social Security of Disabled Persons in the Republic of Kazakhstan.....	55
<i>Adilgazy S., Zhatkanbaeva A.E.</i> Formation of a regulatory framework that takes into account the protection of the rights of older persons.....	62
<i>Aldashev S.M., Nurahmetova G.G., Zhanshuakova G.N.</i> The meaning of mergers and acquisitions in labor law	66

Section 4 Natural resources and ecology law

<i>Uskelenova A.T., Ajarinova G.T., Shadiyev K.Kh.</i> Problems of the AIC and ways to improve agrarian policy of Kazakhstan in conditions of integration	74
--	----

Section 5 Criminal law and criminalistics

<i>Malikova Sh.B., Omarova A.B., Malikov D.B.</i> The Criminal Policy of the Republic of Kazakhstan in the Sphere of Informatization: Issues of Counteracting Computer Crime.....	90
<i>Alimova E.</i> Participation of a specialist in the criminal procedure as a guarantee of ensuring and protecting the rights and freedoms of minors	97

<i>Tapalova R.B., Malikov D.B.</i> Procedural forms of use of special knowledge at investigation on ecological offenses by the legislation of the Republic of Kazakhstan.....	104
<i>Amirkhanov B.K.</i> Improvement of legal support and mechanism for the implementation of unsolicited investigative actions.....	115
<i>Bakyt A.</i> The method of legal regulation as an institutional feature of judicial control in pre-trial proceedings in criminal cases.....	124
<i>Aryn A.A., Aydarbaev S.Zh.</i> Institute of Rehabilitation and its role in protecting the rights and legitimate interests of the suspect and accused.....	131
<i>Yergali A.M., Amangeldi B.S.</i> Problems of counteraction of crime in the sphere of information technologies	141

Section 6
International relations

<i>Sylkina S.M., Umbetbayeva Zh.</i> International legal features of the dissolution of the marital relationships	148
--	-----